ВЕЧЕРНІЕ ЧАСЫ,

ИЛИ

ДРЕВНІЯ

СКАЗКИ

СЛАВЯНЪ

ДРЕВЛЯНСКИХЪ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА

Въ Типографіи Компаніи Типографической,

съ Указнаго дозволенія,

1787.

ИЗВѢСТІЕ.

Вмѣсто Предисловія, которое какъ давно уже Сочинителями изыскано, столь же необходимо для книги, какъ воротникъ къ кафтану, вздумалъ я приложить сіе при моемъ Изданіи. Заглавіе сіе назвалъ я Извѣстіемъ по весьма важной причинѣ: многіе Читатели не жалуютъ Предисловій, съ Спартанскимъ равнодушіемъ пропускаютъ оныя мимо, и тѣмъ лишаютъ Сочинителей ожиданія, для котораго они пишутъ Предисловія; но *Извѣстіе* возбуждаетъ любопытство и приневоливаетъ къ прочтенію. Вотъ, Читатель мой! ты вошелъ уже со мною въ разговоръ, и тѣмъ общее намѣреніе Предисловія исполняется. Однакожь да не раздражится твое терпѣніе! Я завелъ тебя въ рѣчь не для своей пользы: не намѣренъ я одобривать тебѣ мое твореніе, изданіе, или какъ хочешь назови; вы разумѣете меня, что я говорю о сей книгѣ, коя теперь въ рукахъ вашихъ. Не намѣренъ, повторю я,

одобривать оную и возхвалять; ибо Предисловіемъ заставить тебя оцѣнить книгу не возможно: твой вкусъ, а не мой долженъ рѣшить судьбу ея. Критикуйте, когда вамъ угодно, мои мысли, мой слогъ, мои разположенія; они за тѣмъ и издаются въ свѣтъ, чтобъ слышать о погрѣшностяхъ, а по тому впредь отъ оныхъ исправляться. Но чтобъ наговоря больше, нежели самъ я чаялъ, не навлечь вашего неудовольствія, и многословіемъ моимъ не принудить васъ опказаться отъ любопытства, кончу намѣреніемъ сего извѣстія. Оное состоитъ въ томъ, чтобъ объяснить вамъ неминуемыя встрѣчи при вашемъ чтеніи. Вы дочитаетесь до такихъ странъ и народовъ, кои хотя всѣ почти стоятъ, или состояли въ предѣлахъ вашего отечества, но нынѣ уже подъ другими названіями, или мѣста ихъ заняты обитателями и именами новыми, а старые истребились въ памяти, такъ что не всю и во времянникахъ отъискать можно; а особливо вамъ: Вы начали читать Сказки для увеселенія, то кстати ли вамъ теперь рыться въ библіотекахъ. И такъ вѣдайте, что Россія

въ

въ древности не имѣла сего общаго названія; оная раздѣлялась на многія страны, населена была разными народами, старожилами и пришельцами, кои другъ друга изгоняли, или соединялись. Такъ Унны потѣснили къ Сѣверу Чудскихъ народовъ, сихъ прогнали отъ части Русы, а послѣднихъ покорили Славяне, и составили наконецъ шу великую область, въ коей мы обитаемъ. Предѣлы ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были еще обширнѣе нынѣшняго, на примѣръ, къ Востоку простирались оные за Дунай рѣку. Но чтобъ издавая Сказки, не издать Исторіи, удовольствуюсь небольшимъ историогеографическимъ объясненіемъ. *Чудьи* назывались въ древности *Мордва*, или *Мери*, *Чуваши*, *Черемисы* и *Карелы*; обитали въ Велико-Россіи. *Финны* были то же, что и нынѣ *Финны*, *Чухны*, *Эсты*, и можетъ быть *Варяги* и *Лопари*; обитали въ сѣверной части Россіи. *Висы*, или Бѣловисы, жили около Бѣла озера, *Кривичи* въ Смоленскѣ. *Дряговичи* по Двинѣ около Полоцка. *Ятвяги* около Буга рѣки. *Ясы* въ Молдавіи и Валахіи. *Даки* въ Седмиграціи и въ части Булгаріи. *Торки* близъ Крыму. *Поляне* въ нынѣ-

нынѣшней Польшѣ, и тамъ же *Горяне*. *Сусолы* въ Курлаидіи. *Бужане* и *Дулебы*, соединившіеся послѣ съ Ятвягами, отъ рѣки Буга къ Черному морю до Дуная. *Печенеги* и *Половцы* занимали мѣста отъ Азова къ Астрахани, и суть праотцы нынѣшнихъ Донскихъ Козаковъ, или можетъ быть *Казары*, пришедшіе отъ Дуная. *Болгары*, въ царствѣ Казанскомъ до Астрахани. *Вятичане* при рѣкахъ Вяткѣ и нѣсколько по Волгѣ. *Радимичи* обитали на рѣкѣ Песчаной близъ Польши. Русы отъ старой Русы простерли завоеванія свои во всѣ страны; а по томъ соединились съ Славянами. *Древляне* жили около Ильменя, или Ирмера озера; но надобно думать, что были то не старожилы, а пришельцы Славянскаго отродія, кои по занятіи собратіями своими Славянами Новогородскихъ предѣловъ, подвинулись къ Русамъ, и съ оными соединились въ единъ народъ; ибо и Русы были Славяне же.

Таковымъ-то нужнымъ объясненіемъ желалъ я тебѣ, Читатель мой, услужить, и уповаю, что ты негодовать за сіе на меня не станешь.

СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ (*).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Изъ числа древнихъ преданій, дошедшихъ чрезъ пересказываніе до временъ нашихъ, извѣстно, что Великій Князь Славянскій Вандалъ, пришедъ съ своимъ храбрымъ народомъ въ предѣлы нынѣшнія Россіи, покорилъ Руссовъ, побѣдителей Чудскихъ народовъ, за нѣсколько вѣковъ тутъ уже поселившихся. Повѣствованія отдаютъ славу премудрости сего Государя, и говорятъ, что онъ умѣлъ соединять Славянъ и Руссовъ во единый народъ, имя побѣдителя съ сладчайшимъ названіемъ отца и друга человѣчества, а корону съ бремянемъ; что онъ оказалъ храбрость своихъ подданныхъ подъ своимъ предводительствомъ, и распространилъ предѣлы областей, страхъ, почтеніе и любовь къ имяни Славяноруссовъ въ Сѣверъ, Востокъ и Западъ; но воевалъ по необхо-

(*) Древляне были народъ Славенорускій, обитали около Ильменя озера. Извѣстные города ихъ Коростанъ и Овручь; о прочихъ мало свѣденія.

димости, чтобъ оградить страны свои отъ нападающихъ; что по томъ не потерялъ онъ ни одного часа, въ который могъ быть полезенъ своимъ подданнымъ: возстановилъ законы, правосудіе, земледѣліе и художества; открылъ источники къ богатствамъ чрезъ торговлю; объѣзжалъ свое государство, дабы все видѣть, уразумѣть и поправить; заслуги награждалъ, пороки наказывалъ, и таковымъ образомъ своему юному сыну Избору оставилъ наслѣдіе цвѣтущее, изобилующее и спокойное.

Изборъ остался только пятнацати лѣтъ, когда воспослѣдовала кончина славнаго его родителя. Славомірь, первый вельможа и другъ отца его, возвелъ его на престолъ Славянъ Древлянскихъ (*), и былъ ему наставникомъ. Изборъ въ послѣдствѣ царствованія своего уподобился во всѣхъ добродѣтеляхъ равнымъ своему родителю; но сначала мало слушалъ совѣтовъ Славоміровыхъ, какъ-то видимо отчасти въ теченіи сихъ Сказокъ; онъ мало рачилъ о правленіи, возлагая всю тягость онаго на Сла-

(*) Славяны Древлянскіе назвались отъ соединенія съ Древлянами старожильцами изъ покоренныхъ ими народовъ, равно какъ и Славенорусскы отъ соединенія съ Руссами; но вообще назывались всѣ Славянорусскими, и вначалѣ составляли подданныхъ одной державы.

Славоміра, и предавался забавамъ хотя во основаніи невиннымъ, но суетнымъ. Псовая охота, игра въ шашки, и слушаніе сказокъ, были ему любезныя времяни препровожденія. Любимецъ его Уклонъ искалъ угождать его слабостямъ, и во многомъ пречилъ благонамѣреннымъ заботамъ престарѣлаго Славоміра; сей ласкатель узнавъ, что Государь его жалуетъ Сказки, представилъ ему славныхъ того времяни сказочниковъ, Голована и Скалозуба, и самъ иногда оныя разсказывалъ. Извѣстно, что подражаніе больше сему свѣту бываетъ завсегда господствующею страстью и для живущихъ отъ онаго въ отдаленіи: таковымъ образомъ, въ тогдашнее время Сказки вошли у Древлянъ во всеобщее употребленіе. Нѣкоторый богатый вельможа заплатилъ немалую сумму денегъ за то, чтобъ имѣть у себя собраніе Сказокъ, кои разсказываемы были въ вечерніе часы при дворѣ; одинъ Древлянскій грамотей списалъ оныя въ одну книгу, которую я издаю въ свѣтъ въ угодность нѣкоторыхъ Читателей. Но каковымъ образомъ столько древняя рукопись могла сохраниться отъ начальства времени и дойтить до рукъ моихъ, прошу моихъ Читателей не требовать на то объясненія; это составляетъ маленькую тайну, которую долженъ я сохранить.

ВЕЧЕРЪ I.

ПОВѢСТЬ
О Княжичѣ Вадимѣ.

Буривой нѣкогда владѣлъ въ сихъ странахъ, кои покорены оружіемъ вашего родителя Великаго Князя *Вандала*; онъ былъ сильный Государь; часть Славянъ, Русь и Чудь принимали его законы, и область его занимала почти весь сѣверъ. Столицу свою имѣлъ онъ въ Хомоградѣ (*), славномъ какъ по своему пространству, торговлѣ и великолѣпію зданій, такъ и по святилищу, находившемуся на возвышенномъ холмѣ, въ которое для моленія не рѣдко съѣзжались всѣ сѣверные Государи. Сокровища, собранныя его предками, и великіе получаемые имъ съ Государства доходы, учинили имя его знаменито; а храбрость его народовъ, и его собственная, испытанная выдержанными со славою многими войнами, навлекла ужасъ на всѣхъ сосѣдей, кои не смѣя болѣе нападать на его земли, ни подавать причинъ къ бранямъ, принуждены были въ молчаніи зави-

(*) Хомоградъ на Сарматскомъ языкѣ значитъ третій городъ; по извѣстіямъ лѣтописателей находился оный въ 30 поприщахъ отъ стараго Славянска, или Новагорода, при рѣкѣ Мстѣ, гдѣ нынѣ село Броница.

видовать мирному и цвѣтущему состоянію его государства.

Буривой имѣлъ трехъ сыновъ, *Гардорика*, *Гунигарда*, и *Вадима*, и оставляя временную жизнь, завѣщалъ старшему изъ дѣтей своихъ *Гардорику* воспитать младшихъ братьевъ пристойно ихъ происхожденію, и наконецъ удѣлить имъ изъ государства *Гунигарду* Бѣловесь съ частью Мери (*), а *Вадиму* Дряговичи и Бужанъ (**). Но по смерти его забыты и его завѣщанія. *Гардорикъ*, возшедъ на престолъ, сославъ братьевъ своихъ въ заточеніе, средняго въ городъ Старую-Русь, а младшаго въ Гарделинъ (***).

Въ семъ городѣ нещастный Княжичь возросъ бы въ совершенномъ невѣжествѣ, естьли бы *Гусимъ*, военачальникъ *Буривоевъ*, опредѣленный давно уже Воеводою въ Гарделинѣ, и помнящій одолженія къ себѣ родителя *Ва-*

(*) Бѣловесъ, или Виса, назывались народы, обитавшіе около Бѣлаозера; а Мери, или Мордва, занимали страны, гдѣ нынѣ Москва, Ярославль, и далѣе по обѣимъ сторонамъ Волги рѣки.

(**) Дряговичи жили по Двинѣ около Полоцка; а Бужане по рѣкѣ Бугу въ сосѣдствѣ Дулебовъ, у коихъ находилось славное Боговѣщалище, извѣстное подъ имянемъ Золотой бабы.

(***) Гарделинъ есть Старая-Ладога; лежитъ при рѣкѣ Волховѣ.

Вадимова, не учинился ему вмѣсто отца. Добродѣтельный сей старикъ отвратилъ нѣсколько несправедливость царствующаго Государя; онъ, подвергая опасности собственную жизнь, сыскалъ ученаго и извѣстныхъ поведеній мужа изъ Варягъ, учинилъ онаго приставомъ надъ заточеніемъ *Вадима*, и таковымъ образомъ доставилъ ему средство просвѣтить разумъ и очистить сердце юнаго Княжича. Со всемъ тѣмъ Вадимъ достигъ двацатилѣтняго возраста, украшенъ былъ науками, умѣлъ дѣйствовать оружіемъ, и оказывалъ въ себѣ великую душу; но не имѣлъ ни малаго слѣда къ возшествію на престолъ назначеннаго ему родителемъ наслѣдія. *Русимъ* хотя внутренне осуждалъ поступокъ своего Государя, но никогда не помышлялъ поправлять оный возмущеніемъ; онъ удовольствовался только тѣмъ, что учинилъ *Вадима* способнымъ быть Государемъ, естьли Небо то ему предназначило, а участь его, равно какъ и всего отечества, предоставлялъ волѣ Провидѣнія. Онъ мыслилъ въ семъ случаѣ какъ добрый подданный, коего должность не простирается далѣе любви къ отечеству, покорности и вѣрности къ своему Князю, и ни чуть не достигаетъ до поправленія, опредѣленнаго богами; онъ думалъ, что боги возводятъ Государей и управляютъ теченіемъ ихъ подвиговъ. Такъ ду-

думаютъ и въ добромъ государствѣ Древлянскомъ; а должно бы думать и во всемъ свѣтѣ. Но *Урманъ*, учитель *Вадимовъ*, больше другихъ вѣдающій цѣну свойствъ его, скорбѣлъ сердцемъ, что оныя остаются внѣ дѣйствія, и что Дряговичи и Бужане можетъ быть лишаются щастливыхъ дней, кои бы доставилъ онъ имъ подъ своимъ владѣніемъ. Онъ не рѣдко представлялъ *Вадиму* о несправедливостяхъ его брата, о правѣ участія оставленнаго родителемъ ихъ наслѣдства, о средствахъ къ достиженію на престолъ назначеннаго ему удѣла, и побуждалъ его бѣжать къ каковому нибудь сильному изъ сосѣдственныхъ Государей съ тѣмъ, чтобъ просить защиты и помощи противу утѣсненій *Гардориковыхъ*. Можетъ быть *Урманъ* изъ любви и сожалѣнія къ сему Княжичу чинилъ сіи наставленія, или какъ человѣкъ высокомѣрный, ожидалъ возвышенія своего въ случаѣ благополучныхъ послѣдствъ его внушенія: но *Вадимъ* не предвидѣлъ надежды вырваться когда нибудь изъ своей темницы, которую хранили строжайшимъ образомъ. Разговоры *Урмановы* сдѣлали его только безпокойнѣе противу прежняго; онъ получилъ понятіе о удовольствіяхъ человѣка, обитающаго въ обществѣ, и вкусъ царствованія, и о путяхъ, ведущихъ

къ

къ славѣ. Однако онъ не имѣлъ инаго друга, кромѣ своего учителя; и сему надлежало дѣйствовать къ поправленію судьбы его. *Урманъ* не щадилъ ничего привлекать на его сторону людей, могущихъ облегчить освобожденіе *Вадимово*, и успѣлъ въ томъ столько, что во время отлучки *Русимовой* въ Хомоградъ, извелъ щастливо юнаго Князя изъ темницы, и тайнымъ образомъ удалился съ нимъ изъ областей *Гардориковыхъ*.

Вадимъ чрезмѣрно желалъ при первомъ случаѣ быть въ старой Руси, гдѣ содержался братъ его *Гунигардъ*, и стараться объ освобожденіи онаго; но *Урманъ* представилъ ему опасности, отъ таковаго намѣренія случиться могущія, и совѣтовалъ ему шествовать въ Дакію (*) ко двору Князя *Декевала*, дабы удалясь отъ сосѣдства земель, подвластныхъ его брату, безъ опасенія можно было искать помощи къ достиженію требованія его. *Вадимъ* всегда за свято почиталъ совѣты своего учителя, слѣдовалъ его водительству, и не претерпя никакихъ опасностей въ пути чрезъ страны По-

---

(*) Дакія, нынѣшняя Седмиграція; а упоминаемый городъ Брасовъ, нынѣ называется Кронъ-Шпадъ. Князь Декевалъ жилъ въ концѣ перваго столѣтія Христіанской Эры.

Полянскую, Косожскую и Ясскую (*), прибылъ въ столичный Дакскій городъ Брасовъ.

Дскевалъ принялъ его съ отмѣнною честію; ибо онъ не скрылъ отъ него ни своей природы, ни своихъ нещастій. Слава *Буривоева* не загладилась еще въ памяти во всемъ Востокѣ и Западѣ, и полезна была его сыну, хотя впрочемъ не нашелъ онъ желаемаго у Государя Седмиградскаго. *Дскевалъ* былъ хотя довольно могущій владѣтель, и человѣкъ отличной храбрости, но близкое сосѣдство Римлянъ принуждало онаго всегда бодрствовать въ своемъ государствѣ, и содержать въ готовности всѣ свои войска; ибо Римляне имѣли въ мысляхъ учинить Панонію своею Провинціею, послѣ чего и Дакіи надлежало ожидать таковагожь жребія. *Дскевалъ* обѣщалъ ему только убѣжище во дворцѣ своемъ, и пристойное званію его содержаніе; онъ обнадеживалъ его, что когда онъ не можетъ возвести его на назначенный ему родителемъ его престолъ, по крайней мѣрѣ въ силахъ удержать гоненія его брата, естьли бы захотѣлъ оный простирать ихъ до Дакіи. *Вадимъ* въ нещастныхъ своихъ обстоятельствахъ принималъ сіе одолженіе съ благодарностію; но *Урманъ*, имѣющій въ го-

лосѣ

(*) Поляне обитали въ Польшѣ; Косоги и Ясы въ Молдавіи и Валахіи.

ловѣ мысль о своемъ возвышеніи, побуждалъ его шествовать къ Римлянамъ, дабы испытать у нихъ щастія въ испрошеніи войскъ и помощи. Можетъ бы *Вадимъ* по молодости своей послушался его, и не разсудилъ того, что введши въ свое отечество народъ, старающійся весь свѣтъ покорить своей державѣ, подвергнетъ оное равномѣрной опасности, каковая угрожала Даніи; однако нечаянный случай удержалъ его при дворѣ *Декевалововомъ*, и остановилъ намѣренія *Урманевы*.

Декевалъ имѣлъ дочь чрезвычайной красоты, именемъ *Брянославу*, и единственную наслѣдницу престола; ибо старшій ея братъ *Арпадъ* считаемъ былъ за погибшаго. По среди разныхъ забавъ, учреждаемыхъ въ честь *Вадиму*, отправлялось и звѣроловство, при которомъ онъ увидѣлъ прекрасную Княжну. Когда всѣ присутствующіе на ловлѣ раздѣлились въ разныя стороны, *Вадимъ* погнался за выбѣжавшею сѣрною; и какъ онъ отъ природы имѣлъ къ звѣроловству склонность, но по образу жизни, въ коей возсталъ, не имѣлъ опытовъ, то слѣдуя склонности и жару молодости, погнался за звѣремъ. Онъ заскакалъ далеко, и не остановился бы, естьлибъ не увидѣлъ въ сторонѣ свирѣпаго вепря, гоняющагося съ *лютостію* за одною женщиною, и постигающаго почти коня,

коня, на коемъ она спасалась отъ него. *Вадимъ* оставилъ свою добычу, и обратился къ защищенію находящейся въ опасности. Онъ приспѣлъ въ надлежащее время; ибо вепрь достигъ, и своими страшными клыками опровергнувъ коня, готовился терзать всадницу. Храбрость его въ мгновеніе ока рѣшила судьбу находящейся въ смертельномъ ужасѣ красавицы; онъ пронзилъ копіемъ звѣря, и повергъ мертва у ногъ ея. Онъ сскочилъ съ коня, и старался привести въ память обомлѣвшую дѣвицу; ибо заключилъ то по ея одѣянію и открытой головѣ, съ которой паденіе свергнуло покрывало. Красота ея съ перваго взгляду пронзила сердце *Вадимово*, и наполнила оное чувствомъ, дотоль ему неизвѣстнымъ. Когда же узналъ онъ, что избавилъ наслѣдницу Дакскаго престола, то и самое любочестіе его одобрило раждающуюся въ немъ страсть. Лестныя воображенія, коими питаются всѣ смертные, а всего больше влюбленные, наполнили душу его пріятными мнѣніями; онъ вѣдалъ, что обыкновенія у Славянъ не всегда дозволяютъ дѣвицамъ присутствовать при всенародныхъ увеселеніяхъ, и думалъ по тому, что *Декевалъ* съ намѣреніемъ приказалъ дочери своей участвовать въ звѣроловствѣ, дабы подать случай ему ее увидѣть и влюбиться. Можетъ быть и было то въ са-

момъ дѣлѣ, и послѣдствіе покажетъ, что Государь Дакскій былъ объ немъ хорошихъ мнѣній.

Чемъ далѣе восходимъ мы разсужденіями въ древность, тѣмъ чаще находимъ нравы и безпорочнѣе чувствованія страстей, возбуждаемыхъ природою; оная не была еще развращена: обманы и притворство не вошли тогда въ обыкновеніе. Любовники обоихъ половъ открывали свои склонности при всякомъ способномъ случаѣ; ибо мущины не умѣли измѣнять, а женщины были чистосердечны; увѣряли и вѣрили, и данное слово никогда не нарушалось. *Вадимъ*, слѣдующій движеніямъ сердца своего, воспользовался первыми минутами; и когда *Брячислава* пришла въ себя и освободилась отъ страха, говорилъ ей: „Прекрасная Княжна! сколько щастливымъ считаю я себя, что боги привели меня въ сіе мѣсто; они учинили меня избавителемъ той, которая съ сего часа пребудетъ единственною обладательницею моего сердца. „ — Не спѣшите говорить такъ рѣшительно, отвѣчала Княжна съ пріятною улыбкою; можетъ быть по довольномъ разсмотрѣніи найдете вы меньше во мнѣ дарованій, нежели достойныхъ. — „ Нѣтъ, *Брячислава*, подхватилъ *Вадимъ*, судьба, опредѣлившая мнѣ съ младенчества влополучный жребій, назначила мнѣ прибѣ-

жище

жище ко двору родителя вашего, чтобъ я васъ увидѣлъ и познаалъ, что есть еще на свѣтѣ благополучіе и кромѣ короны, похищенной у меня моимъ братомъ. Ахъ! что можетъ сравнишься противу обладанія вами! Сколь мало буду я завидовать хищнику моего престола, естьли вы, прекрасная *Брячислава*, учините меня благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ; естьли вы признаетесь, что любовь моя вамъ не противна, и позволите мнѣ требовать руки вашей у вашего родителя.

Брячислава, видѣвшая его съ самаго прибытія ко двору отца ея въ сокрытое отверзтіе попайнаго кокоя, плѣнилась имъ равномѣрно. Одолженіе, имъ оказанное, умножило склонность сію, и *Вадимъ* не имѣлъ затрудненія истребовать у ней признанія; она позволила ему просить ее себѣ въ супружество, и дать клятвы ему о вѣчной вѣрности, какъ скоро воля родителя ея одобритъ ихъ склонность. Восхищенный *Вадимъ* наполнился надеждою, цаловалъ ея руки и клялся любить ее одну только на свѣтѣ, хотя бы родитель ея и отказалъ ему въ союзѣ; наговорилъ еще множество безпорядочныхъ, и больше страсти, чемъ связи имѣющихъ рѣчей; не пропускалъ каждое слово прерывать лобзаніемъ рукъ ея; помогъ наконецъ взойтить ей на коня своего, и привелъ въ

разставленный на полѣ шатеръ *Декевалов*ъ, который уже началъ безпокоиться объ отсутствіи своей дочери.

Государь Дакскій пришелъ въ смятеніе, увидѣвъ дочь свою безъ ея надзирательницъ и тѣлохранителей сидящую на конѣ Князя Славянскаго, провождаемую только имъ однимъ; но можетъ быть смятеніе сіе было только покрышкою внутренняго удовольствія, которое долженъ былъ онъ имѣть, естьли намѣрялся привязать къ себѣ *Вадима* красотою своей дочери. — Что съ вами сдѣлалось, дочь моя? спросилъ онъ съ торопливостію. *Брянислава* увѣдомила его, что она, погнавшись за оленемъ, по быстротѣ коня своего вскорѣ удалилась отъ своихъ спутницъ, и не прежде усмотрѣла свою неосторожность, какъ оныхъ потеряла изъ слуху; что гонимой собаками вепрь напалъ на нее, опровергъ и умертвилъ ея лошадь, и что она была бы жертвою лютости сего звѣря, естьлибъ нечаянный случай не привелъ въ то мѣсто *Вадима*, который храбростію своею поразилъ его и избавилъ ее отъ неминуемой погибели. *Декевалъ* бросился съ объятіями къ Князю Славянскому, благодарилъ его за сіе одолженіе, клялся заслужить оное вѣчнымъ дружествомъ, и обратясь къ дочери своей, выговаривалъ ей слегка за неосторожность.

Звѣ-

Звѣроловство кончилось, и надлежало возвратиться въ столицу. *Вадимъ* сколько ни подстрекаемъ былъ своею страстію, не счелъ однако за благопристойность открыться въ оной предъ родителемъ своей возлюбленной на полѣ. Какую безпокойную ночь провелъ бы онъ, естьлибъ не было приемъ *Урмана*! Но оставшись наединѣ, первое и послѣднее слово его относилось до *Брячиславы*. Хитрый старикъ находилъ таковое чувствованіе въ юномъ Князѣ подкрѣпленія достойнымъ; онъ предвидѣлъ, что союзъ сей весьма полезенъ его намѣреніямъ. *Вадимъ* нашелъ одобреніе любви своей и получилъ наставленіе, каковымъ образомъ открыться въ томъ въ послѣдующее утро. Любовь есть лучшій учитель; *Вадимъ* предсталъ *Дскевалу* отмѣнно краснорѣчивымъ, и былъ выслушанъ снисходительно въ своемъ требованіи.„ За щастіе считаю я, отьѣтствовалъ ему Государь Дакскій, что кровь моя соединится съ кровію храбраго *Буривоя*! Но надлежитъ вамъ, любезный Князь, необходимо подвергнуться нѣкоторымъ условіямъ. Знаю я, что великая душа ваша съ негодованіемъ сноситъ несправедливость вашего брата; знаю, что оная побуждаетъ васъ освободить законное наслѣдіе родителя вашего отъ ига похитителева. Вступающій въ союзъ съ вами *Дскевалъ*

долженъ бы обратить всѣ силы свои къ подкрѣпленію вашего права; но важныя причины его удерживаютъ отказать въ томъ до времяни, когда промыслъ боговъ приведетъ въ лучшія обстоятельства его державу. Я старъ уже; сынъ мой *Арпадъ*, отправившійся въ путешествія, погибъ, ибо восемь лѣтъ не имѣю объ немъ извѣстія; а сосѣдство властолюбивыхъ Римлянъ ежедневно угрожаетъ Дакіи тѣмъ же, что учинили они съ Паноніею. И такъ, дражайшій мой *Вадимъ*, дочь моя будетъ вашею супругою на условіи, чтобъ вы до времяни забыли о вашихъ требованіяхъ на княженія Дряговичское и Бужанское, сочли Дакію вашимъ отечествомъ, и сняли съ дряхлаго *Декевала* бремя защищенія оной отъ властолюбивыхъ сосѣдей. — А онъ кончилъ рѣчь свою, устремилъ примѣчательные взоры на Князя Славенорусскаго, и ожидалъ, не произойдетъ ли въ томъ каковаго съ стороны его затрудненія. Но влюбленный *Вадимъ* считалъ предложеніе сего рода за благосклонность, прикрытую дружественною издѣвкою. Онъ былъ Государь безъ государства; могущество брата его удаляло во всякое время надежду достигнуть ему въ свое наслѣдіе рукою вооруженною; а *Дакія* всегда могла замѣнять уронъ двухъ княжествъ, оставленныхъ ему родителемъ. Онъ повергся на колѣна предъ *Декевалом*ъ,

и

и клялся отечественными богами, что свя-
то сохранить предлагаемыя отъ него усло-
вія. Бракъ былъ положенъ на словѣ; опре-
дѣлено совершить оный, какъ скоро испра-
вится пріуготовленіями къ торжеству. Меж-
ду тѣмъ *Вадимъ* имѣлъ уже свободное об-
ращеніе съ своею невѣстою, и страсть ихъ
взаимно возрастала.

Древніе *Даки* такъ богоговѣйны бы-
ли въ своемъ законѣ, что никаковое важное
дѣло не предпринималось у нихъ безъ воли
боговъ. Находилось у нихъ боговѣщалище
при рѣкѣ Марошѣ, въ которомъ кумиръ
Дажбога даваль вопрошающимъ отвѣты. Нѣ-
сколько ближнихъ Бояръ Декеваловыхъ от-
правлено было на сей конецъ туда, и вер-
ховный Жрецъ по волѣ боговъ назначилъ
бракъ *Вадимовъ* съ *Брячиславою* въ ново-
мѣсячіе. Все готово было къ торжествова-
нію: всѣ вельможи Дакскіе, извѣщенные чрезъ
нарочныхъ гонцовъ, съѣхались ко двору, и
стѣны города Брасова едва вмѣщали въ се-
бѣ множество народа, стекшагося видѣть
оное. Наконецъ насталъ нетерпѣливо ожи-
даемый день: златорогая луна появилась на
Юго - Западѣ, и свечера еще храмъ боги-
ни Лады украшенъ былъ цвѣтами; а по
всѣмъ улицамъ провозглашатели объявляли
народу о причинѣ торжества. Въ ближней
думѣ объявлена и записана была воля Декева-

лова, что *Вадимъ* Князь Славенорусскій избранъ имъ въ наслѣдники престолу и супруги дочери его.

Уже багряновидная Зимцерла разпростерла розы свои на Востокѣ; уже Жрецы Свѣтовидовы въ разныя музыкальныя орудія возпривѣтствовавъ приходъ всемірнаго свѣтила, текли увѣнчанны розовыми вѣнками во храмъ Лады (*). Олтари курились, сто паръ бѣлыхъ голубей, связанныхъ алыми лентами, лежали предъ сиыми, и верховный Жрецъ, держащій въ рукѣ жертвенный ножъ, ожидалъ лишь прибытія своего Государя съ новобрачными. Вскорѣ появился *Дексалъ*, ведущій оныхъ за руки, въ посаѣдованіи всѣхъ вельможъ своихъ и тѣлохранителей. Воспѣты гимны, кровь непорочныхъ животныхъ проліялась въ чашу, и огнь началъ пожирать тѣла ихъ. Прорицатель возвѣщалъ благополучный вѣкъ сочетавающимся, тогда какъ Первосвященникъ, цѣпью, сплетенною изъ розъ, связалъ *Вадима* и *Брячиславу*; они принесли уже клятвы о вѣчной вѣрности, и торжество духовное при-

(*) За безполезное почитаю объяснять о упоминаемыхъ здѣсь Славянскихъ божествахъ. Читавшимъ Рускія Сказки, также и Славянскія Сказки и древности, извѣстно, что Лада была богиня любви; Свѣтовидъ богъ дня, или Фебъ; а Зимцерла Аврора, или богиня Зари.

приходило уже къ скончанію, но вдругъ издали простирается смутный шумъ народа; оный разступается и очищаетъ путь ратному гонцу. Сей приближается держащій въ рукахъ стрѣлу, и народъ восклицаетъ: война! война! — Гонецъ сходитъ съ коня своего, подходитъ съ наклоненною главою къ *Декевалу*, преломляетъ стрѣлу, и бросивъ къ ногамъ Княжіимъ, вѣщаетъ: нещастный рабъ приходитъ возмутить торжество твое, о Государь! Паноніа покорена Римлянами, и когорты ихъ приближаются къ предѣламъ Дакіи. Вскорѣ орлы ихъ разпростругъ крылья свои въ предѣлахъ твоей державы, когда ты, о Государь! не отразишь силу мужествомъ. Дорганъ, Военачальникъ твой, посылаетъ меня съ симъ извѣстіемъ; онъ готовъ уже съ ратію, и присоединилъ къ себѣ *Сикуловъ* (*), стекшихся къ нему послѣ пораженія изъ Паноніи.

Приключеніе таковое возмутило всеобщее веселіе; торжество остановилось, и самая страсть *Вадимова* принуждена была уступить воскипѣнію геройскаго сердца. Онъ лобзаетъ руку своей возлюбленной, объемлетъ ее какъ бы прощаясь, слагаетъ съ себя цѣпь брач-

 ную,

(* *Сикулами* назывались Гуны, народъ, обитавшій отчасти въ Венгріи, или Древней Паноніи, и приводившій храбростію своею въ трепетъ всю Европу.

ную, приступаетъ къ олтарю, и взявъ съ онаго горящую головню, вздымаетъ кверьху и всенародно произноситъ слѣдующую клятву: „Свидѣтельствуюсь безсмертными покрови„телями Дакіи и всего Славянскаго отродія, „клянусь престоломъ *Декеваловымъ* и „сердцемъ возлюбленной моей *Брячисла„вы*, что брачный одръ до тѣхъ поръ бу„детъ удаленъ отъ вѣрнаго *Вадима*, по„коль рука его принудитъ Римлянъ отре„щись отъ хищническаго намѣренія ихъ на „Дакію!„ — Верховный Жрецъ принялъ изъ рукъ его клятвенную головню сію, и отослалъ на неугасаемый олтарь *Зничевъ*. На вечѣ храма Чернобогова возтрубили въ бранный рогъ; звукъ онаго повторенъ во всѣхъ частяхъ столицы, и чрезъ скорыхъ гонцовъ разпространенъ во всѣхъ четырехъ странахъ государства. Брачный залъ обращенъ въ собраніе воинской Думы, и *Декевалъ* съ *Вадимомъ* и боярами своими прибылъ въ оный прямо изъ храма Ладина. Совѣщали послать къ Гимлянамъ Посла для опознанія истиннаго ихъ намѣренія. Осторожные изъ престарѣлыхъ вельможъ и самъ *Декевалъ* были того мнѣнія, чтобъ не начинать войны, пока объявятъ оную сами Римляне; ибо по одному виду собирающагося при границахъ войска ихъ не можно было заключать о нападеніи ихъ на Дакію. Однако *Вадимъ*, под-

жи-

жигаемый своею страстію, и убѣждаемый поспѣшно изрѣченною своею клятвою, которая удаляла его отъ обладанія дражайшею супругою, былъ противнаго мнѣнія. „Свѣтлѣйшій Декевалъ! (говорилъ онъ) хотя я и неискусенъ еще по молодости моей въ таковыхъ обстоятельствахъ, для коихъ собранъ совѣтъ сей; но мню, что въ бранныхъ произшествіяхъ всякое замедленіе доставляетъ выгоду врагамъ нашимъ. Всегда полезнѣе вести войну наступательную, нежели допустить непріятельскій пламень въ нѣдра своего отечества. И чего можемъ ожидать мы отъ Рамлянъ? Народъ, желающій покорить весь свѣтъ подъ иго свое, упуститъ ли присоединить Дакію къ Паноніи? Сикулы не единоплеменники ли наши, коихъ владѣніе учинили уже они своею Провинціею, и всенародное право не повелѣваетъ ли намъ отмстить за оныхъ? Должно воспользоваться временемъ: силы Римлянъ раздѣлены нынѣ; они еще не отдохнули отъ тяжкой войны въ Палестинѣ. Удобно преодолѣемъ мы войско ихъ, находящееся въ Паноніи. Должно явить имъ дѣйствіе сильной руки Славянской, и чрезъ то пресѣчь охоту къ нападенію на народъ непобѣдимый. Возстановимъ Сикуловъ въ ихъ стяжаніи, и чрезъ то учинимъ ихъ благодарными себѣ союзниками. Ты, о *Декевалъ*!

по волѣ боговъ заступилъ мѣсто моего родителя; а я обязанъ, яко сынъ, понести бремя трудовъ воинскихъ. Повели воспріять мнѣ оружіе и обратить оное на Римлянъ. Сердце мое горитъ нетерпѣніемъ явить тебѣ опытъ моего усердія; а сія рука всеконечно увѣритъ тебя, что я милостей твоихъ достоинъ. — Видъ, съ каковымъ произнесъ *Вадимъ* рѣчь свою, ободрилъ души всѣхъ Военачальниковъ; всѣ похвалялли намѣреніе *Вадимово*, и потрясая своимъ оружіемъ, явили, что держутся они его мнѣнія. *Декевалъ* рѣшилъ то своимъ согласіемъ; онъ возложилъ на него свою мантію, и препоясавъ Княжескимъ мечемъ, объявилъ его верховнымъ Начальникомъ войскъ своихъ. Назначено сборное мѣсто, и рать выступила въ походъ.

Между тѣмъ сердце *Вадимово*, воспламененное желаніемъ славы, не могло преодолѣть нѣжнѣйшихъ чувствованій. Разлука съ *Брячиславою* была для него несносна; но съ другой стороны находилъ онъ сію неминуемою къ сохраненію изрѣченной имъ клятвы. По долгихъ сѣтованіяхъ, по тысячекратныхъ подтвержденіяхъ клятвъ о вѣчной вѣрности, и съ проліемъ многихъ слезъ, разлучился онъ съ нею. Возсѣлъ на браннаго коня, и послѣдуемый *Урманомъ*, отправился къ войску. Нашелъ

шелъ онъ всю рать готовую къ его повелѣніямъ. Поступки Римлянъ оправдали его доводы; ибо открылось враждебное предпріятіе ихъ на Дакію построеніемъ великаго и удивленія достойнаго каменнаго мосту чрезъ Дунай близь Никополя. Могло то служить за явное объявленіе войны. *Вадимъ* не медливъ вступилъ въ Панонію, и всюду разпростеръ ужасъ своего оружія. Части войскъ Римскихъ всюду были побиваемы; Гуны собирались и занимали прежнія свои жилища, и оставалось рѣшиться участи всей Панониі отъ главнаго сраженія; ибо силы Римлянъ собрались при Кашавѣ, главномъ городѣ въ верьхней странѣ государства сего. *Вадимъ*, произведенный природою для безсмертной славы, и достойною отраслію своихъ предковъ, повелъ рать свою прямо къ ополченію Римскому и принудилъ оное къ рѣшительному сраженію. Тогда Римляне впервые возчувствовали непреодолимую твердость храбрости Славянской: все войско ихъ было на голову побито. Панонія очищена, Сикулы возстановлены въ своемъ владѣніи, и заключенъ съ ними оборонительный союзъ. *Вадимъ* возвращался увѣнчанъ славою, и готовился вступить торжественно въ Ерасовъ; уже разпоряженъ былъ *Урманомъ* входъ сей, и какъ вести военноплѣнныхъ и нести пріобрѣтенные трофеи; сердце *Ва-*

ди-

Димово трепетало во ожиданіи радостей, когда уже ничто не удерживало его отъ обладанія возлюбленною *Брячиславою*. Торжество начинается, всѣ стѣны и улицы столичнаго города покрыты были народомъ, и посреди восклицаній онаго *Вадимъ* приближается ко дворцу. Онъ видитъ идущаго въ спрѣтеніе свое *Декевала*, со всемъ множествомъ вельможъ Дакскихъ; но не зритъ одной *Брячиславы*. Неизвѣстный ужасъ объемлетъ его душу: онъ приближается къ отцу своей возлюбленной, сходитъ съ коня и вручаетъ ему мечь убитаго имъ Римскаго Полководца; но взоры его вопрошаютъ, для чего не видятъ они *Брячиславы*. Самъ *Декевалъ* посреди объятій и радостныхъ слезъ, казалось, что вопрошалъ его о томъ же съ своей стороны. Нетерпѣливость пресѣкаетъ взаимное ихъ молчаніе, и оба они вдругъ вопрошаютъ: гдѣ дочь моя? гдѣ возлюбленная *Брячислава*? Вопросы сіи приводятъ къ объясненію, и оба они съ трепетомъ познаютъ, что *Брячислава*, не преодолѣвши желанія увидѣть возлюбленнаго своего увѣнчаннаго лаврами, переодѣвшись въ мужское платье, оставила тайно дворецъ родителя своего, и отъѣхала въ Панонію. *Декевалъ* вѣдалъ о томъ изъ оставленнаго ею письма; но не зналъ еще, что она въ войскѣ не явилась.

Но

Не возможно описать ужаса и горести, объявшихъ тогда *Вадима*: онъ считалъ ее погибшею, или, что лучшимъ полагать было должно, доставшеюся въ добычь Римлянамъ, когда когорты ихъ проходили изъ за Дуная въ *соединеніе* къ *главной* арміи. Тысяча отборныхъ дворянъ разослана была въ тотъ же день въ разныя стороны для навѣданія; но медленность ихъ не приносила отрады, стражду*щему Вадимову* сердцу. Онъ клялся не возвращаться въ Дакію, пока не сыщетъ свою возлюбленную. Тщетно убѣждалъ его о таковаго предпріятія *Декевалъ*; могло ли что удержать его? Онъ оставилъ Брасовъ, и въ немъ вѣрнаго своего *Урмана*, для вспомеществованія мудрыми своими совѣтами престарѣлому и огорченному Дакскому Монарху; а самъ взявъ съ собою только двухъ вѣрныхъ оруженосцовъ, отправился искать особу, въ коей заключалось все благополучіе жизни его. Хотя оставлялъ онъ новое отечество свое, запутанное въ кровавую войну съ сильнымъ народомъ; но уповалъ, что совершенное пораженіе всѣхъ войскъ его, въ сей странѣ находящихся, не скоро приведетъ въ забвеніе таковую рану, и либо понудитъ къ миру, или надолго отведетъ возобновленіе войны. Надежда ободряла его мысли, что между тѣмъ будетъ онъ щастливъ въ своемъ поискѣ, и съ спокойнѣйшимъ

тимъ сердцемъ успѣетъ возвратиться къ защищенію отечества возлюбленной. Однако онъ обманулся въ томъ; участь предопредѣляла его ко многимъ злоключеніямъ, а Даніи конечную погибель отъ сильнаго непріятеля.

Тщетно странствующій *Вадимъ* объѣхалъ всю Паноніо, область Ясовъ, Полянъ, Финновъ, Сусоловъ и Порусовъ; нигдѣ не нашелъ онъ ни малѣйшаго слѣда, который привелъ бы его на путь къ желаемому предмету. Оплакивая жестокость судьбы своей, сѣлъ онъ въ Порусіи на Варяжской корабль, плывущій къ брегамъ Италійскимъ, и вознамѣрился подъ скрытымъ именемъ искать свою *Брячиславу* въ нѣдрахъ самаго Рима. ——

На семъ словѣ *Изборъ* пресѣкъ слова Головановы; проведенное имъ утро въ трудахъ звѣроловства отягощало вежды его сномъ. Избавляю тебя (сказалъ онъ ему) отъ условія; мы можемъ докончить завтра. Онъ возвратился изъ садовой бесѣдки въ покои дворца своего; вечеръ, ночь, утро и остатокъ дня проведены въ обыкновенныхъ упражненіяхъ. *Славоміръ* съ цѣлою связкою нужныхъ бумагъ не былъ допущенъ во внутреннїе чертоги; онъ поворчалъ, почесалъ въ головѣ, и пошелъ трудиться къ пользѣ государства. Но рачительный *Изборъ* не пропустилъ вечернихъ часовъ; онъ въ срокъ за-

заняльъ мѣсто свое въ садовой бесѣдкѣ, и Голованъ продолжалъ.

ВЕЧЕРЪ II.

Уже изъ за горизонта представлялся плывущимъ гордящійся верьхъ горы Везувіи; кормчій уповалъ пристать къ берегамъ Кампаніи (*) еще до захожденія солнечнаго, какъ внезапно налетѣла ужасная туча, вѣтры заревѣли, и вздымающіяся къ небесамъ волны понесли корабль посреди окружающей тьмы въ неизвѣстную сторону. Три дни продолжалась ужасная сія буря, и кормчій не вѣдалъ, въ какой странѣ свѣта они находятся; ибо вѣтры премѣнялись почти ежечасно, кормило отшибло, и носило ихъ по стремленію волнъ въ разныя стороны. Въ сіе страшное время всѣ были въ отчаяніи, опричь одного *Вадима*, которой, пренебрегая опасность, ободряль всѣхъ своимъ примѣромъ, и спасеніе корабля можно было приписать его неустрашимости; ибо когда нѣсколько матросовъ сорвано было вихремъ, главную мачту сломило, и всѣ Варяги ослабѣвъ оставили корабль безъ управленія, одинъ онъ бросался во всѣ стороны, и заступалъ

(*) Кампаніею называлась въ древности та страна, гдѣ нынѣ Неаполитанское королевство.

должность кормчаго и матросовъ. Казалось, что онъ превозмогъ бурю своимъ великодушіемъ. Наконецъ вѣтры умолкли, природа возпріяла прежнюю тишину, и лучи солнечные освѣтили ихъ опять близъ столповъ Иракловыхъ, гдѣ сей полубогъ сильными руками своими раздѣлилъ перешеекъ, соединявшій нѣкогда Европу съ Африкою. Корабельный народъ, видѣвши себя на краю достовѣрной погибели, и притомъ не далеко снесенныхъ отъ желаемой пристани, наполнялъ воздухъ радостными восклицаніями. Но веселіе таковое не надолго было: не успѣли они выйти изъ пролива, какъ усмотрѣли варварской разбойничій корабль, бѣгущій къ нимъ на всѣхъ парусахъ. Варяги пришли въ новое отчаяніе; ибо не имѣли ни силъ къ защищенію своему, ни кормила къ управленію кораблемъ; они готовы были отдаться въ неволю безъ сопротивленія. Безплодно начальникъ корабля укорялъ ихъ трусостію; они вышли изъ повиновенія, и въ отвѣтъ самаго его называли измѣнникомъ, ищущимъ ихъ смерти.

Тогда *Вадимъ*, коего сердце никакая опасность поколебать не могла, вошелъ въ средину волнующихся матросовъ, и краснорѣчіемъ своимъ старался возбудить въ нихъ угасшую храбрость. Онъ представлялъ имъ славу, которая повсегда пребывала съ оружіемъ

жіемъ Варяжскимъ; изображалъ бѣдствія не-
воли, коей они добровольно хотятъ подвер-
гнуться; доказывалъ, что свободнорожден-
нымъ людямъ стократно лучше погибнуть,
защищая свою вольность, чемъ какъ под-
лымъ рабамъ протянуть шею къ возлагаемо-
му ярму. Словомъ сказать, героическій видъ,
сопровождавшій слова его, воспалилъ въ нихъ
угасшую храбрость: воины бросились къ ору-
жію, а матросы начали сколько можно бы-
ло трудиться въ починкѣ корабля и приве-
деніи онаго въ оборонительное состояніе.
Чрезъ нѣсколько часовъ варвары приближи-
лись, и оказали намѣреніе свое къ нападе-
нію; хотя не можно опредѣлить было, съ
которой стороны учинено оное, для того
что оба корабля вдругъ сближились и сцѣ-
пились крюками. Началось кровопролитное
сраженіе. *Вадимъ* съ двумя Даками своими
разносилъ всюду ужасъ, и смерть сопрово-
ждала удары его; однако и между варва-
ровъ находился противникъ ему. Былъ то
молодой, прекрасный воинъ, въ позолочен-
ной бронѣ; но сила и отважность превосхо-
дили лѣта его. Можно было признать его за
начальника корабля; потому что онъ обо-
дрялъ всѣхъ уступающихъ варваровъ словами
и примѣромъ своимъ. Не надолго оба ратни-
ка остались безъ сраженія; скоро усмотрѣли
они, что побѣда не будетъ рѣшительна

на, пока оба они будутъ живы. Взаимное ихъ другъ на друга стремленіе чрезъ нѣсколько часовъ удержано было толпою рядовыхъ, тѣснящихъ и поражающихъ другъ друга съ звѣрскою люстостію. Но наконецъ на обоихъ кораблях не осталось ни одного воина, опричь матросовъ; оруженосцы *Вадимовы* пали отъ руки юнаго варварскаго начальника. Смерть ихъ еще болѣе раздражила сына Буривоева; онъ вскочилъ на варварское судно, и напалъ какъ левъ на своего противника; но юный воинъ принялъ его съ таковою неустрашимостію, что всякой бы кромѣ *Вадима* принужденъ уступить былъ. Щиты ихъ возгремѣли отъ сильныхъ ударовъ, и отрубки оныхъ летѣли чрезъ край корабля далеко въ море. Нѣсколько разъ *Вадимъ* принужденъ былъ уступать на свой корабль, но столькожъ разъ прогонялъ варварскаго начальника и наступалъ на него. Наконецъ щиты ихъ развалились, оба ратника лишились силъ, сабли изъ рукъ ихъ выпали и принуждены были оставить сраженіе. Утомленные герои взирали другъ на друга съ удивленіемъ, но остерегаясь взаимно, чтобъ кто изъ нихъ не возобновилъ сраженія нечаянно. Между тѣмъ личникъ шелома противника *Вадимова* опустился, черты лица его произвели великое впечатлѣніе въ душѣ Славянскаго Князя; онъ возчувствовалъ

валъ непреодолимое желаніе примириться съ нимъ. Долго удерживался онъ вступить съ нимъ въ разговоры, опасаясь того, чтобъ противникъ его не счелъ то за робость; но наконецъ не могъ преодолѣть себя. Государь мой! сказалъ онъ ему: кажется, что мы совершили уже долгъ нашъ, желая пріобрѣсти побѣду каждой своему отечеству. Явно зримъ мы упорство судьбы, не позволяющей на обѣ стороны присвоить таковую славу. Свидѣтели нашей храбрости учинились добычею смерти; и какая будетъ польза, когда оба мы послѣдуемъ за ними? Побѣда и тогда еще не рѣшится. Я не отрекаюсь отъ того, естьли вамъ угодно; но признаюсь, что съ сожалѣніемъ долженъ буду покушаться на жизнь вашу; неизвѣстное мнѣ притяженіе влечетъ меня къ вамъ. — Вы говорите языкомъ моего сердца (отвѣтствовалъ младой воинъ по Славянски; что еще больше возбудило любопытство *Вадимово.*) Я самъ хотѣлъ сказать вамъ то же. Клянусь безсмертными, что съ сего часа оружіе мое будетъ служить токмо для защищенія вашего. Тайное побужденіе принуждаетъ меня отвергнуть всякую къ вамъ недовѣрчивость; я влагаю въ ножны мою саблю, и вручаю въ залогъ вѣчнаго къ вамъ дружества сей перстень. — Онъ, сказавъ сіе, снялъ съ руки драгоцѣнной перстень, и подавалъ,

валъ *Вадиму*, которой, равномѣрно вло-
живъ оружіе, принялъ оный почтительно,
надѣлъ на руку, на мѣсто своего равномѣр-
ной цѣны перстня, который подалъ своему
новому другу. Оба они заключили другъ друга
въ объятіяхъ, и клялись взаимно о вѣчномъ
дружествѣ. — Храбрый Герой! сказалъ по
томъ *Вадимъ*, желающій нетерпѣливо уз-
нать объ имяни новаго своего друга: удо-
вольствіе мое въ полученій вашей благосклон-
ности будетъ слабо, когда не буду я знать,
кому за оную обязанъ благодарностію. Нарѣ-
чіе ваше доказываетъ, что мы единоплемен-
ники; не скройте отъ *Вадима* Князя Славяно-
русскаго имяни и отечества своего. — Не-
бо видитъ, отвѣтствовалъ младой воинъ,
сколько огорчаетъ меня то, что не могу
удовлетворить я вашему желанію! Нѣкоторыя
обстоятельства принуждали меня учинить
тяжкую клятву, до нѣкотораго опредѣлен-
наго времяни никому не открывать объ
моемъ имяни. Впрочемъ щиталъ бы я за
особливое щастіе исполнить въ томъ волю
великаго героя, наполнившаго весь свѣтъ сла-
вою своего имяни въ послѣднюю войну меж-
ду Даковъ съ Римлянами. Между тѣмъ будь-
те увѣрены, что природа моя не наноситъ
дружеству нашему безчестія, и довольствуй-
тесь до времяни, когда угодно будетъ бо-
гамъ впредь соединить насъ, называть и

по-

помнить меня подъ именемъ *Готфа*. — *Вадимъ* съ огорченіемъ принужденъ былъ оставить любопытство, и не смѣлъ убѣждать друга своего къ нарушенію клятвы. Между тѣмъ Готфъ простиралъ къ нему объятія; онъ поцаловалъ его, и прощаясь говорилъ: участь наша принуждаетъ насъ разстаться; но въ какихъ бы обстоятельствахъ я ни находился, храбрый *Вадимъ* навсегда останется въ моей памяти. Перевяжите между тѣмъ свои раны, и старайтесь о починкѣ поврежденнаго судна своего. — Какія это раны! говорилъ *Вадимъ*, воздохнувъ: сердце мое носитъ неисцѣлимую язву, произведенную несравненною красотою Дакской Княжны. О другъ мой! скажи, не удалось ли тебѣ когда нибудь объ ней слышать? Не знаешь ли, въ какой нынѣ странѣ она обитаетъ? — Но Готфъ удалился отъ него усмѣхнувшись. Удивляюсь, сказалъ онъ, что сердца непобѣдимыхъ Героевъ безъ всякаго сопротивленія покаряются слабымъ женщинамъ! По семъ словѣ отнялъ онъ крюки, соединявшіе корабли, и волнованіе, начинавшееся въ морѣ, вскорѣ удалило оные изъ виду.

Вадимъ остался въ изумленіи; клятвы новаго его друга, и усмѣшка при напоминаніи о Дакской Княжнѣ, казались ему загадкою. Онъ подозрѣвалъ въ своихъ воображеніяхъ считать его за *Арпада*; но разсуждая

опровергалъ таковыя мысли. Естьлибъ былъ то братъ моей возлюбленной, (мнилъ онъ) могъ ли бы онъ удержаться, вѣдая союзъ мой съ *Декеваломъ*, какъ то видимо было изъ словъ его, не открыться мнѣ? По какой причинѣ заклялся онъ таить свое имя? Не подозрѣваетъ ли онъ меня, что я хочу лишить его родительскаго престола? Ахъ! сколько я удаленъ отъ того! — Подобныя симъ разсужденія кончились нерѣшимостію. Между тѣмъ начинавшаяся буря усилилась; она не допускала кораблю пристать къ берегу, и влекла ихъ въ открытое море. Ослабшіе и безъ того корабельные служители не могли управлять кораблемъ поврежденнымъ. Носило ихъ нѣсколько дней, и напослѣдокъ при неизвѣстныхъ берегахъ судно разбилось о подводный камень. Всѣ погибли, кромѣ одного *Вадима*, который, успѣвъ схватить саблю свою, спасся отъ потопленія на отломкѣ корабля. Онъ вышелъ на неизвѣстную землю, отъ великаго утомленія легъ подъ случившимся тутъ густымъ деревомъ, и печальнымъ размышленіямъ его послѣдовалъ крѣпкой сонъ.

Вадимъ пробужденъ былъ шорохомъ мимоидущаго человѣка, и раскрывъ глаза, увидѣлъ невольника въ желтомъ одѣяніи. — Остановись, другъ мой! закричалъ онъ ему, и удовольствуй мое желаніе: скажи пожалуй, въ

въ какомъ нахожусь я мѣстѣ? — „ По чему я тебѣ другъ? отвѣчалъ незнакомой; ты меня отъ роду не видывалъ. „ — *Вадимъ* обрадованный тѣмъ, что незнакомой разумѣлъ языкъ его, повторялъ свою прозьбу. На что оной съ громкимъ смѣхомъ сказалъ ему: „ По видимому ты еще глупѣе и господина моего; развѣ ты не видишь, что лежишь на берегу подъ дубовымъ кустомъ? *Вадимъ*, сочтя, что онъ не ясно выразумѣлъ слова его, продолжалъ спрашивать у него, какъ называется оная земля и подъ чьимъ состоитъ владѣніемъ. — Эта земля, отвѣчалъ онъ, называется землею; этотъ кустъ называется кустомъ; а надлежатъ они нашему судьѣ. Развѣ ты не умѣешь ихъ назвать другими имянами? Такъ растолкуй мнѣ. Вѣдь всякая вещь называется своимъ имянемъ: собака собакою, а я называюсь *Простай*, а пріѣхалъ я сюда съ краю свѣта такъ далеко, что тебѣ и въ умъ не войдетъ. — Славянскій Князь по виду незнакомаго заключалъ, что имѣетъ дѣло съ дуракомъ; но желая удостовѣриться, всталъ, и дабы узнать изъ нѣкоторыхъ словъ его желаемое, спрашивалъ: какъ называется ихъ судья? и гдѣ живетъ владѣтель земли сей? Но желтоодѣянной былъ испуганъ незнакомымъ одѣяніемъ *Вадимовымъ*, побѣжалъ отъ него прочь, кри-

 ча:

ча: нашъ судья живетъ въ городѣ, домъ его на большей площади; а естьли не вѣришь, поди самъ посмотри. И удалился изъ виду.

Вадимъ, не собравшись еще съ силами, принужденъ былъ оставить до времяни любопытство свое, и легъ для отдохновенія на прежнемъ мѣстѣ. участь возлюбленной его *Брячиславы* заняла мысли его съ жесточайшими воображеніями, и безпокойный духъ его лишалъ успокоенія. Онъ занятъ еще былъ своею печалію, какъ услышалъ приближеніе коннаго, и оглянувшись усмотрѣлъ молодаго прекраснаго мущину въ богатомъ Римскомъ одѣяніи, ѣдущаго на Турецкомъ великолѣпно убранномъ конѣ. Онъ не правилъ имъ, но давалъ волю везти его, куда хочетъ. По случаю лошадь остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ находился *Вадимъ*. Незнакомой, какъ бы вышедъ изъ глубокой задумчивости, началъ оглядываться на всѣ стороны, возводилъ взоры свои на небо, билъ себя въ грудь, и по томъ поворотилъ коня въ сторону на густой терновой кустарникъ. Животное, удерживаемое густою и спицами терновника, остановилось; но всадникъ понуждалъ шпорами и ударами. Лошадь прыгала, остановясь на одномъ мѣстѣ, и привела шѣмъ его въ досаду. Онъ

ескочилъ на землю, и порожая невинную тварь нѣсколькими ударами своего кинжала, умертвилъ. Тогда онъ, какъ бы изъ глубокаго сна пробудившись, усмотрѣлъ невозможность, удерживавшую коня его отъ повиновенія. Казалось, что сожалѣлъ онъ объ немъ, толкалъ его ногами, и увидѣвъ, что онъ умеръ, въ великомъ бѣшенствѣ вонзилъ кинжалъ свой въ землю. *Вадимъ* удивляясь поступку незнакомаго, но вскорѣ изъ словъ его заключилъ, что онъ нещастной любовникъ, лишившійся разума. Между тѣмъ сумасшедшій, произнесши многія жалобы, пришелъ въ совершенное отчаяніе, и бросясь къ своему кинжалу, закололъ себя, прежде нежели Князь Славянскій могъ предупредить его въ томъ. Онъ бросился къ нещастному, желая подать каковую нибудь помощь; но увидѣвъ его уже бездушна, вынулъ изъ груди его окровавленый кинжалъ.

Въ самое то время прискакала къ оному мѣсту прекрасная Римлянка, въ послѣдованіи выше упомянутаго желтоодѣяннаго человѣка. Она, взглянувъ на мертвое и обагренное кровію тѣло, и на стоящаго при сномъ съ кинжаломъ въ рукѣ *Вадима*, прыгнула съ своей лошади, выхватя кинжалъ, при ней находившійся, и напала на него въ отчаяніи. Убійца любезнѣйшаго на свѣтѣ че-

человѣка! кричала она, производя удары, отъ которыхъ *Вадимъ*, не имѣющій щита, укрыться не могъ, и получилъ глубокую рану въ правое плечо. — Удержитесь, государыня моя, говорилъ ей отступающій Князь, я не участвую въ его смерти; онъ самъ умертвилъ вопервыхъ свою лошадь, а потомъ и самаго себя. Но отчаянная дѣвица, не внемля словъ его, старалась лишить его жизни, и принудила тѣмъ къ оборонѣ. *Вадимъ* старался пощадить ее; но получивъ многія раны, принужденъ былъ проколоть правую ей руку. Однако то не удержало ея бѣшенства; она, подхвативъ кинжалъ лѣвою рукою, продолжала нападеніе. Она бросалась на него, кричавъ: не щади меня немилосердой! мнѣ пріятно умереть отъ руки, пресѣкшей дни моего любезнаго *Либона*! — Невинный *Вадимъ*, не находя инаго себѣ спасенія, долженъ былъ дать ей нѣсколько легкихъ ранъ, уповая привести тѣмъ ее въ безсиліе. Отчаянная любовница дѣйствительно сочла оныя смертельными, обратилась къ тѣлу *Либонову*, обняла оное, и цалуя говорила: дражайшій любовникъ! напрасно сомнѣвался ты въ моей вѣрности; я послѣдую за тобою! — Съ словомъ симъ поразила она себя въ грудь, и упавъ на тѣло *Либоново*, скончалась.

Меж-

Между тѣмъ желтоодѣянной невольникъ, какъ скоро увидѣлъ, что госпожа его ранена, сѣлъ на ея лошадь и ускакалъ прочь. — Произшествіе таковое, и участь двухъ любящихся, наполнили душу *Вадимову* горестію. Судьба ваша нещастна, вопіялъ онъ, взирая на тѣла, предъ собою простертыя; но нѣкоторымъ образомъ достойна зависти. Вы достигли своего предопредѣленія; никакія мученія не удручаютъ сердецъ вашихъ, и можетъ быть правосудіе боговъ награждаетъ вашу вѣрность вѣчнымъ соединеніемъ. А я стократно васъ нещастнѣе! Я разлученъ отъ моей возлюбленной: слабая надежда свидѣться съ нею, лишь умножаетъ мое страданіе. Нещастія за мной послѣдуютъ, и поискамъ моимъ полагаютъ препятствія. Рожденный на престолѣ славы, лишенъ я надлежащаго мнѣ достоянія; долженъ былъ прибѣгнуть подъ защищеніе чужестраннаго Государя; но пріобрѣтши тамъ убѣжище, изгнанъ изъ онаго жестокою страстію. Искавъ возлюбленной, оставилъ великодушнаго ея родителя, котораго самъ запуталъ въ опасную войну съ страшнымъ свѣту народомъ, и оставилъ въ старости, неудобной къ понесенію трудовъ! Можетъ быть онъ окруженъ теперь непримиримыми своими врагами, можетъ быть простираетъ ко мнѣ отягчен-

ченныя оковами руки свои, требуя моего защищенія и мести; а я нахожусь въ неизвѣстной странѣ, можетъ быть среди враговъ его, одинъ, и подвергаемый подозрѣнію въ убивствѣ сихъ любовниковъ. — По томъ представляется печальнымъ воображеніямъ его *Брячислава*. Иногда видитъ онъ ее въ неволѣ высокомѣрныхъ Римлянъ, подъ скрытымъ именемъ осужденну къ подлѣйшимъ работамъ; то представляется она ему опознанная врагами отечества своего, и осужденная на жертву мщенія тѣнямъ погибшихъ отъ руки Даковъ Римскихъ легіоновъ. Тысяча другихъ равномѣрно жестокихъ помышленій изторгаютъ изъ очей его слезы. Онымъ послѣдуютъ облегчающія сердце тяжкія воздыханія. Въ задумчивости таковой подходитъ онъ къ бездушнымъ тѣламъ, вынимаетъ кинжалъ изъ груди любовницы *Либоновой*, и сравнивая оба роковыя оружія, находитъ оныя художествомъ одного дѣлателя. Онъ проклинаетъ руку, устроившую бѣдственной металлъ сей. Человѣколюбіе внушаетъ ему мысль предать землѣ тѣла великодушныхъ любовниковъ, и предварить алчность хищныхъ животныхъ, чтобы не учинились оныя ихъ добычею. Онъ завязываетъ свои раны, унимаетъ текущую изъ оныхъ кровь, и собравъ остатокъ силъ, начинаетъ кинжаломъ рыть могилу.

Доб-

Добродѣтельное его намѣреніе пресѣкается скачущею къ нему толпою вооруженныхъ. По одѣянію и оружію ихъ познаетъ онъ, что находится въ странѣ Римлянъ. Желтоодѣянной невольникъ велъ ихъ, и по указанію его *Вадимъ* окруженъ былъ воинами. Тщетно Князь Славянскій старался оправдать себя въ ложноподозрѣваемомъ на него убивствѣ; грубый народъ не внималъ словъ его, а особливо по тому, что всѣ обстоятельства слагали на него преступленіе. Въ рукахъ его было окровавленное оружіе; онъ рылъ яму безъ сомнѣнія для зарытія тѣлъ убитыхъ имъ. Они отняли его оружіе, и связавъ руки, посадили на лошадь желтоодѣяннаго невольника, и повели. Сему чрезмѣрно досадно было, что принудили его пѣшкомъ итти; онъ заключалъ въ мысляхъ, что уже учинился ихъ начальникомъ, и жестоко бранилъ ихъ за таковую себѣ обиду. *Вадимъ*, спокойный духомъ въ разсужденіи своей невинности, спрашивалъ у воиновъ о странѣ и мѣстѣ, въ которое ведутъ его; но не удостоенъ былъ отвѣтомъ, и рѣшился подвергнуться своей участи, уповая предъ разумнѣйшими судіями доказать свою невинность. Его привели въ великолѣпно устроенный городъ.

Слухъ о убивствѣ *Либона*, знаменитаго вельможи сына, распростерся уже, и народъ сбѣгался толпами видѣть мнимаго преступника.

ника. Оный провожденъ былъ въ замокъ, и посаженъ въ башнѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. *Вадимъ* принужденъ былъ сносить отъ стражей своихъ разныя досады; но радовался услышавъ, что назавтрѣе представаенъ будетъ на судъ предъ Намѣстника *Квіетія*, предъ коимъ уповалъ доказать свою невинность. Поутру повели его подъ строгимъ присмотромъ въ судилище. Онъ увидѣлъ собравшійся совѣтъ, изъ многихъ престарѣлыхъ мужей состоящій. Всѣ дивились его неустрашимости, каковую онъ оказывалъ, и величественный его видъ пріобрѣталъ сердца въ его пользу. Онъ не дождавшись, чтобъ начали ему допросъ, съ низкимъ поклономъ говорилъ судіямъ слѣдующее: Высокопочтеннѣйшее Собраніе! я какъ чужестранецъ, спасшійся послѣ кораблеразбитія на брега ваши, не вѣдаю точно, въ какой обрѣтаюсь сторонѣ, и съ какимъ народомъ имѣю дѣло. По догадкамъ моимъ заключаю, что нахожусь я среди Римлянъ; но сомнѣваюсь въ томъ, въ разсужденіи нарушеннаго страннопріимства. Весь свѣтъ наполненъ слухомъ, что Римляне къ прочимъ добродѣтелямъ своимъ присоединяютъ и сіе; а я вмѣсто покровительства, взятъ какъ злодѣй подъ стражу. Но какое бы мое было преступленіе, я не вѣдаю и никто на меня въ томъ доказать

зать не можетъ. По какой причинѣ бы считать меня убійцею двухъ нещастно жизнь окончавшихъ своими руками особъ, когда я ихъ впервые только увидѣлъ? — По томъ разсказалъ онъ все обстоятельство, какъ *Либоно* пріѣхалъ внѣ себя, какъ закололъ свою лошадь, а по томъ и себя; и какимъ образомъ приспѣвшая въ то время дѣвица, нашедъ его близь тѣла *Либонова*, къ коему бросился онъ было на помощь, напала на него и во многихъ мѣстахъ ранила. Онъ показывалъ свои раны, и ссылался на взявшихъ его подъ стражу, что они видѣли еще текшую изъ ранъ его кровь. Онъ требовалъ наконецъ, чтобъ представлены были свидѣтели, кои бы могли уличить его, и просилъ, чтобъ они изслѣдовали дѣло по сродному имъ правосудію, и не считали бы его по одному только ложному подозрѣнію за злодѣя.

Собраніе, выслушавъ терпѣливо представленіе его, требовало, чтобъ представлены были доносители, имѣющіе обличить въ возлагаемомъ на него убійствѣ. Однако оныхъ не оказалось, опричь желтоодѣяннаго невольника, изъ котораго словъ ясно оказывалась *Вадимова* невинность. Но между тѣмъ, изъ уваженія къ знатности родителей убіенныхъ, не можно было безъ подробнѣйшаго изслѣдованія освободить его; и можетъ бы съ тру-

домъ онъ получилъ свое избавленіе, когда бы не снялъ защищеніе его Публій Іовиніянъ, Трибунъ Римскій, вошедшій по случаю въ собраніе. Онъ узналъ *Вадима*, хотя и скрылъ отъ своихъ сотничей; во время войны въ Паноніи взятъ онъ былъ въ плѣнъ, однако по великодушію *Вадимову* содержанъ былъ не такъ какъ плѣнный непріятель, но пристойно его чину, и отпущенъ по освобожденіи Паноніи обратно въ отечество. Таковое одолженіе не могло остаться безъ благодарности съ стороны Римлянина; онъ разумѣлъ, каковой опасности подверженъ будетъ при опознаніи Полководецъ Дакскій: и для того, притворясь незнакомымъ, старался убѣждать судей въ его пользу. Оные выспрашивали у *Вадима*, изъ какой онъ страны, и какого состоянія человѣкъ; но сей не сочелъ за полезное сказать о себѣ, и объявилъ, что онъ Тысяцкій Славянорусскаго Государя Гардорика. Наконецъ до дальнѣйшаго изслѣдованія по предстательству Публіеву освобожденъ былъ онъ изъ подъ стражи, и отданъ на поручительство въ домъ его.

Вадимъ принятъ былъ отъ Публія съ пристойною природѣ его честію. Когда остались они наединѣ, Князь Славянскій приносилъ въ чувствительнѣйшихъ выраженіяхъ благодарность своему покровителю, и не зная, кому онъ былъ обязанъ, просилъ его увѣдомить о томъ. Тогда съ удивленіемъ и ужасомъ

сомъ вразумленъ былъ отъ Публія, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ довольно знакомымъ. Я примѣчаю, продолжалъ по томъ Римлянинъ, что вы безпокоитесь о моей скромности вразсужденіи вашего подлиннаго имяни; но будьте увѣрены, что обязанный вами Публій не измѣнитъ своему благодѣтелю, хотя бы отъ того зависѣла погибель всего моего отечества. Онъ клялся ему въ томъ предъ богами домашними, и успокоивъ его, содержалъ въ домѣ своемъ до окончанія суда, въ которомъ былъ за него повѣреннымъ. Чрезъ нѣсколько дней объявленъ онъ невиннымъ. По слѣдствію оказалось, что самоубійство *Либоново* послѣдовало въ сумасшедствѣ по слѣдующей причинѣ: —— Онъ былъ смертельно влюбленъ въ дочь Сенатора *Луція*, именемъ Арриту. Страсть ихъ была взаимная; но родители ихъ по нѣкоторой старинной враждѣ сочетанію ихъ долго противились. Напослѣдокъ стараніями друзей своихъ были примирены, и съ радостію желали утвердить дружество союзомъ дѣтей своихъ. Уже назначено было время къ браку. Между тѣмъ *Квіетій*, бывшій Намѣстникомъ въ Кипрѣ, прибылъ въ Геркулану (такъ назывался городъ, въ которомъ *Ва-димъ* находился). Разнесшаяся молва о превосходной красотѣ его дочери понудила *Либоно* стараться оную увидѣть; въ чемъ и

не было затрудненія. При первомъ взглядѣ на оную постоянство Либоново поколебалось. Онъ обратилъ свое исканіе у Квіетія; но гордый Намѣстникъ, имѣющій важнѣйшія мысли о своей дочери, лишилъ его всякой надежды. Однако не переставалъ онъ искать благосклонности у своей красавицы: но и тутъ тщетно; оная имѣла уже жениха, которой ей лучше нравился, и вскорѣ за онаго вышла. Между тѣмъ невѣрность его не могла утаиться отъ Арриты; хотя Либоно и обратился было къ прежней своей невѣстѣ, но она начала принимать его холодно. Сіе возбудило въ жесточайшей степени первую страсть его; онъ чувствовалъ вину свою, и приходилъ въ отчаяніе. Аррита хотѣла его наказать ложнымъ презрѣніемъ, хотя сердце ея давно уже его простило. Онъ впалъ въ задумчивость; Аррита радовалась, видя опытомъ, сколько много женихъ ея раскаявается, и хотѣла продолжать мнимую къ нему холодность, чтобъ больше научить его быть постояннымъ. Но сіе навлекло обоимъ имъ плачевный конецъ. *Либоно* лишился разума, и въ бѣшенствѣ сѣвши на лошадь, поскакалъ невѣдомо куда. Примѣтили то, увѣдомили Арриту; она погналась за нимъ въ слѣдъ, чтобъ его успокоить, но уже поздно: послѣдовало приключеніе, пресѣкшее дни ихъ въ цвѣтущей молодости.

Ва-

Вадимъ оправдавшись, не считалъ за полезное медлить въ таковомъ городѣ, гдѣ имя его, извѣстное уже одному, могло каковымъ нибудь случаемъ обнародоваться и подвергнуть его опасности. Но находясь въ странѣ Римлянъ, могъ *ли онъ* оставить безъ развѣдыванія о *возлюбленной своей Брянславѣ*? Онъ открылся въ томъ Публію, которой увѣрялъ его, что нѣтъ ни малѣйшаго слуху, чтобъ Княжна Дакская досталась въ плѣнъ Римлянамъ; что бы не могло отъ него утаиться. Онъ обнадеживалъ его также, что не можно оной и подъ скрытымъ имянемъ быть въ областяхъ Римскихъ; потому что невзято ни одного человѣка изъ Даковъ въ плѣнъ отъ нихъ въ прошедшую войну. Вѣдомость таковая поражала сердце *Вадимово*; не оставалось ему инаго помыслить, что оная лишена жизни въ пути своемъ. Но съ другой стороны ободряющая его надежда подкрѣпляла его мысли, и поощряла объѣхать всю Римскую державу, чтобъ самому въ томъ удостовѣриться. Онъ заключилъ немедленно оставить Геркулану; Публій снабдилъ его всемъ нужнымъ для путешествія. Намѣреніе его клонилось, побывавъ въ Римѣ, странствовать по Дворамъ Нѣмецкихъ Королей, и по томъ возвратиться къ *Декеваду*; но неожидаемый случай удержалъ его въ Геркуланѣ. ——

Изборъ готовъ былъ слушать продолженіе Повѣсти; но доложили ему, что приведены были изъ Полянской страны тѣ гончія собаки, коихъ давно уже ожидалъ онъ съ нетерпѣливостію. Таковое важное приключеніе остановило Повѣсть до слѣдующаго вечера.

ВЕЧЕРЪ III.

Вадимъ, назначивъ день отъѣзда, хотѣлъ воспользоваться оставшими часами для осмотрѣнія великолѣпныхъ зданій Геркуланскихъ, о коихъ слава носилась во всемъ свѣтѣ. Руководство Публіево облегчало всѣ затрудненія его любопытству; его впускали во всѣ храмы и домы вельможъ. Дворецъ, въ которомъ обиталъ Кветій, могъ считаться отличнѣйшимъ художествомъ; *Вадимъ*, проходя по внутренней онаго площади, увидѣлъ смотрящаго изъ окна невольника съ особливымъ на него примѣчаніемъ. Первый взоръ проникъ сердце Славянскаго Князя, и наполнилъ оное радостію и изумленіемъ. Онъ, не взирая на переодѣяніе, чаялъ видѣть черты возлюбленной своей *Брячиславы*. Публій съ нимъ тогда находился; *Вадимъ* не скрылъ отъ него подозрѣнія, въ коемъ сердце его увѣряло. Безъ помощи сего Римлянина восторгъ Вадимовъ подвергъ бы тайну

ну его опасному открытію. Публій остеретъ его, убѣдилъ къ терпѣнію, и обѣщалъ развѣдать подробнѣе о семъ невольникѣ; онъ вывелъ Князя немедленно изъ дворца, и самъ возвратился въ оный.

Кто любилъ съ подобною жестокостію, можетъ представить себѣ о состояніи души *Вадимовой*, въ тѣ минуты, когда другъ его пекся въ развѣдываніи. Восторги, уныніе, что можетъ быть онъ обманутъ пустымъ сходствомъ; робостныя помышленія о трудностяхъ къ избавленію своей дражайшей, естьли то въ самомъ дѣлѣ она: изображались на лицѣ его въ смѣси различныхъ красокъ. Едва преодолѣвалъ онъ нетерпѣніе свое, тысячекратно обращался въ слѣдъ за Публіемъ, и столькожъ разъ останавлялся. Наконецъ другъ его возвратился, но не принесъ другаго извѣстія, кромѣ того, что невольникъ сей находился въ великой милости у Квіетія, и отправляетъ должность виночерпія; что онъ начиналъ съ нимъ говорить безъ свидѣтелей, но не могъ получить признанія: можетъ быть по тому, что и самъ не смѣлъ открыться о имени того, для кого онъ выспрашивалъ. Невольникъ сказалъ ему только, что онъ родомъ Славянинъ Полянской, и взятый въ плѣнъ Нѣмцами, кои его продали Квіетію. Однако предчувствованія ободряли Вадима; онъ

убѣждалъ своего друга, чтобъ онъ подъ какимъ нибудь видомъ испросилъ позволенія у Квіетія взять его виночерпія на нѣсколько часовъ въ домъ къ себѣ. Публій не могъ отговориться въ томъ, и обратился къ выдумкамъ приличной причины. Ему вспало на мысль объявить Квіетію, что извѣстный ему обвиняемый въ убійствѣ *Либона* Славянинъ, ближній родственникъ его виночерпію; что оный узналъ его, и между тѣмъ впадши въ жестокую болѣзнь, желаетъ съ нимъ видѣться. Не нашелъ онъ затрудненія у Квіетія; но не такъ легко можно было уговорить осторожнаго невольника. Предложеніе таковое казалось ему подозрительно, и никогда бы не согласился оный слѣдовать за Публіемъ, естьли бы сей не шепнулъ ему на ухо объ имяни *Вадимовомъ*. Перемѣна въ лицѣ виночерпія Квіетіева уѣрила Римлянина, что догадки *Вадимовы* имѣли основаніе; онъ клятвами обнадежилъ не имѣть никакого опасенія, и тогда въ послѣдованіи его возвратился въ домъ свой.

Боги! кого я вижу . . . вскричалъ виночерпій, взглянувъ на Вадима, и лишился чувствъ. Князь Славянскій позналъ возлюбленную свою *Брячиславу*, бросился къ ней на помощь; а Публій удалилъ своихъ служителей. Лобзанія *Вадимовы* скоро привели ее въ память, и тогда вѣрныя сердца

нѣж-

нѣжныхъ любовниковъ предались полной радости. *Вадимъ* разсказалъ *Брячиславу* все произходившее въ ея отечествѣ по ея нещастномъ удаленіи; какъ проѣхалъ многія страны въ провѣданіи объ ней, и какимъ случаемъ нашелся онъ въ Геркуланѣ. Онъ не забылъ описать предъ нею жестокость своего мученія, и какихъ слезъ стоило дерзостное ея предпріятіе ему, *Декевалу*, и всему ея отечеству. По томъ просилъ увѣдомить его, какимъ образомъ пропала она безвѣстно и досталась въ услуженіе Квіетію. *Брячислава*, увидѣвъ довѣренность своего возлюбленнаго къ Публію, не опасалась онаго болѣе, и разсказала слѣдующее:

Молва, разнесшаяся о храбрости и щастіи моего *Вадима*, поощрила нетерпѣливость мою увидѣть его на самомъ позорищѣ его славы. Не могла я ожидать позволенія на то моего родителя, ни противиться любви моей. Опасности, коимъ я подвергалась, не входили въ мои мысли, и въ мужескомъ платьѣ щитала я себя съ довольною предосторожностію. И такъ взявъ только двухъ дѣвицъ своихъ и отмерыхъ рыцарей, на вѣрность коихъ могла полагаться, уѣхала тайно въ Панонію. Безразсудство мое простиралось до того, что я не хотѣла продолжать путь мой тѣми мѣстами, гдѣ находились наши войска; мнѣ хотѣлось,

чтобъ пріѣздъ мой возпослѣдовалъ нечаянно: и для того слѣдовала я проселочными дорогами уклонясь къ Дунаю. Между тѣмъ послѣдовало главное сраженіе. Разбитые Римляне бѣжали большею частію къ сей сторонѣ, упокая спастись на судахъ, стоявшихъ у нихъ на Дунаѣ. Мы встрѣтились съ остаткомъ одного легіона, по одѣянію признаны за Даковъ, и были онымъ окружены. Тѣлохранители мои оказали при семъ случаѣ невѣроятный примѣръ храбрости; я и дѣвицы мои также заключили умереть, либо избавиться. Множество Римлянъ пало отъ рукъ нашихъ, но наконецъ были мы стѣснены превосходною силою; тѣлохранители мои покрыты множествомъ ранъ, и всѣ мы взяты въ плѣнъ. По щастію полъ мой остался не извѣстенъ нашимъ побѣдителямъ. Насъ привезли къ Дунаю, посадили на судно, и сочли безопаснѣе продолжать путь свой моремъ Меотическимъ до Фракіи. Римляне содержали насъ въ жесточайшей неволѣ, вперши въ чуланѣ полъ накрышкою судна, и не удостоивали своихъ разговоровъ; мы слышали разговоры начальниковъ ихъ, что они намѣрены были продать насъ въ неволю. Однако желаніе ихъ не исполнилось; возставшая буря разбила ихъ судно. Мнѣ не извѣстно, что послѣдовало съ прочими; потому что я, напрягая силы мои къ спасенію

жиз-

жизни моей, лишилась чувствъ, и опомнилась уже на кораблѣ Фракійскихъ морскихъ разбойниковъ. Тогда лишь узнала я, каковой подверталась опасности, и безразсудное предпріятіе въ остановленіи родительскаго дому впервые объяло мои мысли ужасомъ. Чего не должна была опасаться я отъ варваровъ, когда бы открылся имъ полъ мой? Но щастіе сохранило меня отъ сего бѣдствія. Варвары помышляли токмо о своей корысти, поплыли къ островамъ Греческимъ, и продали меня Кипрскому Намѣстнику Квіетію. Осторожное мое поведеніе отводило и въ семъ мѣстѣ подозрѣнія о моемъ полѣ; но съ другой стороны терпѣла я жестокія нападенія отъ женщинъ. Лице мое многимъ нравилось, и я безъ всякаго намѣренія произвела множество побѣдъ. Мнимая суровость моя приводила плѣнницъ моихъ въ досаду, и наконецъ обратила страсть ихъ въ ненависть. Я претерпѣла разныя отъ оныхъ гоненія; и сіе принудило меня стараться заслужить покровительство моего господина. Прилѣжность въ исполненіи его повелѣній пріобрѣла мнѣ его милость, и я опредѣлена въ виночерпія. Должность моя состоитъ токмо подносить напитки гостямъ во время пиршествъ; а въ прочее время я почти никогда не выхожу изъ моего покоя, и провож дала дни мои, оплакивая съ тобою, любез-

ный

ный Вадимъ, и съ родителемъ моимъ разлуку. Квіетій примѣчалъ сокровенную печаль мою, и по милости ко мнѣ выспрашивалъ о причинѣ оныя; я всегда увѣряла его, что удаленіе изъ отечества, и оставленіе престарѣлаго безъ помощи родителя, наполняютъ мысли мои горестію. Квіетій, считавшій меня за Славянина изъ Полянiи, обнадеживалъ, что по возвращеніи въ Римъ дастъ мнѣ свободу и облегчитъ путь мой въ отечество мое. Съ того времяни могла бы я успокоиться, естьлибъ только имѣла извѣстія о возлюбленныхъ мнѣ особахъ; ибо время возвращенія моей свободы приближалось, и Квіетій намѣренъ былъ по совершеніи свадьбы дочери своей, для коей промедлилъ онъ въ Геркуланѣ, отъѣхать скоро въ Римъ. Не могу изобразить тебѣ, любезной мой *Вадимъ*, съ каковымъ чувствіемъ увидѣла я тебя ходящаго во дворцѣ Квіетіевомъ! Примѣчаніе, съ коимъ ты взиралъ на меня, увѣряло меня, что я въ лицѣ твоемъ не обманываюсь. Но надежда моя изчезла по твоемъ удаленіи; мнимая мечта сія произвела лишь слезы. Я не вѣрила и тогда глазамъ своимъ, какъ почтенный Публій упомянулъ мнѣ о твоемъ имяни; не вѣрю еще и поднесь, чтобъ щастіе мое достигло до таковой степени! Но когда столь не ожидаемо соединены мы въ странѣ удаленной, упо-

ваю

ваю, что нещастія мои воспріемлютъ конецъ свой; и могу ли быть я злочастною, когда соединена съ возлюбленнымъ моимъ *Вадимомъ*!

Окончивъ повѣсть свою, обняла она восхищеннаго своего супруга. Они никогда бы не разстались, естьли бы Публій не припомнилъ, что для благопристойности должно *Брячиславъ* немедленно возвратиться въ домъ Квіетіевъ. Онъ обѣщалъ употребить всѣ средства къ убѣжденію Намѣстника Кипрскаго въ здержаніи даннаго слова своему виночерпію, и провождая *Брячислава* въ домъ его, не пропустилъ того исполнить. Онъ увѣдомилъ его, что Славянинъ узналъ въ виночерпіи роднаго своего брата, который предлагаетъ за него выкупъ, и готовъ съ сею прозьбою повергнуться къ ногамъ его. Онъ предлагаетъ мнѣ выкупъ, сказалъ холодно Квіетій; но не уповаю, чтобъ въ состояніи былъ онъ заплатить то, чего я потребую. Трудно мнѣ лишиться возлюбленнаго и вѣрнаго мнѣ невольника. Но пусть предстанетъ ко мнѣ сей Славянинъ. Публій, готовый жертвовать всемъ имѣніемъ своимъ пользѣ своего благодѣтеля, спѣшилъ принести радостную вѣсть *Вадиму*. Въ тотъ же часъ предсталъ онъ съ нимъ Квіетію.

Вадимъ, не унижая себя, оказалъ глубочайшее почтеніе сему знаменитому Римлянину. Величественный видъ и красота Славянскаго Князя, внушили еще во время суда

надъ

надъ нимъ уваженіе къ нему въ Квіетіѣ. онъ слушалъ со вниманіемъ предложеніе *Вадимо-*
во, которой говорилъ ему слѣдующее:
„Свѣтлѣйшій Квіетій! благополучнымъ считаю часъ, въ который прибѣгаю къ Высочеству Твоему. Вина моего прошенія тебѣ извѣстна; братъ мой свободно рожденный Славянинъ находится въ твоей неволѣ, когда покмо можно называть неволею услуги великодушному Римлянину. Сей братъ мой, отторгнутый нещастнымъ приключеніемъ изъ своего отечества, нанесъ безмѣрную горесть престарѣлому родителю, мужу обремененному ранами и славою въ услагахъ свѣту извѣстнаго Словянорускаго Князя Буривоя. Печаль, снѣдающая остатокъ дней его, убѣдила меня предпріять съ воли его странствованія по свѣту, для сысканія толико любезнаго ему сына. По безплоднымъ и продолжительнымъ путешествіямъ, нахожу я онаго въ твоемъ домѣ. Когда ты Свѣтлѣйшій Квіетій былъ родителемъ, то можешь разумѣть о цѣнѣ дара, каковый въ состояніи учинить отцу моему. Но не желаю я, чтобъ лишился ты въ пользу нашу заплоченнаго за него злата. Я готовъ возвратить оное, или сколько ты потребуешь; страннопріемникъ мой почтенный Публій Іовиніянъ будетъ въ томъ порукою, что требованіе твое будетъ исполнено. Но когда и сего недостанетъ, пред-

лагаю

лагаю я себя въ невольники на мѣсто брата моего, да узнаетъ родитель мой по его возвращеніи, сколь тщателенъ былъ я въ исполненіи его воли.„ — Квіетій удивляясь краснорѣчію и добродѣтели Славянина; а *Брякислава*, предстоящая тутъ, проливала слезы, вря таковой опытъ вѣрности своего возлюбленнаго. Публій возобновлялъ прозбы, и предлагалъ свое поручительство. Квіетій пришелъ въ умиленіе. Поистинѣ рѣдкой примѣръ великодушія! сказалъ онъ; Славяноруссы извѣстны намъ только по имяни; мы считаемъ ихъ варварами, и присвоемъ токмо однимъ себѣ опыты добродѣтелей: однако случай сей приводитъ меня къ противному заключенію. Но зри, почтенный странникъ, (продолжалъ онъ обратясь къ Вадиму) что Римляне всегда могутъ споритъ съ Славянами! Естьли преодолѣвали вы насъ иногда своею храбростію, не побѣдите однако въ великодушіи. Я возвращаю тебѣ, Замбрай (такъ называлась въ плѣнѣ Брячислава) твою вольность! — Сказавъ сіе, подалъ онъ ей изготовленный листъ отпущенія, обнялъ съ отеческою милостію, и подаривъ коробочку, наполненную дорогими камнями, позволилъ удалиться въ отечество. Обрадованные любовники съ радостными слезами приносили ему благодарность; Публій превозносилъ его великодушіе, и препроводилъ ихъ въ домъ свой.

Ка-

Казалось тогда, что всѣ бѣдствія соединенныхъ супруговъ прекратились. Они готовились отправиться немедленно въ Дакію, чтобъ обрадовать возвращеніемъ своимъ огорченнаго Декевала, и заключить бракъ, котораго отсрочка по утвержденной клятвѣ казалась несносна *Вадиму*. Извѣстіе, что Римляне готовятся напасть всѣми силами на Дакію, и успѣхи оружія ихъ, возобновленные въ Паноніи, понуждали ихъ ускорить отъѣздомъ; но съ другой стороны полагали препятствіе слѣдовать по намѣренію ихъ сухимъ путемъ. Публій предваріялъ *Вадима*, что всѣ дороги, которыя бы они ни избрали, навлекутъ имъ опасность отъ Римскихъ войскъ, и совѣтовалъ сѣсть на корабль, доказывая, что чрезъ Меотическое море могутъ они безпрепятственно пристать къ берегамъ своего отечества. Онъ постарался облегчить сіе путешествіе, и пріискалъ корабль, имѣвшій чрезъ нѣсколько дней отправиться въ Колхиду. *Вадимъ* съ возлюбленною своею *Бриславою* считали минуты, удерживающія ихъ въ областяхъ Римскихъ; сердца ихъ трепетали при воображеніи объ ожидающихъ ихъ радостяхъ. Но бѣдственное созвѣздіе, простирающее на нихъ злобное свое изліяніе, готовило имъ невообразимую напасть.

Дни за два предъ тѣмъ, какъ надлежало имъ садиться на корабль, вопослѣдовала на-

наипріятнѣйшая погода и тишина настала послѣ продолжительныхъ вѣтровъ. *Публій* предложилъ *Вадиму* выѣхать на охоту; они оставили *Брячиславу* заниматься пріуготовленіями къ путешествію, и слѣдовали за городъ. Но какихъ горестей избавился бы Князь Славянскій, естьли бъ послѣдовала за нимъ его возлюбленная! Благополучная та погода была преддверіемъ Небеснаго гнѣва, опредѣлившаго погибнуть Геркуланѣ отъ страшнаго землетрясенія, а *Вадиму* учиниться въ цвѣтущихъ лѣтахъ вдовцомъ, нещастнымъ любовникомъ, злополучнѣйшимъ на свѣтѣ человѣкомъ. Они не больше часа проводили въ звѣроловствѣ, какъ *Публій* почувствовалъ жестокую головную боль и принужденъ возвратиться въ городъ. *Вадимъ*, желая воспользоваться благополучнымъ временемъ, остался продолжать охоту съ служителями своего друга. Но среди лучшаго своего удовольствія со ужасомъ примѣтилъ начавшееся жестокое землетрясеніе. Приведенный въ трепетъ, поскакалъ онъ къ городу, но усиливающееся колебаніе земли останавляло его лошадь; онъ остановился, и въ смертельномъ страхѣ былъ зрителемъ того, какъ разсѣвшаяся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него земля пожрала въ пропасти свои слѣдовавшаго за нимъ служителя. Сколько ни великъ былъ ужасъ его, но не забылъ онъ о своей возлюбленной *Брячиславѣ*; ему представлялось, что опасность

въ городѣ, наполненномъ высокими зданіями, еще сто кратъ больше, нежели на открытомъ полѣ. Любовь превозмогла страхъ, и понудила его поспѣшать въ Геркулану, чтобъ спасти *Брячиславу*. Но Небо противилось его намѣренію: землетрясеніе умножилось еще больше, и дрожащая лошадь не повиновалась его понужденіямъ. Онъ готовъ былъ бѣжать пѣшкомъ; но вся природа, какъ бы приближавшаяся къ своему паденію, принудила его помыслить о спасеніи собственной жизни. Находящаяся близъ Геркуланы высокая гора, Везувія называемая, съ преужаснымъ стукомъ, трескомъ и громомъ разсѣлась, проліяла изъ нѣдръ своихъ рѣку раскаленныхъ металловъ. Казалось, что самъ адъ разверзъ могда смертоносную гортань свою. *Вадимъ* видѣлъ, что токъ пламенный стремился прямо на Геркулану, но не достигъ еще, когда вылетѣвшая изъ вершины Везувіи огненная туча, состоящая изъ раскаленныхъ камневъ и горящаго пеплу, покрыла сей нещастный городъ; дымъ смѣшался съ воздухомъ, и застѣнилъ въ очахъ его зрѣніе. Горящій пепелъ хотя не такъ густо, но простирался до самаго того мѣста, гдѣ находился нещастный *Вадимъ*, опалялъ его, и принудилъ удалиться въ густоту близъ стоящаго лѣсу. Однако и въ ономъ не былъ онъ безопасенъ; пепелъ упадалъ сквозь листы, и зажигалъ самыя дерева:

ва: онъ принужденъ былъ скакать, куды зря, и отчаялся уже въ своей жизни, какъ щастіе привело его къ пещерѣ нѣкоторой горы, въ которую въѣхавъ съ конемъ своимъ, избавился онъ отъ всеобщаго пожара. Препровелъ онъ въ семъ мѣстѣ остатокъ дня и ночь между жизни и смерти; онъ приходилъ въ себя за тѣмъ только, чтобъ чувствовать свое злощастіе. Не могъ онъ и воображать, чтобъ *Брячислава* могла спастись, когда весь городъ покрытъ былъ огненнымъ моремъ. Онъ не могъ оплакать своего нещастія, не могъ сожалѣть и о погибели своего друга, какъ бы нарочно судьбою отъ него на смерть увлеченнаго; ибо отчаяніе лишало его чувствъ. Лучи возходящаго солнца, простершіеся въ мрачное убѣжище его, извели его изъ онаго, дабы удостовѣриться въ злополучіи. Онъ вывелъ коня своего, видѣлъ во всей природѣ прежнюю тишину, равно какъ бы не случилось никакой въ оной перемѣны. Прошедшіе ужасы представлялися ему какъ бы сновидѣніе, и только сѣрный запахъ съ курящимися въ разныхъ мѣстахъ остатками зданій и лѣсовъ удостовѣряли его, что прошедшее нещастіе было не мечта ночная. Онъ сѣлъ на коня своего и поѣхалъ къ городу, имѣя еще надежду, что можетъ быть въ остаткахъ зданій найдетъ онъ возлюбленныхъ особъ своихъ. Но вступая на ближнюю къ городу вышину, съ ко-

которой вся Геркулана была видима, не примѣтилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ зданій. Изъ цвѣтущаго города учинилась черная гора, курящаяся заразительнымъ паромъ; ибо вся долина, на которой стоялъ оный, засыпана была изверженіемъ изъ Везувіи. *Вадимъ* не повѣрилъ бы глазамъ своимъ, что былъ на томъ мѣстѣ городъ, естьли бы положеніе Везувіи, учинившейся съ того времяни огнедышущею, не увѣряло его въ томъ (*). И такъ не осталось нещастному *Вадиму* иного, какъ оплакивать вѣчную разлуку съ возлюбленною его *Брянославою*. Онъ препровелъ нѣсколько дней, разъѣзжая по окрестнымъ мѣстамъ, но не могъ сыскать никого спасшихся изъ Геркуланы; нѣкоторые земледѣльцы, видѣвшіе

(*) Въ семъ произшествіи видимо нѣкоторое несогласіе въ историческомъ лѣточисленіи. Городъ *Геркулана* засыпанъ былъ при началѣ возгоренія горы Везувіи, изверженнымъ изъ нея горящимъ пепломъ, обще съ другимъ городомъ, называвшимся *Урбисъ Помпей*, при владѣніи Тита Веспасіана, въ лѣто 80 по Рождествѣ Спасителя; а война у Римлянъ съ Декеваломъ началась при Императорѣ Троянѣ, лѣтъ съ двапцать послѣ того. Но хотя повѣсть о *Вадимѣ* и доказываетъ начало войны сей прежде погибели Геркуланы, но Сочинитель охотно уступаетъ Господамъ Хронологамъ, и даетъ имъ честное слово отнюдь въ томъ не спорить.

видѣвшіе издали погибель сего города, увѣ-
ряли его, что ни одна душа изъ онаго не
успѣла выбѣжать, но всѣ жители обще съ
нимъ засыпаны были горящимъ пепломъ.

Описывать горестное состояніе, въ ка-
ковомъ находился отчаянный *Вадимъ*, не-
достаточны всѣ выраженія слова. Не одно-
кратно покушался онъ лишить себя жизни,
и послѣдовать въ вѣчность за своею супру-
гою; но нѣкоторый лучь, хотя весьма сла-
бой надежды, останавлялъ возносимую имъ
на себя руку. Ему представлялось всемо-
гущество боговъ, которому нѣтъ невозмож-
наго, и что изъ средины пламеннаго ада
могли они спасти его возлюбленную. Онъ
находилъ болѣзненное утѣшеніе обманывать
себя таковою мечтою, и нечувствительно
подкрѣплять себя къ спасенію нещастія.
Съ другой стороны представлялся ему пре-
старѣлый *Декевалъ* учинившимся родите-
лемъ безчаднымъ, считающій въ немъ своего
сына, и полагающій въ немъ единую отра-
ду и защиту отъ угрожающихъ престолу
его враговъ. Благодарность убѣждала его
обратиться къ нему на помощь; онъ возло-
жилъ судьбу свою на промыслъ боговъ, и
хотя оплакивалъ погибель *Бряниславы*, но
слезы его текли уже безъ отчаянія. По
нѣсколькихъ дняхъ, проведенныхъ въ но-
выхъ, но равномѣрно тщетныхъ поискахъ,

предпріялъ онъ путь нъ Дакію, не имѣя при себѣ ничего, опричь оружія и коня, на коемъ застигло его бывшее злополучіе.

Шествуя чрезъ немалое разстояніе, всюду встрѣчалъ онъ плачевные остатки бывшаго бѣдствія: онъ видѣлъ разрушенныя зданія, неизмѣримые провалы, созженныя селенія подземнымъ пожаромъ, и всю землю въ печальномъ видѣ, обезображенну горящимъ пепломъ; но сердце его еще было печальнѣе. Кромѣ утраты его онъ находилъ себя въ жестокой необходимости садовапь пѣшкомъ; ибо не имѣя денегъ, принужденъ былъ продавать коня своего. Напослѣдокъ наставшая ночь принудила его искать убѣжища въ постояломъ домѣ, и сверьхъ всякаго ожиданія увидѣлъ въ ономъ шого глупаго желтоодѣяннаго невольника, которой былъ причиною, что онъ сочтенъ за убійцу *Либона* съ его невѣстою. *Простай* (сказано уже, что такъ назывался сей невольникъ) узнавши *Владима* обомлѣлъ; онъ заключилъ, что тотчасъ получитъ отмщеніе за ложной доносъ свой. Опамятовавшись хотѣлъ онъ бѣжать, но видя невозможность къ шому, упалъ въ ноги Славянскому Князю, и лежавъ говорилъ: Многомилостивый господинъ, родившійся подъ дубовымъ кустомъ! помилуй и не отруби мнѣ головы за то, что я тебѣ много досадилъ. Чтожь дѣлать? вѣдь

вѣдь это случилось нечаянно, и поворотить уже не льзя. — *Вадимъ* при всей своей печали не могъ удержаться отъ смѣху, видя смятеніе и робость простосердечнаго сего человѣка; онъ поднялъ его, и обнадеживая прощеніемъ, спрашивалъ, какимъ случаемъ избавился онъ изъ Геркуланы. — Постой, господинъ доброй, отвѣчалъ *Простай*, вскоча радостно, не о томъ напередъ говорить надобно! Когда ужъ мы съ тобою помирились и стали друзья, то я желаю быть твоимъ вѣрнымъ слугою. Господина моего уже нѣтъ на свѣтѣ, а я. . . по тебѣ слово (продолжалъ онъ шептать *Вадиму* на ухо) безъ господина быть не могу. Самъ ты разсуди, что я человѣкъ смирной, и когда не кому будетъ меня оборонять, такъ всякъ будетъ меня бить и рубить мнѣ голову, какъ угодно. — *Вадимъ* охотно желалъ принять его въ услуженіе, уповая, что таковой малоумной человѣкъ никогда съ умыслу ему не измѣнитъ. Онъ обнадежилъ его своимъ покровительствомъ, и обѣщалъ наградить по возвращеніи въ отечество свое. Обрадованный тѣмъ *Простай* прыгалъ отъ удовольствія, и продолжалъ свое приключеніе: Тогда, какъ примѣтилъ я, (говорилъ онъ) что эта земля, гдѣ мы были, и весь этотъ городъ, домъ и башни, стали бѣситься, такъ я очень испугался. . . потому

что я ничего бѣшенаго не люблю. Я вскочилъ въ конюшню моего бывшаго господина, выбралъ лучшева мерена, взялъ много денегъ, и ускакалъ. Я уже очень издалека оглянулся, и видѣлъ, что весь городъ покрыли превеликою огненною шубою... какъ надобно думать за тѣмъ, чтобъ усмирить бѣшеной городъ. Однако я не осмѣлился назадъ воротиться, и пріѣхалъ сюда. Ну, мой новой господинъ! теперь возми обѣ сумы съ деньгами себѣ; я съ деньгами обходиться не умѣю, по мнѣ хоть бы и во вѣки ихъ не было, лишь былъ бы я сытъ.

Вадимъ, развеселенный простотою новаго слуги своего, чувствовалъ притомъ и покровительство на себѣ Небесное, что нечаянно доставлено ему средство къ продолженію дальняго пути и вѣрной товарищъ для услугъ. Печаль его облегчилась и тѣмъ, когда видѣлъ онъ, что боги могли спасти слабоумнаго невольника: для чегожъ (помышлялъ онъ) сомнѣваться мнѣ, что не могла спастись притомъ и моя возлюбленная *Брячислава*! Онъ выспрашивая у *Простая*, могъ понять изъ словъ его, что нѣсколько людей бѣжали къ морю и садились на корабли. Надежда его тѣмъ подкрѣпилась; но видѣлъ онъ, что не за чемъ ужеболъше медлить ему въ областяхъ Римскихъ. Когда по щастію его *Брячислава* и спаслась на кораб-

рабѣ, безъ сомнѣнія возвратится въ свое отечество, и въ ономъ токмо надлежитъ ему удостовѣриться о ея участи. Онъ заключилъ слѣдовать въ Дакію, чрезъ области Нѣмецкихъ Королей и Полянію. Остатокъ вечера провелъ онъ въ разговорахъ съ своимъ *Простакомъ*. Между прочимъ спрашивалъ онъ у него, какъ заключаетъ онъ о природѣ и имяни новаго своего господина? — *Простай* засмѣявшись отвѣчалъ, что таковой вопросъ очень смѣшонъ и всему свѣту извѣстенъ. *Вадимъ* сочтя, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ свѣдущъ онъ объ настоящемъ его имяни, запрещалъ ему говорить громко, и подтверждалъ хранить сію тайну. — Это не возможно! вскричалъ *Простай*; когда мы пріѣдемъ въ чужую землю, и станутъ у меня объ тебѣ спрашивать, кто ты таковъ; какъ же мнѣ не сказать, что ты мой господинъ? хоть тебѣ этого и не хочется, а я принужденъ тебя называть моимъ господиномъ. А когда спросятъ, гдѣ ты родился? и этого умолчать не льзя; я принужденъ буду сказать, что ты родился подъ дубовымъ кустомъ. Вѣдь извѣстное дѣло, что гдѣ какую вещь найдешь, тамъ оная и родилась; напр. гдѣ найдешь грибъ, такъ вѣдь онъ тамъ родился и выросъ; я нашелъ тебя подъ дубовымъ кустомъ, и нигдѣ прежде не видывалъ: такъ извѣстное дѣло, что ты ро-

родился и выросъ подъ дубовымъ кустомъ. — *Вадимъ* веселился простотою слуги своего, и утверждалъ его въ таковыхъ о себѣ понятіяхъ. Приказалъ ему имѣть смотрѣніе за лошадьми и кормить оныхъ; подтверждалъ беречь деньги и безъ дозволенія его ни кому оныхъ не давать; обнадеживалъ вновь своею защитою, и приказалъ очень рано, осѣдлавъ лошадей, быть въ готовности къ отъѣзду. *Простай* рачительно исполнялъ его повелѣнія, бывъ всегда усерденъ къ его услугамъ. Въ слѣдующій день отправились они въ путь свой. —

Остатокъ вечера предопредѣленъ былъ *Изборомъ* для другаго не меньше нужнаго упражненія: дожидался его великій ловчій; надлежало съ онымъ сдѣлать разположеніе, къ наступающей осенней войнѣ съ зайцами. Онъ оставилъ любезнаго своего *Голована*, уже разинувшаго ротъ для описанія приключеній *Вадимовыхъ* въ его путешествіи: повѣствователь принужденъ былъ оный зажать; но въ слѣдующій вечеръ, растворилъ еще ширѣ обыкновеннаго, и вылетѣло изъ онаго нижеписанное.

ВЕЧЕРЪ IV.

Они проѣхали уже Римскія области, страну Алеманновъ, Гертруровъ, Квадовъ, и вступили въ королевство Бастарновъ (*), безъ всякаго противнаго приключенія. Слухъ носился, что тамошніе лѣса наполнены разбойниками, и *Вадимъ* для предосторожности хотѣлъ вооружить слугу своего, не вѣдая того, что онъ былъ превеликой трусъ. Онъ купилъ для него хорошую саблю и лукъ съ стрѣлами; но *Простай* столько опасался всякаго оружія, что и на себя надѣлъ оное съ немалымъ ужасомъ. Они приближались къ узкому проѣзду, между горъ находящемуся, и увидѣли выступившихъ изъ стороны шесть человѣкъ вооруженныхъ. *Вадимъ* заключилъ, что они были разбойники, и приготовился къ оборонѣ. Вотъ люди, говорилъ онъ своему слугѣ, которыя готовятся требовать съ насъ подорожной пошлины; но я не намѣренъ имъ отсчитать оную, какъ только ударами моей сабли. — Какъ! вы драться хотите? вскричалъ *Простай*, начавъ блѣднѣть и дрожать. *Вадимъ*, примѣтивъ робость его, разсмѣялся и сказалъ:

что

(*) Въ древности Алеманы обитали въ Швабіи, Гертруры въ части Флоренціи, Квады въ верхнемъ Пфальцѣ, а Бастарны отъ верьховья Вислы до Чернаго моря.

что значитъ это, другъ мой? конечно ты на нихъ очень разсердился? — Это видно, говорилъ онъ; какъ же не сердиться на таковыхъ грубіяновъ? Однако вы увидите, какъ я ихъ отправлю къ чорту! позвольте лишь мнѣ ѣхать напередъ; я знаю съ ними переговорять! — *Вадимъ*, не вѣдая еще коротко своего служителя, считалъ, что отъ него можетъ быть и выдетъ опытъ храбрости; и для того позволилъ ему ѣхать. *Простай* поскакалъ къ нимъ прямо, и приближась закричалъ: милостивые государи! я знаю, зачемъ вы вышли на дорогу: вы хотите взять съ насъ подорожную пошлину вотъ вамъ все, что у насъ есть; но не мѣшайте намъ ѣхать дорогою. Сказавъ сіе, вывязалъ изъ тороковъ сумы съ деньгами, высыпалъ имъ все, сколько въ оныхъ было. Разбойники нашедъ таковое знатное и добровольное подаяніе, исполнили его требованіе и удалились въ горы. Вотъ! сказалъ *Простай*, возвратясь къ своему господину, я отогналъ ихъ скорѣе, нежели бы могъ ты съ своею саблею. О! ты поступилъ чрезвычайно храбро! отвѣчалъ *Вадимъ*; можно на тебя надѣяться: но скажи мнѣ, гдѣ возмемъ мы денегъ, когда опять съ насъ будутъ требовать подорожной пошлины въ другомъ мѣстѣ? — Я этого не знаю, отвѣчалъ *Простай*; ты мой господинъ, а я слуга: то тебѣ и надобно знать, откуда брать деньги.

Вадимъ

Вадимъ не взирая на убытокъ, не могъ удержаться отъ смѣху, и считалъ, что самое Небо послало ему таковаго слугу для разогнанія его грусти. По щастію осталось у него въ карманахъ нѣсколько денегъ, кои вынулъ онъ для дорожныхъ расходовъ изъ сумъ *Простаевыхъ*. Въ продолженіи пути ихъ чрезъ Бастарнію, въ одинъ день сбившись съ дороги, заѣхали они въ густой лѣсъ, гдѣ никакова жилища не было. Они ѣздили во всю ночь, и въ слѣдующій день до самаго вечера не могши сыскать ни пути къ селенію, ни одного человѣка, которой могъ бы показать оной. Небо покрылось облаками и учинило ночь еще мрачнѣйшею. Напослѣдокъ блеснулъ къ нимъ издали лучь огня, однако шествовали они на оный съ великою опасностію, и приближась усмотрѣли огромной Дворянской довольно укрѣпленной замокъ. *Вадимъ* наслышавшись, что въ Бастаріи всюду шатались разбойничьи толпы, опасался пріѣздомъ своимъ потревожить хозяевъ. Насъ сочтутъ за разбойниковъ, естьли мы начнемъ стучаться у воротъ, сказалъ онъ *Простаю*. Не ѣхать ли намъ мимо? — Вотъ хорошо! отвѣчалъ сей; я умру съ голоду, естьли чрезъ четверть часа не дадутъ намъ ѣсть! лошади наши также два дни не видали корму. Когда ты не смѣешь постучаться у воротъ, такъ я это сдѣлаю.

Ска-

Сказавъ то, произвелъ громкой стукъ объ воротную скобу, которымъ бы и мертвыхъ пробудить можно было. На стукъ его выбѣжала женщина, и не спросивъ, кто пріѣхалъ, впустила *Вадима* съ слугою. Онъ удивлялся ея оплошности, и счелъ за нужное предварить ее о причинѣ, понудившей ихъ просить ночлега въ семъ замкѣ. Женщина изумилась, познавъ свою ошибку; разсматривала ихъ съ примѣчаніемъ, и по позолоченной бронѣ *Вадимовой* заключила, что надлежитъ ему быть человѣку знаменитому. Она не осмѣлилась вступить съ нимъ въ разговоръ, но обратясь къ *Простаю*, спросила у него объ имяни его господина. — О чемъ ты спрашиваешь? отвѣчалъ сердито голодной *Простай*, ты видишь, что это мой господинъ. Но женщина не удовольствовавшись, просила его объявить объ имяни его, чтобъ могла донести госпожѣ своей. *Простай* еще сердитѣе закричалъ ей: онъ изъ дубоваго куста! Но поди скорѣе, дай намъ кушать, или тебѣ худо будетъ. Услышавъ то женщина, испугалась; она заключила, что это разбойники, и опасаясь худыхъ слѣдствій отъ своей неосторожности, не сказала никому, что она ихъ впустила, и скрылась. *Вадимъ*, примѣтивъ робость ея, приключенную безразсудными словами слуги его, приказалъ ему съ жителями замка обходиться ласковѣе, и от-

отдавъ ему лошадь свою, велѣлъ дожидаться на дворѣ, пока освѣдомится, въ какомъ находятся они мѣстѣ. Онъ взошелъ въ палаты по великолѣпной лѣстницѣ, и проходя комнаты, всюду видѣлъ богатое украшеніе. Наконецъ вошелъ онъ въ залъ, въ которомъ находился накрытой столикъ, съ поставленнымъ въ серебреныхъ сосудахъ кушаньемъ. Залъ освѣщенъ былъ восковыми свѣчами; близъ того стола находилось еще два, на одномъ изъ нихъ стояли напитки, а на другомъ золотой рукомойникъ съ розовою водою. *Вадимъ*, не видя во всемъ домѣ ни одного человѣка, заключилъ, что какая нибудь благодѣющая ему в о л ш е б н и ц а печется объ утоленіи голоду его и жажды; онъ мысленно благодарилъ ее, и готовъ уже былъ занять одно изъ двухъ приставленныхъ къ столу креселъ, обитыхъ чернымъ бархатомъ. Мнѣніе его объ очарованномъ замкѣ подтверждалось и тѣмъ, что въ одной стѣнѣ примѣтилъ онъ занавѣсъ также изъ чернаго бархату; онъ мыслилъ, что за онымъ находится постель, приготовленная ему отъ проворливой благодѣтельницы его къ отдохновенію. Желая удостовѣриться въ томъ, подошелъ; но отдернувъ занавѣсъ, усмотрѣлъ съ удивленіемъ, что оный закрывалъ двери въ комнату, обитую чернымъ. Изумленіе его еще болѣе умножилось, когда увидѣлъ онъ спѣшащую

къ

къ нему дѣвицу чрезмѣрной красоты, въ одномъ только спальномъ одѣяніи. Понятіе о волшебницѣ утвердилось въ его воображеніи, однако хозяйка скоро вывела его изъ заблужденія. Она съ ласковостію прибѣжавъ къ нему, поцаловала его, взяла за руку, вела къ столу, и между тѣмъ говорила: я обрадована пріѣздомъ вашимъ, любезной мой *Рабилетъ*. Вижу съ удовольствіемъ, что свойство ваше по желанію моему перемѣнилось. Но оставимъ это! вы съ дороги устали, укрѣпитесь пищею. Вы видите, что я предчувствовала ваше прибытіе, и приготовила для васъ ужинъ. Не опасайтесь несогласія съ стороны моего брата; оное уже кончилось. —— *Вадимъ*, примѣтивъ ея ошибку, хотѣлъ увѣдомить ее о томъ, но понуждающій его голодъ убѣдилъ прежде сѣсть за столъ; по ея прозбѣ онъ началъ ѣсть, не говоря ни слова.

Между тѣмъ хозяйка, не ожидающая таковаго молчанія съ стороны гостя своего, начала его съ прилѣжаніемъ разсматривать, сколько позволяли глаза ея, отягченные предшедшими слезами. Она съ ужасомъ познала, что это не тотъ, коего ожидала; пришла въ трепетъ, и хотѣла бѣжать. Но *Вадимъ*, жалѣющій о своей неосторожности удержавъ ее, увѣрялъ клятвами, чтобъ она ничего не опасалась, и увѣдомилъ ее по ка-

кой причинѣ попался онъ въ ея замокъ. Онъ не скрылъ отъ нее нѣкоторую часть своихъ приключеній и причинъ, понудившихъ его къ странствованію; чрезъ что совершенно ее успокоилъ. Радуюсь, сказала ему дѣвица сія, выслушавъ его, что нечаянной случай позволилъ мнѣ оказать страннопріимство особѣ, какъ я примѣчаю, не беззнатнаго произхожденія. Сочтя васъ за моего любовника, довольно имѣю я причинъ подумать, что показалась вамъ сумасшедшею; но я выведу васъ изъ сего сомнѣнія повѣствованіемъ моего приключенія.

—— Я называюсь *Озаною*, и осталась владѣтельницею замка сего по смерти родителя моего, происходящаго отъ знатной крови между Бастарновъ. Родитель мой, служившій съ особливою вѣрностію Королю своему, награжденъ при отставкѣ великими отъ него помѣстьями. Онъ женатъ былъ на дворянкѣ, и оставилъ отъ нее осмерыхъ дѣтей, изъ коихъ пятеро скончалось во младенчествѣ, а шестой сынъ погибъ насильною смертью. Я упоминаю вамъ о ненужныхъ для васъ подробностяхъ вразсужденіи того, что обстоятельство сіе относится до меня и любовника моего *Рабилста*. Покойный братъ мой, *Ніонъ* по имяни, былъ отчасти самъ причиною нещастія своего чрезъ любовь. Хотя родство полагало въ томъ

препятствіе, но красота ея, усугубляющая его пламень, понуждала его преодолѣвать всѣ запрудненія въ совершеніи съ нею брака. Родители сей сестры нашей слышать объ этомъ не хотѣли; согласны же въ томъ съ ними были и четыре ея брата: но не знаю, для чего притворствовали его страсти. Можетъ быть изъ любви къ сестрѣ своей, которая одна у нихъ была; ибо примѣчали они взаимную ея къ *Ніону* склонность. Однако напослѣдокъ частыя посѣщенія *Ніоновы*, и свободное обращеніе его съ ихъ сестрою, начали приводить ихъ въ досаду. При первомъ случаѣ объявили они ему наотрѣзъ, чтобъ онъ оставилъ частыя посѣщенія свои, наносящія непріятныя въ сосѣдствѣ на счетъ сестры ихъ переговорки. Грубость, съ какою они произносили слова свои, и повелительной видъ, привели *Ніона* въ досаду; онъ началъ имъ грозить тою саблею, которая въ войнахъ Бастарнскихъ многихъ непріятелей лишила жизни. Словомъ сказать, отвѣты его были равномѣрно грубы, разговоры превратились въ брань, и дошло до сабель. Нѣжная любовница *Ніонова* доказала ему вѣрность свою, не щадя собственной жизни въ его защищеніе; но получа многія раны, была нещастною свидѣтельницею кончины его, послѣдовавшей по храброй битвѣ отъ тритцати полученныхъ имъ ранъ. Годъ спустя по-

слѣ

слѢ бѢдственнаго приключенія сего, оставшій братъ мой *Квидо* возвратился отъ двора Королевскаго, при коемъ продолжалъ службу. Узнавъ о томъ *Рабилетъ*, меньшой братъ, изъ числа убійцъ *Ніоновыхъ*, пріѣхалъ и извинялся предъ нимъ въ произшедшемъ убійствѢ, увѢряя притомъ, что не токмо не участвовалъ въ таковомъ злодѢяніи, но препятствуя въ сномъ своимъ братьямъ, едва самъ отъ нихъ не умерщвленъ. Истинны ли, или притворны слова его были, но онъ умѢлъ насъ примирить съ собою, такъ что мы совершенно вражду къ нему оставили. Онъ предлагалъ сестру свою въ супружество брату моему *Квиду*, обнадаживая своимъ стараніемъ, и что онъ щастливѣе будетъ въ томъ *Ніона*. Однако *Квидо*, удаленный склонностію отъ брака, отговорился разными удерживающими его отъ того причинами. Напрошивъ *Рабилетъ* умѢлъ сыскать во мнѢ; я почувствовала къ нему любовь, и начала жалѢть о томъ, что былъ онъ братъ тѢмъ убійцамъ и дому нашего злодѢямъ. Большіе братья его находились въ отлучкѢ, когда сія страсть наша началась и умножилась. По возвращеніи своемъ узнали они съ негодованіемъ о намѢреніи его вступить со мною въ бракъ, и клялись умертвить его, естьли совершитъ оный, презря ихъ запрещеніе. Таковое обстоятельство принудило

его прекратить посѣщенія свои; онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ въ ночное время, таясь отъ нихъ, и въ тѣ часы, которые я ему назначу. Братъ мой нынѣшняго утра по склонности своей поѣхалъ на охоту, и расположилъ ночевать въ полѣ; онъ согласенъ уже на бракъ мой съ *Рабилетомъ*, и для сообщенія ему сей радостной вѣсти пригласила я его къ себѣ въ нынѣшній вечеръ. Я его ожидала, и отъ безпокойства мыслей не могла примѣтить, что сочла васъ за моего любовника. Не скрою отъ васъ и причины сего безпокойства, продолжала *Озана Вадиму*; любовникъ мой приключаетъ оное своими поведеніями. Онъ всегда съ усмѣшкою отводитъ предложенія мои о совершеніи нашего брака, и только увѣряетъ, что любовь его ко мнѣ столь для него пріятна, что онъ хочетъ продолжить названіе любовника, и не желаетъ прекратить оное учинясь супругомъ. Между тѣмъ тысяча разныхъ обстоятельствъ открываютъ мнѣ притворное его чистосердечіе, и принуждаютъ опасаться злаго намѣренія. Оставляя удостовѣрить себя въ томъ времени, провождаю я дни въ слезахъ, приключаемыхъ мнѣ подозрѣніемъ таковымъ, и радуюсь, что печаль мою прикрываетъ истекающій срокъ траура по моей родительницѣ. — —

Она не успѣла еще докончить словъ сихъ, какъ *Рабилетъ* растворивъ двери на встечь, вбѣжалъ съ обнаженною саблею, и яростно вскричалъ: *Озана*! такой ли доводъ вѣрности, коею ты мнѣ обязана? .... а ты злодѣй! — продолжалъ онъ обратясь къ *Вадиму* — омоешь кровію дерзостной приходъ твой сюда въ ночное время! —— Государь мой! отвѣчалъ ему *Вадимъ* съ вѣжливостію: я извиняю слова, къ которымъ приводитъ васъ можетъ быть страстъ; но неправы вы въ неосновательномъ подозрѣніи. Сами бы вы не отказали въ ночлегѣ чужестранцу, приведенному нечаяннымъ случаемъ въ домъ вашъ. Когда вы одумаетесь, сами жалѣть будете, что почтенную *Озану* обижаете за одно только оказанное ею странноприимство. —— Но раздраженный *Рабилетъ*, не слушая словъ его, и приводящей его въ себя *Озаны*, напалъ въ бѣшенствѣ на Славянскаго Князя, которой принужденъ былъ отскочивъ на средину зала приготовиться къ защищенію. Началось между ими жестокое сраженіе. *Рабилетъ* наносилъ *Вадиму* множество хлопотъ своимъ искусствомъ въ битвѣ и отважности.

Между тѣмъ *Простая* проялъ такой голодъ, что онъ не взирая ни на какія опасности, вскочилъ въ тотъ залъ, схватилъ блюдо съ кушаньемъ и бутылку съ виномъ, и

ушелъ. — *Вадимъ*, имѣя на себѣ латы, легко бы могъ преодолѣть своего ничемъ не прикрытаго противника, когда бы *Рабилетъ* не имѣлъ за собою двухъ вооруженныхъ служителей. Оные, услышавъ сабельной звукъ, узнали о происходящемъ сраженіи, прибѣжали и пріумножили сторону господина своего превосходною силою. До тѣхъ поръ *Вадимъ* щадилъ еще своего противника; но по приходѣ слугъ, напалъ на него, и немногими ударами лишилъ правой руки. Однако *Рабилетъ* не потерялъ чрезъ то своей неустрашимости; онъ подхватилъ саблю лѣвою рукою, при помощи слугъ своихъ продолжалъ жестокое сраженіе. Во все то время *Озана* крича и упрашивая любовника своего оставить нападеніе на невиннаго чужестранца, выбилась изъ силъ. Наослѣдокъ не зная, чемъ удержать бѣщенство его, сказала, что *Вадимъ* ей ближній родственникъ, и пріѣхалъ изъ дальняго мѣста впервые въ домъ къ ней. Но *Рабилетъ* вмѣсто отвѣту открылъ истинныя свои къ ней чувства; онъ ни мало не любилъ ее, а искалъ только обезчестить; ибо бросившись къ ней съ саблею, произвелъ таковой жестокой ударъ, что естьли бы она не увернулась за кресла, разрубилъ бы ей надвое голову. Кресла отъ онаго разкололись; а *Озана* не дожидаясь втораго удару, ушла въ

другую комнату, и заперла за собою двери. Злой *Рабилеть* не хотѣлъ оставить ее безъ отмщенія; онъ гнался за нею и началъ ломиться въ двери. Примѣтивъ то *Вадимъ*, оставилъ сраженіе съ служителями, подскочилъ къ нему, и однимъ ударомъ по спинѣ перерубилъ его надвое. Но между тѣмъ служитель убитаго ранилъ его по ногѣ. Текущая кровь привела *Вадима* въ гнѣвъ; онъ отмстилъ за оную такимъ ударомъ, которой отправилъ и слугу въ слѣдъ за господиномъ. Оставшій служитель, не смѣлъ сражаться далѣе, и спасался бѣгствомъ. *Вадимъ* удерживалъ его прозьбами оставить страхъ и увѣдомить, за что господинъ его нападалъ на него безъ всякой причины; но служитель не слушая ничего, удалился.

Вадимъ, избавясь непріятелей, подшелъ къ столу, обмылъ свою рану и завязалъ оную приложивъ пластырь, которой всегда возилъ съ собою. Онъ сѣлъ доканчивать свой ужинъ, размышляя о приключеніи своемъ. Одно только безпокойство его, чтобъ убитой имъ не былъ *Квидо*, братъ *Озанинъ*, возвратившійся нечаянно съ охоты своей. Въ таковомъ нещастномъ случаѣ утѣшало его то, что самая сестра его была свидѣтельницею принужденной его обороны. Но вскорѣ избавленъ былъ онъ отъ таковой заботы. Убѣжавшій служитель, меньше нежели чрезъ часъ, возвратился съ двумя другими,

гими, которыхъ по одѣянію надлежало считать за господъ. Они вбѣжали въ бѣшенствѣ съ великимъ крикомъ, и произнося неприличную брань; что принудило *Вадима* схватить лежавшую близь его на стулѣ саблю. Злодѣй и разбойникъ! кричалъ одинъ изъ новоприбывшихъ: какую имѣлъ ты причину умертвить нашего брата? — Вы называете меня приличнымъ вамъ имянемъ, отвѣчалъ *Владимъ*; естьлибъ убитой мною и вы были честныя люди, не нападали бы вы на невинныхъ — Слова его остановлены были стремящимися на него ударами; но неустрашимость его однимъ замахомъ учинила ровный бой: одинъ изъ братьевъ *Рабилетовыхъ* упалъ съ расколонною головою къ ногамъ его. Оставшій повелѣвалъ своему слугѣ зайтить съ другой стороны, и вмѣстѣ напасть на *Вадима*. Между тѣмъ онъ поносилъ *Озану* скареднѣйшею бранью: распутная дѣвка! кричалъ онъ; естьли бы ты была здѣсь, увидѣла бы, какое мы обще съ *Рабилетомъ* имѣли противъ тебя и брата твоего *Кеида* намѣреніе! Въ продолженіи словъ сихъ нападалъ онъ отчаянно на *Вадима*, который принужденъ былъ отступить къ стѣнѣ, имѣвъ съ двухъ сторонъ непріятелей. Въ самое то мгновеніе выскочила изъ боковаго покоя *Озана*, вооруженная копьемъ. — Я докажу, что мы ложно без-

безчестишь невинную дѣвицу! вскричала она, пронзивъ на вылетъ брата *Рабилетова*, и остановила тѣмъ движеніе хулительнаго языка его. Онъ упалъ мертвъ на томъ же мѣстѣ. Служитель, приведшій новыхъ злодѣевъ на Славянскаго Князя, хотѣлъ опять спастися бѣгствомъ; но раздраженная *Озана*, выдернувъ копье изъ груди умерщвленнаго ею, погналась за нимъ, и умертвила онаго равномѣрно. Одержавъ сію побѣду, остановилась она въ безмолвіи, взирая на бездушныя тѣла. По томъ приближившись къ трупу *Рабилетову*, ударила оное по лицу, сказавъ: естьли любовь твоя ко мнѣ была притворна, прими сіе воздаяніе; но когда любилъ ты меня нелицемѣрно, заключаю я вѣрность мою къ тебѣ симъ поцалуемъ! — Она въ самомъ дѣлѣ поцаловала его, и бросившись въ креслы проливала слезы. *Вадимъ*, видя огорченіе нанесенное имъ чрезъ убійство ея любовника, извинялъ себя предъ нею необходимостію. *Озана* оправдала оное, бывъ свидѣтельницею его невинности; но со всемъ тѣмъ оказывала, сколько поразила ее кончина *Рабилетова*.

Вадимъ не считалъ за пристойное медлить въ таковомъ домѣ, которому приключилъ онъ огорченіе; но истощенныя силы его принуждали просить о позволеніи препроводить ночь въ замкѣ. *Озана* при

всей своей печали не могла быть несправедли-
вою; она сама препроводила его въ особ-
ливую комнату на богатоубранную по-
спѣль, ибо всѣ служители отъ страху раз-
бѣжались. Огорченная дѣвица удалилась въ
свою спальню, размышлять о произшедшемъ;
а *Вадимъ*, коего совѣсть не укоряла, укрѣ-
пилъ силы свои спокойнымъ сномъ. По воз-
хожденіи солнца онъ готовъ уже былъ къ
продолженію пути своего. *Озана*, разсудивъ
на свободѣ, усмотрѣла изъ обстоятельствъ,
что любовникъ ея былъ злодѣй, и съ умыс-
ла съ братьями своими искалъ ея благосклон-
ности, преобратила страсть свою въ омер-
зеніе; благодарила Небо за избавленіе свое
отъ умысловъ враговъ ея, и встрѣтила *Ва-
дима*, готовящагося къ новымъ извиненіямъ,
такъ какъ избавителя своего. Она оказы-
вала сожалѣніе свое о томъ, что *Вадимъ*
вмѣсто страннопріимственнаго угощенія на-
шелъ въ домѣ ея рану; называла его за-
щитникомъ чести и жизни ея, и просила
открыть имя его, дабы знать, кому дол-
жна она благодарностію. — *Вадимъ* не
счелъ за нужное таишь отъ нее истинное
свое названіе, но только скрылъ природу:
онъ назвался Полководцемъ *Деквала* Князя
Дакскаго, и помышляя, что можетъ быть
Брячислава, естьли сверьхъ чаянія боги со-
хранили жизнь ея, случаемъ приведена бу-
детъ

детъ въ сіе мѣсто, просилъ ее сказать вопрошающимъ о *Вадимѣ*, что онъ поѣхалъ чрезъ области Полянъ и Горянъ въ Дакію. — — *Вадимъ*! сказала *Озлна*, задумавшись; . . . имя ваше мнѣ пришло на память. За нѣсколько дней слышала я отъ брата моего, что во время его звѣроловства встрѣтившійся съ нимъ молодой иностранецъ спрашивалъ о *Вадимѣ*; онъ описывалъ, что сей герой чрезмѣрно бы обрадованъ былъ, когда бы увидѣлъ его. — Не могу знать, государыня моя, отвѣчалъ Князь Славянскій, воздохнувъ; можетъ былъ то и знакомой мнѣ человѣкъ, хотя я геройства на счетъ мой и не снимаю. Между тѣмъ сердце его вострепетало; ибо не постигалъ онъ, чтобъ кто нибудь могъ искать его, опричь возлюбленной его *Брянославы*. Какая восхитительная надежда! онъ выспрашивалъ у *Озлны* о видѣ того чужестранца, и не слыхала ли, куда оный продолжалъ путь свой? Но она не могла удовлетворить его желанію, сказывая, что въ равномъ любопытствѣ спрашивала она о томъ у брата своего, которой не старался узнать объ ономъ, бывъ отведенъ страстью своею на гоньбу звѣрей. Не за чемъ оставалось медлить болѣе въ семъ домѣ; *Вадимъ* прощался съ *Озлною*. Дѣвица сія, узнавъ изъ прежнихъ словъ его, что отправляется онъ въ Полянію, просила его: естьли случай доведетъ

ему познакомиться тамъ съ однимъ Рыцаремъ *Бурновеемъ* по имяни, чтобъ увѣрилъ его съ стороны ея, что она намѣрена сохранить тѣ клятвы, отъ коихъ онъ, разлучаясь съ нею, разрѣшилъ ее. — Кто таковъ сей *Бурновей*? спрашивалъ *Вадимъ*. Любви достойнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ, отвѣчала она; онъ изъ первѣйшихъ вельможъ въ нашемъ королевствѣ, и удалился изъ отечества можетъ быть отъ жестокой своей ко мнѣ страсти. Прославясь въ послѣднюю войну съ Римлянами, ожидалъ онъ величайшихъ милостей отъ нашего Государя; но нещастный случай привелъ его въ домъ моего родителя. Онъ не вѣдая, что покойный отецъ его, бывъ ближнимъ бояриномъ при Дворѣ, оказалъ многія гоненія родителю моему. Влюбился въ меня; страсть его въ непродолжительномъ времяни открылась мнѣ, и была соотвѣтствована чистѣйшею склонностію; я позволила ему за меня свататься. Однако родитель мой отказалъ въ томъ; онъ и слышать не могъ, чтобъ дочь его была за сыномъ его непріятеля. Огорченный любовникъ мой принужденъ былъ прекратить свои посѣщенія; но разставаясь, клялся мнѣ, что вѣчно ни на комъ женатъ не будетъ. Я клялась ему въ томъ же взаимно; но онъ удерживалъ меня, и позволялъ вступить въ бракъ, естьли найду я человѣка достойнаго. По смер-

ми родителей моихъ старалась я чрезъ разныя средства увѣдомить его, что уже нѣтъ препятствій къ увѣнчанію любви нашей ; но съ тѣхъ почти поръ, какъ поѣхалъ онъ странствовать , не могла я получить ни малѣйшаго объ немъ извѣстія. Хотя считала я его погибшимъ ; но не могу извинить непостоянства моего въ новой любви къ *Рабилету*, и вижу, что боги хотѣли наказать меня за то, подвергши честь и жизнь мою опасности. Я просила васъ провѣдать объ немъ въ Полянiи по той причинѣ, что сначала отъѣзду своего былъ онъ при дворѣ Полянскаго Князя, и оказалъ оному важныя услуги.

Вадимъ обнадеживалъ ее, что не пропуститъ оказать ей столь пріятную для него услугу , и простясь съ нею, началъ искать своего служителя, объ которомъ не вѣдали, куда онъ скрылся , хотя всѣ жители замка уже собрались. — —

На этомъ словѣ *Изборъ* началъ дремать. Вотъ что называется искушать человѣческое терпѣнiе! сказалъ онъ любимцу своему *Уклону*. Уже съ недѣлю не слышу я ничего больше отъ *Голована* , кромѣ повторенія одинакихъ словъ : буря , молнiя, землетрясенiе , морское сраженiе . . . Онъ отрубилъ руку , голову --- дѣвка съ копьемъ ! . . . Однако клянусь бородою покойнаго моего дѣдушки , что *Головань* будетъ на хлѣбѣ и

на

на водѣ, ежели хоть одинъ разъ отрубятъ кому нибудь руку, въ продолженіи его повѣсти. ---- Ваше Величество, сказалъ *Голованъ*: вы осуждаете меня вмѣсто Сочинителя этой Сказки. Не опъ однихъ васъ уже слышу я, что писатель сего богатырскаго приключенія взялся за перо, не посовѣтовавъ съ добрымъ вкусомъ: всѣ говорятъ, что вмѣсто объясненій разныхъ древностей, до нашей Славянской исторіи надлежащихъ, могъ бы онъ поставить побольше волшебницъ, духовъ, самыхъ лучшихъ привидѣній, лѣшихъ, превращеній красавицъ въ попугаевъ, и прочихъ весьма нужныхъ вещей. Я довольно уже Вашему Величеству разсказалъ такихъ басенъ, и кажется, что изъ обвороженныхъ замковъ составилась земля не меньше Вашего государства. Потерпите выслушать сію повѣсть; она послужитъ вмѣсто прохлады изчерпанной моей памяти, а окончивъ, мы тотчасъ сядемъ въ колесницу, запряженную грифами, и помчимся въ царство волшебниковъ *Изборъ*, которому впрочемъ не чего было дѣлать, благоволилъ дать свободу языку *Голованову*; и въ наставшій вечеръ онъ продолжалъ.

ВЕЧЕРЪ V.

Вадимъ нашелъ лошадей своихъ разсѣдланныхъ; но служителя его при нихъ не было, и всѣ посланные нигдѣ сыскать онаго не могли. *Озана*, провожавшая *Вадима*, заключила, что сей слуга, унесши вчерась съ стола серебряное блюдо, бѣжалъ; однако Славянскій Князь обнадеживалъ ее, что слуга его по простотѣ своей не разумѣетъ цѣны вещей; что онъ человѣкъ вѣрной, но нѣсколько трусливой; и безъ сомнѣнія гдѣ нибудь сидитъ, спрятавшись отъ вчерашняго страху. Во время сего разговору услышалъ онъ голосъ его съ четвертаго жилья палатъ, и усмотрѣлъ, что выглядываетъ онъ въ маленькое окошечко находящейся тамъ голубятни. *Вадимъ* приказывалъ ему сойтить скорѣе, и сѣдлать лошадей; но *Простай* требовалъ, чтобъ приставили ему лѣстницу, по которой бы ему слѣзть можно было. Увѣряли его, что такой длинной лѣстницы сыскать не можно; тогда просилъ онъ, чтобъ подали ему руку. . . . Словомъ сказать, онъ забылъ дорогу, по которой забрался подъ самую кровлю, и принуждены были свести его оттуда. Онъ вынесъ блюдо и бутылку въ цѣлости, но потерялъ свою саблю и шапку, объ которыхъ объявлялъ, что увезли вчерашніе непріятели; однако посланные на-

нашли оное по дорогѣ на голубятнѣ. *Простай* оставлялъ замокъ съ неудовольствіемъ; ему понравился вкусъ вчерашняго блюда и вина; онъ шепталъ на ухо господину своему, что онъ безумно поступаетъ, оставляя такъ наскоро столь сытное мѣсто. Между тѣмъ оставилъ онъ съ умыслу въ конюшнѣ свой лукъ и стрѣлы, и когда они отъѣхали нѣсколько саженъ отъ замка, доложилъ о томъ *Вадиму* и воротился назадъ. Онъ нашелъ *Озану* еще на дворѣ стоящую, и приказавъ конюху подать свой лукъ, которой онъ забылъ, самъ подшедъ къ ней, говорилъ: Послушай хорошенькая барышня! естьли ты любишь моего господина, такъ пошли къ нему на дорогу денегъ. У насъ ихъ много было, но третьева дни разбойники все отняли. Мой господинъ и самъ бы вамъ объ этомъ сказалъ, да онъ не таковъ смѣлъ, какъ я. *Озана* повѣривъ словамъ его, вручила ему цѣлой мѣшокъ червонныхъ, кои онъ, припрятавъ въ свою переметную суму, возвратился къ *Вадиму*, и не сказалъ о томъ ни слова.

Путь ихъ продолжался безпрепятственно до самыхъ границъ Полянскихъ, но вступая въ сіе государство, попались они встрѣчу тритцати человѣкамъ Бастарнскихъ разбойниковъ, кои везли шесть плѣнниковъ и одну молодую госпожу. Они окружили *Вадима* съ его слугою, сочтя ихъ по одѣянію

за Римлянъ непріятелей своего отечества. Начальникъ сей шайки спрашивалъ у Князя Славянскаго о имяни, и куда онъ ѣдетъ. *Вадимъ* назвалъ себя Дакскимъ дворяниномъ, посыланнымъ отъ *Декевала* къ Гетрурскому Королю. Разбойникъ, не удовольствовавшись словами его, требовалъ отъ него письменнаго свидѣтельства; и получа въ отвѣтъ, что онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ ограбленъ отъ Бастарновъ, требовалъ съ него за свободу его денегъ. *Вадимъ* увѣрялъ его, что оныхъ не имѣетъ; но разбойники приступили къ обыску, и нашли въ сумахъ *Простаевыхъ* множество червонныхъ. *Вадимъ* съ досадою подумалъ, что слуга его укралъ оныя въ замкѣ у *Озаны*; а начальникъ разбойничій, примѣтивъ несправедливость словъ его, ожидалъ, что отъ слуги узнаетъ истинну, и съ угрозами спросилъ у *Простая*: кто таковъ твой господинъ? — Вотъ мой господинъ (отвѣчалъ сей), которой близъ тебя стоитъ. — Я знаю это, сказалъ Бастарнъ; но скажи настоящую правду, откуда онъ? — О! что надлежитъ до того, я не скрою, подхватилъ *Простай*; онъ изъ дубоваго куста; а этотъ кустъ въ такой землѣ, которая такъ отсюда далеко, что воронъ костей твоихъ туда не занесетъ. Услышавъ сіе отважный *Вадимъ*, не могъ удержаться отъ смѣху; а Бастарнъ разсердясь, ударилъ

бѣднаго *Простая* въ щеку, и грозилъ умертвить, естьли не скажетъ ему правды. —— Умертвить! вскричалъ *Простай*; я на это не согласенъ; ты лучше скажи, что ты мнѣ дашь, естьли я правду скажу? —— Бастарнъ обѣщалъ ему возвратить суму съ деньгами и отпустить на свободу. Ну! теперь прощай, мой господинъ! сказалъ онъ *Вадиму*, я поѣду одинъ; а ежели бы и ты то же сдѣлалъ, что я, такъ и тебя отпустили бы. Слушайтежь господа воры! продолжалъ онъ, обратясь къ Бастарнамъ; я скажу сущую правду: это подлинно такъ, что господинъ мой родился подъ дубовымъ кустомъ, и вырось такъ, какъ вы его видите; однако я не вѣдаю, кто ево родилъ, волкъ, или человѣкъ. Нѣсколько уже недѣль прошло, какъ мы поѣхали изъ той земли, гдѣ онъ родился, за тѣмъ, что эта земля взбѣсилась; а куда мы ѣдемъ, я у барина моего не спрашивалъ. На дорогѣ мы заѣзжали въ богатой замокъ, гдѣ пьютъ и ѣдятъ съ серебра. Тутъ баринъ мой съ пригожей хозяйкою веселился; но пока сіе происходило, много дѣла было; онъ не знаю съ какими людьми рубился на габляхъ. Эта хозяйка насыпала мнѣ въ сумки денегъ безъ вѣдома моего господина, и онъ не зналъ объ нихъ. Вотъ вамъ и сказъ! а я по нашему договору съ вами квитъ, и вамъ никакого до меня дѣла нѣтъ. Однако я радъ отдать вамъ

всѣ

всѣ деньги, когда отпустите со мною моего господина. -- Бастарнѣ понялъ о глупости слуги сего, но не хотѣлъ отпустить изрядную добычу изъ рукъ своихъ; ибо Бастарны по подобію многихъ варваровъ продавали пойманныхъ людей въ плѣнъ въ Таврикіи Грекамъ. -- Я вѣрю твоему повѣствованію, сказалъ онъ *Простаю*; но объявленное тобою объ отечествѣ господина твоего ложно, и за это долженъ ты съ нимъ остаться моимъ плѣнникомъ, — Пожалуй вѣрь, или не вѣрь, отвѣчалъ *Простай* съ досадою, но это самая правда; а вы не думайте, чтобъ я остался съ вами: этова во вѣки не будетъ. Прощай баринъ, сказалъ онъ *Вадиму*; я долженъ ѣхать по силѣ уговору моему съ этимъ воровскимъ господиномъ. — Онъ былъ остановленъ, и по приказанію начальника Бастарнами связанъ; при чемъ бранилъ онъ разбойниковъ, и угрожалъ битьчеломъ на нихъ прикащику, какъ-то разумѣлъ онъ *Квістія*, Намѣстника въ Геркуланѣ. Что надлежитъ до *Вадима*, Бастарны удовольствовались только отобравъ у него оружіе, и со всѣми своими плѣнниками поворотивъ въ сторону, пріѣхали ночевать въ небольшую Бастарнскую деревеньку.

Разбойники, пріобрѣтши богатую добычу, въ наличныхъ деньгахъ отнятыхъ у *Простая* и помянутой госпожи, а сверьхъ

мого считая *Вадима* за знаменитаго вельможу, уповали получить не малой выкупъ; и для того съ радости перепились всѣ пьяны. По сей причинѣ *Вадимъ* имѣлъ свободу узнать отъ плѣненной госпожи, что оная дочь Полянскаго богатаго дворянина, сговоренная за *Свенлада* знатнаго господина, живущаго верстахъ въ пятидесяти отъ дому ихъ; что оная слѣдовала въ препровожденіи двухъ братовъ своихъ со всемъ приданымъ для заключенія брака, и взята была въ плѣнъ по жестокомъ сраженіи, на которомъ нѣсколько служителей ихъ побито. Государыня моя! говорилъ утѣшающій ее *Вадимъ*: не безъизвѣстно мнѣ, сколь тяжко сносить влюбленному сердцу препятствіе, случающееся въ самый часъ окончанія ожидаемаго благополучія. Я самъ испыталъ то надъ собою, и еще несравненно больше вашего! Сколько щастливымъ считалъ бы я себя, когдабъ возлюбленная моя, подобно вамъ, находилась въ полону! Но я и надежды не имѣю, чтобъ была она на свѣтѣ; а вамъ можно еще ожидать свободы и щастія. Я имѣю намѣреніе, естьли вы одобрите оное, избавить себя и всѣхъ васъ. Бастарны веселятся на наши деньги, и вскорѣ охмѣлѣвъ поснутъ, такъ что не великаго будетъ стоить труда избавиться отъ нихъ бѣгствомъ. Обрадованная тѣмъ

дѣ-

дѢвица не токмо соглашалась подвергнуться съ нимъ всякой опасности, но и употребить оружіе къ защищенію, естьли оное получить ей будетъ можно. *Вадимъ* не сомнѣвался въ истиннѣ словъ ея, вѣдая, что у всѣхъ Славянскихъ народовъ женщины обучаются владѣть оружіемъ, и не уступаютъ мущинамъ въ храбрости; онъ открылъ потомъ братьямъ ея о своемъ намѣреніи, и всѣ уговорились, какимъ образомъ произвесть оное въ дѣйствіе. Когда Бастарны перепившись поснули, и осталось только двое на часахъ равномѣрно пьяныхъ и дремлющихъ: плѣненные подкравшись унесли ихъ оружіе, часовымъ отрубили головы, и забравъ лошадей, поскакали. Ѣхавъ чрезъ всю ночь, на разсвѣтѣ примѣтили спутники *Вадимовы*, что они однако не болѣе десяти верстъ находятся отъ той деревеньки. Вскорѣ увидѣли они погоню за собою отъ оставшихся разбойниковъ: и для того начали понуждать лошадей своихъ. Приближась къ горамъ, встрѣчены они были множествомъ вооруженныхъ, о коихъ не зная, кто они таковы, считали равномѣрно разбойниками, и *Вадимъ* началъ поощрять своихъ товарищей къ храброй оборонѣ. Однако въ приближеніи къ великой радости невѣсты *Свеналдовой*, узнали, что былъ то самъ женихъ ея, услышавшій о ея нещастіи и отправившійся въ поискъ за Ба-

старнамн. Радость свидѣвшихся любовниковъ и благодарность къ избавителю, вскорѣ была пресѣчена нападеніемъ отъ гнавшихся Бастарновъ; но оные заплатили жизнію за дерзостную отважность свою. По одержаніи побѣды упросилъ *Свеналдъ* Славянскаго Князя посѣтить домъ его и присутствовать при совершеніи брака. *Вадимъ* охотно согласился на оное, по той причинѣ, что уповалъ получить освѣдомленіе о молодомъ чужестранцѣ, спрашивавшемъ объ немъ у брата *Озаннна*, и котораго по чувствованію слабой надежды считалъ за свою возлюбленную *Брянеславу*; равномѣрно уповалъ онъ сыскать слугу своего *Простая*, отлучившагося въ темнотѣ ночнаго ихъ бѣгства. Нѣсколько служителей разослано сыскивать онаго, однако пропалъ оный безвѣстно къ крайнему сожалѣнію *Вадимову*; ибо сей слуга простотою своею и смѣшными разговорами почасту разгонялъ грусть его. Слѣдуя въ домъ *Свеналдовъ*, имѣли они щастіе встрѣтиться съ оставшимися Бастарнами, у коихъ отбили все приданое невѣсты *Свеналдовой*, и деньги, отнятыя у *Простая*. Благодарный *Свеналдъ* старался угощеніемъ оказать *Вадиму* признаніе свое; между тѣмъ совершился бракъ его. Однако сердце *Вадимово* неспособно было ни къ каковымъ веселіямъ; не получивши свѣденія о молодомъ

домъ

домъ чужеспранцѣ, уповалъ онъ при дворѣ Полянскаго Государя получить лучшее извѣстіе; сіе побуждало его ускорить отъѣздомъ въ *Вандалъ* (*), столичный городъ государства сего. Въ семъ намѣреніи подарилъ онъ коня своего *Свеналду*, и нанявъ судно, отправился въ путь рѣкою Вислою.

Уже показывались ему издалека златоверхія зданія Вандальскія, и чрезъ полчаса ѣзды уповалъ онъ вступить въ стѣны сего столичнаго города, какъ преужасный вихрь едва не лишилъ его жизни. Сей порывистый вѣтръ оказалъ сначала дѣйствіе свое надъ стоящими на берегу рѣки деревьями: оныя вырвалъ изъ кореня, и бросилъ далеко въ рѣку; по томъ приближась къ судну, завертѣлъ оное, намчалъ на великой камень, и раздробилъ въ щепы. *Вадимъ* не могъ спастись по подобію прочихъ: волнующаяся вода несла его внизъ, и съ превеликимъ

(*) Вандалъ городъ, по обстоятельствамъ нѣкоторыхъ извѣстій, находился близъ того мѣста въ Польшѣ, гдѣ нынѣ Краковъ. Названіе свое получилъ безъ сомнѣнія отъ Вендовъ, или Вандаловъ, народа Славянскаго, обитавшаго въ странѣ сей прежде Алановъ, кои пришедъ съ востока, вытѣснили Вандаловъ, принудили оныхъ слѣдовать чрезъ Италію до Ишпаніи; а сами соединясь съ Полянами и Горянами, составили праотцовъ нынѣшнихъ Поляковъ.

трудомъ могъ онъ схватить остатокъ доски разбитаго судна, которой его обремененнаго бронею едва держать могъ. Держась за оную плылъ онъ; но уже лишился силъ, и погибъ бы, естьлибъ по щастію стремленіе волнъ не принесло его къ самому тому мѣсту, гдѣ Монархъ Полянскій забавлялся звѣриною ловлею. Онъ съ придворными своими гнался за лосемъ, коего собаки вогнали въ воду. Изнеможенный и безчувственный *Вадимъ* машинальнымъ побужденіемъ схватилъ за ногу приближившагося звѣря, принудилъ онаго чрезъ то возвратиться на берегъ, и вытащенъ былъ изъ воды. Князь Полянскій, недавно сочетавшійся бракомъ съ Варяжскою Княжною, учреждалъ для оной разныя забавы; высокія особы сіи преслѣдуя лося, приближились къ берегу, и увидѣвъ безчувственнаго *Вадима*, приказали подать ему всевозможную помощь. По одѣянію его и великой цѣнѣ перстня, на рукѣ его находившагося, заключили они, что онъ долженъ быть человѣкъ знатной. *Вадимъ* отнесенъ былъ въ Княжескій шатеръ, и по приведеніи въ чувство узналъ, кому обязанъ онъ за сіе стараніе; онъ благодарилъ Государя Полянскаго за таковую милость; но по совѣту и дружественному союзу съ братомъ своимъ не счелъ за полезное открыться ему о своей природѣ, и назвался Пол-

Полководцемъ Декевaловымъ, служившимъ въ послѣднюю войну съ Римлянами подъ начальствомъ *Вадимовымъ*. Сіе подало случай ко многимъ вопросамъ съ стороны Полянскаго Государя, на которые *Вадимъ* умѣлъ такъ хорошо отвѣтствовать, что Князь почувспвовалъ къ нему особливую благосклонность, и былъ отведенъ отъ всякихъ подозрѣній вразсужденіи его особы. Князь Полянскій приказалъ ему жить во своемъ дворцѣ, и присутствовать за столомъ его во все время, пока онъ въ столицѣ его пробыть вознамѣрится.

По возвращеніи въ Вандалъ первое стараніе *Вадимово* состояло въ развѣданіи о своей возлюбленной *Брянславѣ*, по томъ о *Бурновеѣ* и обстоятельствахъ войны Даковъ съ Римлянами. Но о первыхъ двухъ не получилъ онъ ни малѣйшаго извѣстія, а о послѣднемъ узналъ, что Римляне вновь овладѣли Паноніею; что Декевалъ имѣетъ надъ ними нѣкоторыя выгоды, но что ожидаютъ главнаго сраженія, къ коему съ обѣихъ сторонъ пріуготовляются. Таковая вѣдомость понудила было его не мѣшкавъ оставить дворъ Полянскій и слѣдовать въ Дакію; но любовь, или можетъ быть судьба, готовящая погибель престолу *Декевалову*, удержала руку его, которая могла бы спорить противу ея предопредѣленія. Оная

внушала ему мысли, что *Брячислава* спаслась отъ смерти при разрушеніи Геркуланы, ищетъ его всюду, и необходимо должна побывать въ Вандалѣ. Но когда поиски его остались безплодны, и тогда уповалъ онъ еще получить объ ней извѣстіе. Князь Полянскій въ честь и забаву младой супруги своей учредилъ богатырскія потѣхи; по всѣмъ смежнымъ государствамъ разослалъ призывные листы, и опредѣленное къ тому время чрезъ два дни наступить имѣло. При семъ случаѣ городъ наполнялся со дня на день чужестранными витязями и странствующими богатырями, отъ коихъ *Вадимъ* лучшее уповалъ получить извѣстіе, какъ отъ людей путешествующихъ по всему свѣту. Онъ самъ чувствовалъ въ себѣ склонность оказать храбрость свою на оныхъ потѣхахъ; и такъ отложивъ отъѣздъ свой, началъ пріуготовляться къ подвигамъ.

Между тѣмъ придворные, примѣтивъ отмѣнную милость Государя своего къ сему чужестранцу, старались сыскивать его пріязнь; *Вадимъ* получалъ отъ многихъ приглашенія, и въ особливости подружился съ *Соланомъ*, Воеводою войскъ Полянскихъ. Приуготовленія его къ богатырскимъ потѣхамъ требовали нѣкотораго уединенія: почему изпросся дозволенія у Государя, переѣхалъ онъ въ домъ *Солановъ*. Хозяинъ старался, угощая

щая его, дѣлать пиры и созывать знатныхъ особъ обоего пола; при чемъ *Вадимъ* по красотѣ лица своего претерпѣлъ многія нападенія отъ госпожъ Полянскихъ, кои однако не могли поколебать сердца, занятаго *Брячиславою*. Въ одинъ изъ сихъ пировъ доложили *Солану*, что незнакомой желтоодѣянной человѣкъ требуетъ неотступно видѣть своего господина *Арпада*. Какъ *Вадимъ* назвался симъ имянемъ, отправясь въ путешествія, и подъ онымъ зналъ его и *Простай*, не сомнѣвался по тому, чтобъ не былъ то пропадшій его служитель. Приказано впустить сего желтоодѣяннаго, и въ самомъ дѣлѣ былъ то *Простай*. *Вадимъ* чрезмѣрно обрадовался сей находкѣ; а *Простай*, вступя въ залъ и увидѣвъ множество гостей, началъ хохотать и закричалъ: А! ты здѣсь, мой господинъ, посиживаешь съ такими пригоженькими дѣвками; а я думалъ, что разбойники - та давно тебѣ сломили шею! Я право этова не зналъ, а теперь вижу, что я еще не самъ господинъ... Но прежде всего надобно спросить, гдѣ твоя добрая сивая лошадь? — Видъ и слова *Простаевы* все собраніе развеселили; а собливо когда *Вадимъ* вкратцѣ разсказалъ имъ, какого роду былъ онъ человѣкъ. Для чегожъ ты (сказалъ по томъ *Вадимъ* слугѣ своему) не любопытствуешь узнать прежде объ моихъ

приключеніяхъ, а хочешь узнать объ моей лошади? — Это смѣшной вопросъ! отвѣчалъ *Простай*; ты сидишь за столомъ, сытъ по уши: вѣдь эти ласковыя дѣвки тебя накормятъ, хоть бы ты и не хотѣлъ; а лошадь безъ меня гдѣ возьметъ корму? — Это справедливо, сказалъ хозяинъ дому; можно видѣть, что ты человѣкъ разумной. Но прежде всего не можешь ли разсказать намъ о своихъ приключеніяхъ? — Да! подхватилъ *Вадимъ*, что случилось съ тобою съ тѣхъ поръ, какъ ты въ темную ночь отъ насъ отсталъ. — Разсказать! отвѣчалъ *Простай* покачавъ головою; это дѣло такое хитрое, такое похожденіе, которое никакому человѣку и въ умъ не войдетъ. Естьлибъ вы знали, какъ я храбро поступалъ! . . . Жаль, что не было при томъ тѣхъ воровъ, которые связали мнѣ руки назадъ, не отважились бы они плуты отнимать нашихъ денегъ! — Всѣ знали уже о приключеніи *Вадимовомъ* съ Бастарнами; почему *Соланъ* убѣждалъ *Простая* разсказать о его храбрыхъ подвигахъ. — Хорошо вамъ сидя за столомъ (отвѣчалъ сей) спрашивать, что и какъ со мною было. Ежелибъ я пообѣдалъ, то и самъ бы могъ у васъ также спрашивать. Однако въ угодность не тебѣ, а господину моему разскажу, чтобъ вы ротъ разинули отъ удивленія.

Повѣ-

Повѣствованіе *Простаево* отложено было до слѣдующаго вечера затѣмъ, что *Славомірь* приходомъ своимъ пресѣкъ оное. *Изборъ* съ досадою принужденъ былъ итти подписывать принесенныя имъ бумаги.

ВЕЧЕРЪ VI.

Первое приключеніе Простаево.

Въ ту темную ночь, какъ мы бѣжали отъ разбойниковъ, вошло мнѣ въ голову, что они за нами погонются. . . . Признаюсь вамъ, господа, что съ малолѣтства еще не люблю я этихъ людей, которыя у проѣзжихъ отнимаютъ деньги; а особливо не понравилось мнѣ лице моего небольшаго вора, которой ударилъ меня по щекѣ. Насъ много ѣдетъ, думалъ я, отъ этова стуку, которой дѣлаютъ лошади, утаиться не льза, они насъ услышатъ и догонятъ. Въ такомъ размышленіи рука моя безъ моего согласія поворотила за поводъ лошадь мою въ сторону; я молчкомъ отъѣхалъ съ версту; но боясь, чтобъ проклятая скотина ржаніемъ своимъ не открыла моего убѣжища, бросилъ ее, и крадучись шелъ очень далеко. Первое высокое дерево показалось мнѣ добрымъ ночлегомъ: я

взлѣзъ

взлѣзъ на оное, и просидѣлъ до утренней зори. По томъ отправился я въ путь мой, и шелъ, самъ не вѣдая куда. Хотя и попадалось мнѣ много мужиковъ, но ни одинъ не зналъ про моего барина; а я кажется имъ сказывалъ очень ясно, что онъ родился подъ дубовымъ кустомъ. Къ половинѣ дня пришелъ я къ большой рѣкѣ; тутъ попался мнѣ мужикъ въ лодкѣ. Я просилъ у него, чтобъ онъ перевезъ меня на другую сторону; но этотъ грубіянъ просилъ съ меня за это денегъ. У меня въ карманѣ осталось еще съ горсть тѣхъ желтенькихъ копѣекъ, которыя дала мнѣ пригожая барышня, у которой мы ночь прогуляли; разбойники не искали ихъ у меня въ нижнемъ платьѣ; я вынулъ всѣ мои копѣйки, и далъ перевощику изъ нихъ двѣ; но этотъ плутъ посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, узналъ, что я бѣглой. Онъ сказалъ объ этомъ, и просилъ всѣхъ денегъ, грозя притомъ, ежели я не отдамъ, связать меня. Принужденъ былъ я отдать ему всѣ мои копѣйки, и признался ему, что я точно ушелъ отъ разбойниковъ; онъ обыскалъ меня всего, и не нашедши больше копѣекъ, позволилъ сѣсть въ свою лодку. Въ оной насъ сидѣло человѣкъ съ шесть; мы отъѣхали на половину рѣки, какъ откуда ни взялся такой сердитой вѣтръ, что вода его испугалась, начала болтаться и лодку нашу

ину вертѣть кругомъ. Долго это было; перевощикъ кричалъ на всѣхъ, чтобъ сидѣли смирно, грозилъ убить до смерти того, кто будетъ шалиться. Я не хотѣлъ было съ нимъ спорить, и сидѣлъ какъ бы врытой, но лодка наша такъ качнулась, что я принужденъ былъ схватиться за край. Перевощикъ разсердился, и хотѣлъ ударить меня весломъ; но отъ размаху ево лодка качнулась еще больше и захлебнулась. Мы начали барахтаться въ водѣ; я увидѣлъ, что перевощикъ поплылъ къ каменной стѣнѣ, которая изъ воды торчала, и самъ поплылъ за нимъ. Вылѣзли мы на эту стѣну, и смотрѣли долго, какъ наши товарищи очень забавно въ водѣ болтались и ныряли. Напослѣдокъ они такъ глубоко нырнули, что ужь больше не показались, и лишили насъ такой потѣхи. Мы ночевали на этой стѣнѣ; а какъ уже захотѣлось намъ очень пообѣдать, и взять было не гдѣ, то перевощикъ, нашедши на стѣнѣ превеликое бревно, началъ тащить оное въ воду. Я спросилъ у него, что хочетъ онъ съ бревномъ тѣмъ дѣлать; онъ отвѣчалъ, что поплыветъ на немъ на другую сторону рѣки. Мудрено мнѣ то казалось; потому что на этомъ бревнѣ не видалъ я ни весель ни парусовъ, чемъ плыть можно. Я объявилъ ему свое о томъ сомнѣніе; но онъ увѣрялъ меня, что бревно это довольно имѣетъ въ

себѣ

себѣ тягости, чтобъ поднять одного человѣка. — А! подумалъ я, когда тяжелое поднимаетъ на водѣ человѣка, то и я найду себѣ корабль. На стѣнѣ той лежалъ большой камень гораздо тяжелѣ бревна; я привалилъ его съ превеликимъ трудомъ къ краю стѣны. Перевощикъ легъ на свое бревно брюхомъ, началъ грести руками и поплылъ; я также легъ на свой камень, спехнулъ его въ воду, но полетѣлъ съ нимъ черезъ голову: корабль мой пошелъ какъ ключь на дно, а меня понесло внизъ. Перевощикъ это примѣтивъ, догналъ меня на бревнѣ, схватилъ, привлекъ опять къ стѣнѣ, и поплылъ прочь. Сколько ни просилъ я ево, чтобъ онъ взялъ меня съ собою, и хотя обѣщалъ ему, ставъ на бревнѣ свой кафтанъ растянуть оной вмѣсто паруса, но онъ не слушая ничего плылъ, и только сказалъ, что бревно его двухъ человѣкъ не подниметъ. Я догадался, что онъ меня обманываетъ, поплылъ самъ за нимъ, догналъ и схватилъ за другой конецъ бревно; оное тотчасъ стало нырять въ воду. Перевощикъ грозилъ убить меня до смерти, ежели я не покину; принужденъ былъ я бросить, но вмѣсто бревна схватилъ его за ногу и держался крѣпко. Сколько онъ ни толкалъ меня другою ногою, но не выргался; я не робѣлъ, вѣдая, что въ водѣ онъ драться со мною не станетъ.

Дол-

Долго мы съ нимъ ныряли, и наконецъ онъ оторвался отъ бревна; я схватился за оное, и оттолкнувъ его прочь, поплылъ такъ, какъ онъ плылъ. Я поймалъ ево шапку, и присталъ къ берегу. Вышедъ изъ воды, долго я кликалъ ево, чтобъ онъ пришелъ и взялъ бы свое бревно; но видимо, что онъ разсердясь на меня не откликался, и куда-то спрятался.

Хотя не спалъ я двѣ ночи сряду, но-голодъ мучилъ меня столько, что я пошелъ искать деревни, гдѣ бы пообѣдать. Уже налъ вечеръ, въ великой усталости добрелъ я до постоялаго двора, гдѣ накормили меня досыта. Въ этотъ дворъ пришла какая-то дѣвка, и узнала на мнѣ шапку отца своего; она спрашивала, гдѣ я оную взялъ. Тогда вспало мнѣ на умъ выдумать шутку: я отвѣчалъ ей, что эта шапка точно отца ея, и что я за тѣмъ и пришелъ, чтобъ сыскать ее. Послушай, красная дѣвица, продолжалъ я: отецъ твой, въ ближнемъ городѣ напившись пьянъ, выбранилъ Воеводу, и за это посадили ево въ тюрьму. Онъ послалъ меня къ тебѣ съ этою шапкою, чтобъ ты повѣрила и прислала къ нему со мною мѣшечикъ денегъ на искупленіе. Ему опредѣлена смертная казнь, ежели чрезъ десять дней не успѣетъ онъ заплатить за безчестье Воеводѣ.

— Услышавъ то дѣвка, начала плакать и

просить меня, чтобъ я пошелъ съ нею въ домъ къ ея матери. Я не поупрямился, пришелъ туда, и жилъ нѣсколько дней, пока они к й какъ собрали мѣшечикъ денегъ. Мнѣ было весело у нихъ; потому что они кормили меня досыта, и клали спать на мягкой постелѣ. Послѣ того отдали они мнѣ деньги, и просили постараться объ избавленіи сидящаго въ тюрьмѣ; въ чемъ я обнадеживъ ихъ, пошелъ проворно и самъ куда не вѣдая. Пришедши въ первую попавшуюся мнѣ корчму, гулялъ я цѣлую недѣлю на чужія деньги. Хозяинъ угощалъ меня со всевозможнымъ стараніемъ; хотя и примѣчалъ я, что онъ много лишняго на меня начиталъ, однако я думалъ, что это такъ водится. Въ послѣднюю ночь пришли къ моей постелѣ два человѣка, нахлучивъ шапки. Они взнуздали мнѣ ротъ палкою, такъ какъ кладутъ лошадямъ въ ротъ удила, привязали веревкою къ постелѣ, и обыскавъ по карманамъ, побрали всѣ деньги и пошли прочь. Я лежалъ до утра, и не могъ закричать, потому что палка мнѣ мѣшала. Пріятели мои, съ которыми я въ прошедшую недѣлю веселился, собрались уже поздравить меня съ добрымъ утромъ и опять начать попойку на мои деньги. Они удивились, что я такъ долго заспался, пришли навѣстить меня, и увидѣвъ меня взнузданнаго и привязаннаго, освободили.

Я

Я разсказалъ имъ объ своемъ нещастіи. Пріятели мои присовѣтовали мнѣ не сказывать ни слова хозяину, что у меня денегъ уже нѣтъ, и сдѣлали мнѣ наставленіе, которое произвелъ я въ точности въ дѣйствіе. Я приказалъ изготовить больше кушанья и подать всякихъ напитковъ. Мы пили и ѣли цѣлой день; а надъ вечеръ товарищи мои начали одинъ по одному тайкомъ уходить. Оставшись одинъ, и я вышелъ за ними. Хозяинъ, примѣтивъ то, побѣжалъ за мною въ слѣдъ, а я бѣжалъ отъ него вонъ изъ деревни. Я зналъ отъ чего бѣгу, мнѣ не чемъ было заплатить ему; но онъ не вѣдалъ, для чего за мною гонится. Догнавши меня, спрашивалъ онъ, для чего я бѣгу? Для того, отвѣчалъ я, что ты за мной гонишься; а сверьхъ того у меня отъ сидѣнья ноги заржавѣли, я хочу оныя повыправить. Хозяинъ разсмѣялся: ну! сказалъ онъ; когда только всего, можно мнѣ себя отъ такова труда избавить. Я и не принуждалъ ево къ тому; приказалъ ему возвратясь приготовить доброй ужинъ, за которымъ бы мнѣ пробѣжавшись прохладиться, и тѣмъ отпотчивавъ его, съ вѣрною надеждою къ дальнимъ барышамъ отправилъ домой. Я бѣжалъ не оглядкою, размышляя дорогою о плутахъ, меня ограбившихъ; подозрѣніе мое упадало на двухъ хозяйскихъ работниковъ, кои жадно поглядывали на мои

деньги, когда я ихъ высыпалъ. По наступленіи ночи прибѣжалъ я въ большой лѣсъ.

Бродя по оному, увидѣлъ я въ густинѣ разкладенной огонь, и при ономъ нѣсколько человѣкъ. Не зналъ я, какъ заключить, какія бы-то были люди, и за чемъ далеко отъ дороги остановились ночевать. Однако осмѣлившись подшелъ я къ нимъ, и къ великой родости узналъ въ числѣ ихъ тѣхъ троихъ пріятелей моихъ, которые въ корчмѣ цѣлую недѣлю попивали на мои денежки. Съ ними были и тѣ два корчмаревы работники, которыхъ подозрѣвалъ я въ похищеніи моихъ денегъ. Близъ ихъ стояла большая бочка. Я поздравилъ ихъ съ добрымъ вечеромъ, и спрашивалъ у нихъ, съ чемъ эта бочка? Они отвѣчали мнѣ, что эта бочка съ добрымъ пивцомъ, посланнымъ отъ корчмаря въ подарокъ лѣсовому надзирателю. Между тѣмъ они, наливая свои шляпы, потягивали пиво, и привѣтствуя меня, говорили: мы приходу твоему, почтенной *Простай*, чрезмѣрно радуемся. Садись къ намъ и покушай пивца. Я отъ многаго бѣжанья великую имѣлъ жажду, и обрадовавшись ихъ предложенію, снялъ свою вязаную шапку, за тѣмъ что у нихъ ни ковша, ни стакановъ не было, и нацѣдилъ по примѣру ихъ въ оную пива. Но прежде нежели принесъ я корту, оное все вытекло. Они смѣялись моей неудачѣ:

что

что меня приводило въ досаду; однако напослѣдокъ снабдили шляпою, изъ которой я напился. Таковымъ образомъ попивали мы до полуночи. Я притворился, что на работниковъ корчмаревыхъ никакого подозрѣнія не имѣю, опасаясь, чтобъ они меня опять не взнуздали. Ужинъ нашъ состоялъ въ жидкой кашѣ; они потчивали меня съ великою вѣжливостію, называли меня высокопочтеннымъ господиномъ *Простаемъ*, и пиво подносили съ низкими поклонами. По таковому ихъ обращенію началъ я сомнѣваться въ прежнемъ моемъ подозрѣніи на нихъ въ покражѣ денегъ, и отдалъ бы съ радостію имъ добровольно по всегдашней моей щедрости, ежелибъ, что случилось въ моихъ карманахъ. КЪ полуночи бочка опорожнилась; для того что мы не столько пили, сколько лили на землю. Мы перепились всѣ до пьяна: но я превозшелъ всѣхъ въ томъ; ибо ничего не помню, что они со мною дѣлали. Проспавшись понялъ я, какъ мудрено они со мною поступили. Они выбили дно изъ опорожненной бочки, и посадивъ меня, опять оное вставили. По томъ, положивъ на бывшую съ ними телѣгу, взвезли на крутую гору и составили бочку на землю. Я еще не совсѣмъ проспался тогда: и для того не могъ разумѣть словъ ихъ, однако понималъ, что они надо мною смѣялись. Когда весь

 жмѣлъ

хмѣль изъ головы моей вышелъ, тогда усмотрѣлъ я, что какую узкую отвели они мнѣ постелю. Мнѣ нельзя было ни пошянуться, ни встать, и принужденъ я лежать весь настанщій день. По наступленіи ночи, послышалъ я нѣчто живое, ходящее около бочки; я счелъ, что это былъ человѣкъ, и для того закричалъ: другъ мой! сдѣлай милость, высвободи меня изъ этой неволи. Прокричавъ, приклонилъ я ухо, ожидая отвѣту, но послышалъ, что приближившійся отбѣжалъ прочь. Я уразумѣлъ робость его, ободрялъ онаго и клялся ему, чтобы онъ никакого зла не опасался. Однако трусъ этотъ молчалъ. Я изогнулся кой какъ, и выставилъ глазъ въ широкую бочечную втулку; увидѣлъ я тогда, что былъ то превеликой волкъ, опять подшедшій и обнюхивающій бочку. Я выставилъ мою руку, ни слова не говоря, схватилъ звѣря за хвостъ, втащилъ онаго въ бочку, и держался за него крѣпко обѣими руками. Сильной волкъ началъ прыгать, и легко поворотилъ бочку, стоявшую на самой крутизнѣ той горы. Мы съ нимъ покатились подъ гору; я не выпускалъ хвоста изъ рукъ, и думаю, что мы разъ съ пятьдесятъ другъ черезъ друга перекувырнулись. Напослѣдокъ бочка съ раскату ударилась объ дерево, такъ что вся разсыпалась. Освободясь изъ моей темницы, готовился я принести благодарность мо-

моему избавителю; но онъ не дожидаясь поклоновъ, ушелъ въ лѣсъ. Я хотѣлъ встать на ноги, но не могъ. Небо и земля завертѣлись кругомъ, деревья падали, а горы вверьхъ поднималисъ. Тогда - то я очень испугался, и подумалъ, что здѣшняя земля также взбѣсилась, какъ и та, изъ которой мы уѣхали. Сколько разъ ни поднимался я, столькожъ опять падалъ, и началъ тогда приготовляться къ смерти. Однако чрезъ малое время все это прошло: горы, лѣсъ небо и земля стали по прежнему смирнехоньки. Тутъ - то я очень обрадовался! осмотрѣлся, что нахожусь въ большомъ лѣсу, и сѣлъ подъ деревомъ дожидаться свѣту.

Не зналъ я куда обратиться. Тебя, мой господинъ, считалъ я за сидящаго подъ карауломъ у разбойниковъ: и для того хотѣлъ итти назадъ, и приняться въ услуги къ той пригожей барышнѣ, гдѣ такъ хорошо кормятъ. Между размышленіями моими солнце уже взошло. Вдругъ послышалъ я раздающійся по лѣсу великой шумъ и крикъ отъ многихъ голосовъ. Испугавшись того, вскочилъ я; ибо опасался прежнихъ моихъ невѣрныхъ пріятелей, чтобъ они вновь чего не сдѣлали со мною еще хуже; и для того полѣзъ на дерево. Я хотѣлъ спрятаться въ густыхъ вѣтвяхъ того большаго дерева, и въ страхѣ не примѣтилъ, что оное сверьху до кореня

въ срединѣ было дуплевато. Желая присѣсть, опустился я безъ задержанія внутрь его къ самому корню, и сталъ на ноги безъ всякаго вреда, кромѣ того, что очень испугался. Вскорѣ послышалъ я бреханье многихъ собакъ, пристающихъ къ дереву, въ которомъ изволилъ я находиться; а по томъ и слова подъѣхавшихъ охотниковъ. Все это умножало страхъ мой. Господинъ, веселившійся тою охотою, прибылъ самъ къ дереву, и удивился причинѣ, для которой собаки его къ дереву приступаютъ. Онъ приказалъ одному псарю взлѣсть на дерево, которой учиня то, осмотрѣлъ большое находящееся въ ономъ дупло. По таковому изслѣдованію заключено, что въ дуплѣ находится рысь, и по общему приговору присуждено дерево срубить. Какъ же было мнѣ не испугаться? Прорубая дерево, могли они и меня топоромъ захватить. Не чего мнѣ осталось дожидаться; я закричалъ: государи мои! не извольте трудиться, я добровольно отдаюсь вамъ въ руки! — Охотники взлѣзли на дерево, опустили въ дупло веревку, за которую я ухватясь, былъ вытащенъ. Я разсказалъ господину объ моемъ похожденіи въ бочкѣ, сколько возможно жалобнѣе, и думалъ, что онъ пуститъ меня на волю; однако онъ приказалъ мнѣ слѣдовать за собою и быть въ-

услуженіи его, такъ какъ бы онъ на войнѣ взялъ меня въ полонъ. Досадно мнѣ это было; но чтожъ осталось дѣлать? Я довольно бы имѣлъ храбрости противиться ему въ томъ; но проклятое мое сердце не соглашалось: оное какъ бы на зло мнѣ и самыя малости представляетъ всегда опасными. Однако чрезъ два дни нашелъ я случай дать отъ него тягу.

Новой мой господинъ примѣтилъ, что я за лошадьми умѣю ходить лучше слугъ его: и для того поручилъ онъ мнѣ объѣзжать лучшева коня своего. Со мною поѣхали еще два конюха. Долго мы ѣздили, и лошадь меня слушалась. Тогда вошла мнѣ въ голову мысль: для чегожь мнѣ служить этому господину? вѣдь я не давалъ ему въ томъ Ъмоего слова. Иное дѣло, когда служилъ я *Арпаду*, то сдѣлано было по согласію. Лошадь моя резвѣе, и я безъ труда уѣду отъ конюховъ. Подумавъ это, стегнулъ я коня, и вскорѣ улетѣлъ, какъ птица, изъ глазъ моихъ товарищей. Я ѣхалъ весь день, и уже надъ вечеръ прибылъ къ нѣкоторому дворянскому замку. Не сомнѣвался я, что быть худу, когда меня догонятъ: и для того просилъ сторожа воротъ этого замка, чтобъ онъ доложилъ обо мнѣ господину своему какъ о такомъ человѣкѣ, у котораго смерть на носу. — Другъ мой! отвѣчалъ слу-

слуга; господинъ мой уже съ полгода тому, какъ умеръ: слѣдственно помоги тебѣ никакой оказать не можетъ. — Ктожь владѣетъ этимъ замкомъ? спросилъ я. Наша молодая госпожа, жена умершаго, отвѣчалъ онъ. Такъ доложи ей, сказалъ я. — Госпожа, сидѣвшая подъ окномъ, услышала слова мои, и приказала меня предъ себя впустить. Я донесъ ей, какимъ образомъ сосѣдъ ея взялъ меня къ себѣ насильно въ услуженіе; почему и ушелъ я отъ онаго на лучшемъ конѣ его. Я обѣщалъ ей подарить того коня, естьли она меня приметъ въ свое защищеніе. — Никто тебѣ лучше моего въ томъ помочь не въ состояніи, отвѣчала она. Этотъ сосѣдъ мой злѣйшій мнѣ непріятель. Я беру тебя въ мое защищеніе съ тѣмъ, чтобъ лошадь твоя была моя; а ты въ числѣ моихъ слугъ. — Въ смертельномъ могдашнемъ моемъ страхѣ не было мнѣ времяни размышлять; я согласился на ея требованіе.

Послѣ того свѣдалъ я отъ другихъ служителей о причинѣ вражды того дворянина съ новою моею госпожею; оная произошла отъ слѣдующаго: по смерти мужа ея началъ онъ за нее свататься, и хотя она нѣсколько разъ ему отказывала, но онъ безпрестанно ей скучалъ и не давалъ покою; а напослѣдокъ похвалялся жениться на ней силою, естьли несклонится она добровольно.

На

На другой день пріѣхалъ къ воротамъ замка тотъ дворянинъ съ шритцатью вооруженными служителями, и шребовалъ выдачи бѣглаго своего раба съ уведенною лошадью. Боги только вѣдаютъ, каково у меня тогда было на сердцѣ! Въ замкѣ нашемъ всѣ перепугались отъ таковаго многолюдства; у насъ и со мною находилось только пять мущинъ, да столькожъ женщинъ, то какъ было обороняться? Я заклиналъ всѣхъ со слезами, чтобъ меня не выдали, обѣщая каждому человѣку дать по сту золотыхъ копѣекъ, хотя карманы мои и очень были пусты. Между тѣмъ дворянинъ оной ломился въ ворота. Молодая госпожа взбѣжала съ своими служительницами на крѣпкую башню, у которой дверь была желѣзная, и столько мѣсто оное было безопасно, что и одному можно бы защититься отъ ста непріятелей. Она взяла для охраненія своего и меня, въ той надеждѣ, что я конечно живъ въ руки ему отдаться не соглашусь. Между тѣмъ приказала она воротты замка своего отворить, но несказывать объ мѣстѣ, гдѣ она спряталась, и какъ можно скорѣе сѣвши на лошадь скакать къ отцу ея и увѣдомить о произходящемъ. Пока этотъ бѣшеной дворянинъ взъѣзжалъ на дворъ и обыскивалъ въ покояхъ: лѣстницы и всходы на башню всѣ были отломаны

храб-

храброю моею рукою. Дворянину тому не я и не лошадь его были нужны; госпожа замка больше всего стрекотала его сердце. Онъ не нашедши ее нигдѣ, бѣгалъ какъ сумасшедшій по двору, послалъ догонять людей, поскакавшихъ съ вѣдомостью къ отцу его любовницы. Одинъ изъ нихъ пойманъ былъ и приведенъ предъ него. Онъ угрожалъ ему смертью, естьли не откроетъ объ убѣжищѣ госпожи своей. Сколько сей бѣдной человѣкъ ни отговаривался, но увидѣвъ обнаженную надъ головою своею саблю, принужденъ былъ сказать истинну. Узнавъ о томъ, приказалъ онъ сыскать лѣстницы, и люди его полѣзли выламывать желѣзную дверь.

Я безъ очковъ увидѣлъ, что дѣло плохо, и не захотѣлъ больше сердить того дворянина. Я выставилъ голову мою въ окно сквозь желѣзную рѣшетку, и только лишь хотѣлъ вступить въ договоры, какъ онъ увидѣвъ меня, кричалъ мнѣ, чтобъ я отперъ двери; за что обѣщалъ дать мнѣ свободу и отпустить, куда я желаю на увеженной мною лошади. Я просилъ его, чтобъ далъ онъ мнѣ въ томъ честное свое слово; и какъ скоро обнадежилъ онъ меня, отперъ я двери, не взирая на крикъ и слезы молодой госпожи. Таковымъ образомъ доставалась она въ руки своему любовнику; а я

не

не дожидаясь свадьбы въ тотъ же часъ сѣлъ на подаренную лошадь, въ чемъ дворянинъ тотъ не только не препятствовалъ, но еще подарилъ мнѣ горсть денегъ.

Ворота замка стояли на полночь, и такъ я выѣхавъ отправился прямо въ эту сторону. Чрезъ полчаса времяни встрѣтилось со мною человѣкъ съ шестьдесятъ вооруженныхъ, ведомыхъ служителемъ молодой вдовы отъ отца ея. Я сказалъ имъ, что замокъ уже взятъ, и что госпожа ихъ попалась въ руки тому сердитому господину. Нѣтъ ничего! отвѣчали они; мы уповаемъ немедленно избавить ее отъ таковаго насильника. Послѣ чего поскакали они еще резвѣе, а я слѣдовалъ своей дорогой, и надъ вечеръ остановился въ постояломъ дворѣ отдохнуть, и виномъ прогнать остатки претерпѣннаго страха. Веселье мое скоро кончилось: два меньшихъ брата того дворянина, которой подарилъ мнѣ лошадь, сговорились сдѣлать за мною погоню, и отнять оную обще съ деньгами. Они настигли меня въ томъ постояломъ домѣ, и обошлись столь ласково, что я не подозрѣвалъ ихъ въ непріятельскомъ ихъ намѣреніи. Сказывали они мнѣ, что пріѣхавшіе на помощь люди не токмо освободили молодую госпожу, но и брата ихъ, поймавъ со всѣми служителями, содержатъ подъ карауломъ,

и

и что только двое они спаслись бѣгствомъ. Я словамъ ихъ повѣрилъ, и согласился съ ними на другой день ѣхать вмѣстѣ. Однако на дорогѣ отняли они у меня лошадь и деньги, угрозивъ заколоть меня, ежели я кричать стану. Я отдался имъ безъ сопротивленія; хотя самъ себѣ дивился, гдѣ дѣлась моя храбрость, что я отъ такихъ разбятишекъ не могъ оборонитьсѧ: и старшему изъ нихъ не было еще осмнатцати лѣтъ; а сверхъ того у нихъ не находилось и никаковаго оружія, которое обобрали приспѣвшія на помощь къ молодой вдовѣ люди. Я очень разсердился, пошелъ назадъ, и ночевалъ въ шалашѣ у пастуха. На другой день побрелъ я впередъ, самъ не вѣдая, куда иду. Пришедши въ большой лѣсъ, увидѣлъ я близъ дороги въ сторонѣ моихъ обоихъ непріятелей, просыпающихъ хмѣль, которой всадили они въ лобъ себѣ за мои денежки. Я подкрался къ нимъ очень тихо, вывязалъ отъ сѣделъ длинныя ременныя торока, и оными скрутилъ имъ руки и ноги такъ крѣпко, что имъ тронуться было не можно. Когда приступилъ я обыскивать ихъ карманы, проснулись они, но не чего имъ было дѣлать; ремни были крѣпки, и принуждены они только смотрѣть, какъ я побралъ у нихъ всѣ деньги, и сѣвши на свою лошадь, взялъ обоихъ ихъ коней и отправился въ путь мой.

На

На первомъ ночлегѣ подарилъ я одну изъ ихъ лошадей хозяину, другую продалъ ему же за пять большихъ бѣлыхъ копѣекъ; а на своей пріѣхалъ въ этотъ городъ. Не успѣлъ еще я отдохнуть, какъ услышалъ отъ мала до велика повторяемыя слова объ *Арпадѣ*, чужестранномъ господинѣ, котораго Князь изъ воды вытащилъ. Я подумалъ, что не кому то быть, кромѣ моего господина. Я размышлялъ, когда онъ родился подъ дубовымъ кустомъ, то можно ему и въ водѣ жить, и тотчасъ сѣвъ на лошадь, поѣхалъ искать. — Ну! вотъ господинъ мой! я нашелъ тебя здѣсь, и готовъ служить тебѣ по прежнему но съ уговоромъ, чтобъ въ воду намъ не ѣздить; для того что я привыкъ жить на землѣ. — *Простай* кончилъ таковымъ образомъ свое приключеніе, которымъ не мало развеселилъ собраніе. — — —

Конечно! вскричалъ *Изборъ*, желавшій кончить въ тотъ вечеръ слушаніе сказокъ; конечно повѣсть его и меня развеселила. Въ ней по крайней мѣрѣ не такой вздоръ, какъ въ началѣ твоей сказки. Тамъ только земля горитъ, да рубятъ и колютъ; а здѣсь много кой чего забавнаго. На примѣръ: дуракъ топитъ перевощика. . . . плуты сажаютъ дурака въ бочку . . . волкъ съ оною катится подъ гору . . . . безразсудной человѣкъ бы-

бываетъ причиною, что молодая вдова попалась въ объятія дворянину, коего терпѣть не можетъ —— и прочее тому подобное. *Уклонъ* примолвилъ: есть чему посмѣяться! а *Голованъ* сказалъ пословицу: судитъ всякой молодецъ на свой образецъ —— и Засѣданіе отсрочено до слѣдующаго вечера.

ВЕЧЕРЪ VII.

Продолженіе Вадимовыхъ приключеній.

Простай окончивъ свою повѣсть, просилъ *Вадима* принять его въ защищеніе отъ многихъ непріятелей, которыхъ онъ себѣ сдѣлалъ, и дарилъ ему приведеннаго имъ коня. *Вадимъ* не снабдилъ еще себя лошадью для наступающихъ богатырскихъ пошѣхъ: и для того спросилъ у слуги своего, какая шерстью приведенная имъ? —— О! милостивой государь, отвѣчалъ *Простай*, шерсть эта очень мудрена, и достойна примѣчанія; потому что у моего дѣда точно такая борода была: впрочемъ нѣтъ ей имени, она ни бѣлая, на черная. *Вадимъ* любопытствуя посмотрѣть, нашелъ въ сей лошади прекраснѣйшаго богатырскаго коня, и столь хорошо об-

обѢзженнаго, что лучшаго желать не могъ. Онъ согласился съ другомъ своимъ *Соланомъ* выѢхать вмѢстѢ, снабдилъ себя бронею; а на щиту своемъ приказалъ написать младаго агнца, за коимъ гнался левъ съ надписью: *хотя я гонимъ, но еще не догнанъ.*

Въ слѢдующее утро гласъ трубъ и бубновъ возвѢстилъ наставшее время къ подвигамъ. КромѢ множества придворныхъ Князя Полянскаго, съѢхалось на опредѢленную къ тому площадь до пятидесяти иностранныхъ богатырей. Они объявили имяна свои токмо одному начальнику; а впрочемъ имѢли право скрывать другъ отъ друга не токмо оныя, но и лица свои подъ личниками шеломовъ. Уставъ обрядовъ, при таковыхъ потѢхахъ наблюдаемыхъ, написанъ былъ на большихъ доскахъ крупными буквами; доски оныя повѢшены были на двухъ столпахъ предъ вратами площади, чтобъ всякъ читалъ и невѢденіемъ оттоваривать-ся не могъ. Во внутренности площади находилось возвышенное мѢсто, на которомъ сидѢлъ начальникъ съ прочими судіями, для замѢчанія отличающихся въ подвигахъ и достойныхъ награжденія. Какъ площадь сія избрана была предъ окнами дворца, то Государь Полянскій съ своею Супругою смотрѢли изъ своихъ покоевъ; а для прочихъ зрителей по обѢимъ сторонамъ сдѢланы нахо-

лились возвышенныя примости съ уступами, подобно какъ въ Греческихъ позорищахъ бываетъ. По данному знаку въ трубы богатыри раздѣлились на двѣ половины, и разъѣхались въ противныя стороны; а судьи сѣли на своей скамьѣ. Съ новымъ звукомъ трубъ, яко знакомъ къ началу подвиговъ, выѣхалъ съ правой стороны богатырь въ серебряныхъ латахъ съ голубыми звѣздочками, на бодромъ ворономъ конѣ, имѣя на шишакѣ своемъ синія перья. Онъ вызвалъ крайняго человѣка съ лѣвой стороны, который не мѣшкавъ выѣхалъ. Они долго разъѣзжали по площади, шурмуя своими тупоконечными копьями, и отдавъ честь Государямъ, а по томъ госпожамъ, разъѣхались; они сразились такъ жестоко, что копья ихъ разлетѣлись, преломившись на мѣлкія части. Никто изъ нихъ не получилъ преимущества надъ своимъ противникомъ, опричь того, что оба они въ сѣдлахъ своихъ немного пошатнулись. Въ честь имъ проиграли на трубахъ, и они уклоня обломки копьевъ своихъ, разъѣхались на прежнія мѣста.

По томъ выѣхалъ вызыватель уже съ лѣвой стороны въ золотыхъ латахъ и съ желтыми перьями на шишакѣ; на бронѣ его написаны были черныя розы. Противникъ его, выступившій съ правой стороны на бѣломъ конѣ, имѣлъ на себѣ латы чер-

ныя

ныя съ пылающимъ пламенемъ, и съ надписью на щитѣ: *я горю повсюду.* Онъ показывалъ благонадежный видъ, что съ перваго разъѣзду вышибетъ своего противника изъ сѣдла; однако отъ удара его чуть не до хребта лошадинаго нагнулся. Впрочемъ и онъ переломилъ копье объ грудь своего противника. Вызыватель его не оказалъ ему при съѣздѣ обыкновенной копьемъ чести, за что охотно желалъ онъ въ другой разъ съ нимъ съѣхаться; но было то противно обряду, и принужденъ онъ отложить мщеніе до другаго случая.

По уставамъ вызовъ оставался опять на правой сторонѣ: съ оной выѣхалъ дородной богатырь на темнобуромъ конѣ, въ зеленой бронѣ. На щитѣ его написанъ былъ Всадникъ съ надписью: *мнѣ вольность драгоцѣнна.* Противникъ его выѣхалъ на таковомъ же конѣ въ темной бронѣ; на щитѣ у него видима была печальная дѣвица, прощающаяся съ своимъ любовникомъ и съ надписью: *щастливъ смѣющійся среди нещастія.* Когда они сразились, противникъ его получилъ такой ударъ, что принужденъ схватиться рукою за сѣдло; но и самъ онъ отъ крѣпкаго упору оторвалъ стремено свое. Впрочемъ оба они копья свои съ желаемымъ успѣхомъ другъ другу объ грудь переломили.

По окончанiи сего слѣдовалъ на средину площади четвертой вызыватель въ уныломъ видѣ. Всякъ легко могъ примѣтить, что мысли его не сходствовали съ наружностiю. Онъ имѣлъ на себѣ броню золотую съ красными лiлiями; на щитѣ его изображенъ былъ цвѣтущiй лугъ съ гуляющею по оному дѣвицею въ легкомъ платьѣ, съ надписью: *одѣяніе не доказываетъ о внутреннемъ состоянiи.* Заключали, что уныніе его происходитъ отъ робости; въ чемъ однако весьма обманулись. Противникъ его, Исполинскаго росту, выступилъ съ великою отважностiю. Имѣлъ онъ броню вишневаго цвѣту; а на щитѣ сiяющее солнце съ надписью: *предъ всемъ отлично.* Но при съѣздѣ сей великорослый гордецъ выбитъ былъ изъ сѣдла, какъ легкое перо. Онъ лежалъ на землѣ растянувшись, можетъ быть больше отъ стыда, пока щитоносецъ его приближась не помогъ ему встать; онъ, сѣвъ на коня, удалился изъ ограды. Побѣдителю по уставамъ оставалось право къ вторичному вызову; онъ и не пропустилъ воспользоваться сею выгодою. Вызванный имъ появился въ черныхъ латахъ, имѣя на щитѣ изображеннаго ястреба, гоняющагося за малою птичкою, съ надписью: *наконецъ ты устанешь.* Успѣхъ сего новаго противника мало различествовалъ отъ прежде побѣжденнаго; онъ упалъ и съ своею

лошадью отъ удара. Оправдало онаго лишь то, что онъ могъ слагать вину на коня своего, и что онъ равномѣрно съ побѣдителемъ переломилъ копье свое. Самъ побѣдитель оказалъ ему честь низкимъ уклоненіемъ копейнаго обломка; они отъѣхали на мѣста свои.

Выступилъ за тѣмъ съ лѣвой стороны вызыватель съ открытою печаліею; потому что сверьхъ золотой его брони чрезъ плечо повязанъ былъ черной военной поясъ, и на шишакѣ его алыя перья сдернуты были черною лентою. На щитѣ его видимъ былъ молодой воинъ, стоящій на колѣнахъ предъ дѣвицею, отвращающею отъ него лице свое, съ надписью: *надежда моя, пока живъ.* онъ вызвалъ съ правой стороны Всадника, имѣющаго на себѣ черную броню, алую перевязь, и на шишакѣ черныя перья, соединенныя алою же лентою. Казалось по виду ихъ, что они были другъ другу знакомы, и желали охотнѣе сразиться на остромъ оружіи, нежели на тупоконечныхъ копьяхъ; ибо противникъ сей выѣхалъ не въ свою очередь, упредя въ томъ двухъ человѣкъ. Они напали другъ на друга съ жестокостію; но вызванной упалъ отъ удара и съ лотадью, которая переломила заднюю ногу, да и самъ Всадникъ вывихнулъ руку, и ранилъ себя на обломокъ копья своего про-

тивника. Онъ снесенъ былъ на рукахъ щитоносцами ; равно и лошадь его стащена прочь. Посѣдитель въ золотой бронѣ остался доволенъ, и не вызвавъ по своему праву другаго, отъѣхалъ на свое мѣсто.

Послѣ сего сражались многіе иностранные богатыри, о коихъ по виду ихъ шишаковъ, имѣющихъ подобіе головъ разныхъ лютыхъ звѣрей, заключали, что были по разныхъ королевствъ нѣмецкіе рыцари. Успѣхи ихъ были не совсѣмъ отличные; однако заслужили они похвалу за свое искусство и храбрость.

Между тѣмъ очередь дошла быть вызывателю опять съ лѣвой стороны. Выѣхалъ оттуда широкоплечистый богатырь съ высокомѣрнымъ видомъ. Онъ не вызывая никого разъѣзжалъ на пѣгомъ жеребцѣ своемъ такъ долго, что судьи принуждены были напомнить ему объ немъ. Онъ скрылъ свою о томъ досаду, и вызвалъ противу себя противника изъ правой стороны въ синей бронѣ. Вызванный не допущенъ былъ имъ къ обыкновенному проѣзду, шурмованію и оказанію почестей высокимъ особамъ и госпожамъ; чемъ нарушенъ былъ обрядъ. Обиженный намѣрился отмстить ему за то, но щастіе не соотвѣтствовало его сердцу ; онъ выбитъ былъ изъ сѣдла, и принужденъ со стыдомъ уда-

удалиться. Возгордившійся тѣмъ побѣдитель не пропустилъ воспользоваться своимъ щастіемъ, и вызвалъ другаго.

Вызовъ сей палъ на *Вадима*, которой обрадовался случаю, что можетъ копье свое преломить объ грудь такова богатыря, которой оказалъ уже свою силу и искусство. Чубарый приведенный *Простаемъ* конь, совершенно соотвѣтствовалъ желаніямъ своего Всадника, который съ своей стороны доказалъ, что онъ былъ искуснѣйшій Ѣздокъ. *Вадимъ*, разъѣзжая вкругъ, разновиднымъ шурмованіемъ копья своего отличился предъ прочими, и пріобрѣлъ еще не сражаясь рукоплесканіе отъ зрителей. Между тѣмъ и вызыватель старался не уступить ему; но истощя все знаніе, принужденъ остановиться, когда еще *Вадимъ* и половины ухватокъ своихъ не сдѣлалъ. Онъ досадовалъ на себя и на противника своего, однако гиѣвъ его прекращенъ былъ при съѣздѣ. Отъ перваго удару вылетѣлъ онъ; какъ бы легкое перо, изъ сѣдла своего, уронивъ копье изъ рукъ и вырвавши горсть волосовъ изъ гривы лошадиной, за кою ухватился было для удержанія. Паденіе его было столь жестоко, что онъ лишился чувствъ, и былъ поднятъ служителемъ своимъ. Онъ хотѣлъ опамятовавшись сѣсть опять на коня своего, но скотина, какъ бы сердясь за утрату пер-

вой славы, начала брыкать, и сбила его долой. Нещастной богатырь, повредивъ ногу, отнесенъ былъ съ площади. *Простай*, одѣтый щитоносцемъ, стоялъ на ряду съ своею братьею до тѣхъ поръ, какъ служители не побѣжали на помощь къ упадшему богатырю; онъ заключилъ, что бѣгутъ они напасть на его господина, и обнажа саблю свою, прискакалъ къ *Вадиму*. Не бойся ничего, вскричалъ онъ, пока *я* съ тобою! Досадно было *Вадиму*, что щитоносецъ его оказалъ всенародно простоту свою; онъ далъ ему знакъ копьемъ своимъ, чтобъ онъ прочь отъѣхалъ; ибо не хотѣлъ говорить, чтобъ его не узнали. Хитрой *Простай* счелъ, что господинъ отдаетъ ему копье свое для вызванія кого нибудь на поединокъ; онъ видѣлъ уже, каковой можно притомъ подвергнуться опасности. Нѣтъ, баринъ! закричалъ онъ; мнѣ не льзя здѣсь мѣшаться въ таковую опасную драку, которую вы потѣхою называете, и къ коей я ни малой охоты не имѣю. *Вадимъ*, чтобъ избавиться скорѣе отъ дурачествъ слуги своего, подъѣхавъ шепнулъ ему на ухо: убирайся скорѣе отсюда; за тѣмъ что на этомъ мѣстѣ тотчасъ вызовутъ тебя на поединокъ, и ты принужденъ будешь драться и не хотя. Услышавъ сіе *Простай*, поскакалъ въ великой робости на свое мѣсто, и далъ господину сво-

своему свободу вызвать новаго ратоборца. Сей выѣхалъ къ нему въ бѣлой на подобіе чешуи сдѣланной бронѣ, съ краснымъ военнымъ поясомъ, имѣя на щитѣ изображенное сраженіе младенца со львомъ, безъ надписи. Участь сего новаго противника не лучше была предшедшаго; онъ слетѣлъ съ коня вмѣстѣ съ сѣдломъ, у коего оборвались отъ удару подпруги: но *Вадимъ* неподвижно сидѣлъ на конѣ своемъ. *Вадимъ*, не гордящійся и сею побѣдою, извинялъ побѣжденнаго, и относилъ паденіе его къ оплошности оруженосца. Побѣжденный отъѣхалъ доволенъ умѣренностію своего непріятеля; а *Вадимъ*, сражаясь послѣ того еще съ десятью другими, всѣхъ повыбилъ изъ сѣделъ. Онъ не хотѣлъ больше пріобрѣтать славы, и оставя мѣсто для другихъ, отъѣхалъ въ свою сторону.

Продолжалось послѣ того сраженіе между многими безъ важной отличности; первое награжденіе оставалось на сторонѣ *Вадимовой*, и всякъ съ нетерпѣливостію желалъ узнать объ его имяни. Въ послѣднюю же очередь выѣзжалъ воинъ на бѣломъ конѣ въ золотыхъ латахъ, съ бѣлыми Африканскихъ птицъ перьями въ шишакѣ, и съ изображеніемъ по всей бронѣ синихъ текущихъ рѣкъ. Онъ пріобрѣлъ славу въ сраженіи и шурмованіи; хотя не уступилъ ему въ томъ и противникъ его, но по вторичномъ

номъ съѣздѣ выбитъ былъ имъ изъ сѣдла. Сей побѣдитель опровергъ на замлю и еще двоихъ, съ нимъ сражавшихся. Настающій вечеръ остановилъ его побѣды. Присланный отъ Государя чиноначальникъ выѣхалъ на средину площади въ предшествіи двухъ трубачей; онъ громогласно объявилъ тремъ витязямъ: первому на чубаромъ конѣ, да бывшему въ золотыхъ латахъ съ черным военнымъ поясомъ, и послѣ сражавшемуся на бѣломъ конѣ, что по волѣ Его Величества подвиги имѣютъ продолжиться на утренній день; что они, какъ побѣдители нынѣшняго дня, имѣютъ право завтра одни стать на правой сторонѣ, между тѣмъ какъ прочіе рыцари всѣ займутъ лѣвую сторону; и что остается имъ на волю, вызывать ли другихъ, или между собою сразясь, пріобрѣсти честь перваго побѣдителя. — Военная музыка возгремѣла, по томъ данъ знакъ къ разъѣзду, и рыцари мало помалу удалились.

Князь Полянскій, желавшій узнать объ именахъ побѣдителей, приказалъ своимъ оруженосцамъ ѣхать въ слѣдъ за ними и узнать, кто оные таковы. Онъ съ радостію узналъ отъ посланныхъ, что первой на чубаромъ конѣ былъ чужестранецъ, избавившійся отъ потопленія; второй на бѣломъ конѣ былъ его полковой Воевода *Соланъ*; а третій не знакомый чужестранецъ, остановившійся въ

наем-

наемномъ домѣ. *Вадимъ* съ *Соланомъ* съ своей стороны не меньше желали узнать объ имяни своего товарища, но провѣдыванія ихъ остались безъ успѣху. Наутро снарядясь въ доспѣхи, выѣхали они вмѣстѣ, и заняли свою правую сторону. Всѣ рыцари находились уже стоящіе на лѣвой сторонѣ, одного недоставало только третьяго ихъ товарища; оный вскорѣ прибылъ. *Простай*, увидѣвъ господина своего только втроемъ на сторонѣ стоящаго, пришелъ въ великой страхъ; *Вадимъ* спрашивалъ у него о причинѣ того. Вотъ какой вопросъ! чего боишься? отвѣчалъ *Простай*. Когда васъ хотятъ за вину казнить, то я въ томъ не участникъ, и прошу меня уволить. О какой казни ты думаешь? спросили у него. Развѣ вы не видите, сказалъ онъ, какая гурьба богатырей на васъ троихъ напасть готова? они вамъ тотчасъ дадутъ карачунъ. *Вадимъ* разсмѣявшись, принужденъ былъ увѣрять слугу своего, что всѣ рыцари ему пріятели, и что опасаться отъ нихъ не чего. *Простай* сказалъ видъ, что онъ успокоился; но послѣ признавался, что онъ готовъ былъ скакать не оглядкою, когда бы подозрѣніе его исполнилось въ дѣйствіи.

Уже ожидали знака къ началію сѣзду, и *Вадимъ* съ незнакомымъ богатыремъ уступили честь перваго вызова *Солану*:

какъ

какъ вдругъ народъ началъ раздаваться на обѣ стороны, и вскорѣ оказался незнакомый богатырь въ заржавѣлыхъ латахъ безъ щипоносца. Шишакъ на головѣ его также былъ ржавой, перья въ ономъ обломаны; а на щитѣ хотя и видимо нѣкое изображеніе, но большею частію такъ стертое, что разобрать ничего было не можно. На плечѣ своемъ везъ онъ два копья; а чрезъ плечо имѣлъ вмѣсто ратнаго пояса повязанную веревку. По сей веревкѣ заключали, что былъ онъ невольникъ; но удивлялись тому, откуда онъ зашелъ: для того что во всѣхъ странахъ Славянскихъ оныхъ не бывало. Онъ ѣхалъ очень тихо на своемъ пѣнющмся отъ горячности конѣ, и приближась къ судьямъ, говорилъ громко: состояніе природы моей позволяетъ мнѣ въѣздъ въ сію ограду; но я не могу для нѣкоторыхъ причинъ объявить объ моемъ имяни, и прошу, чтобъ до окончанія подвиговъ осталось оное не извѣстно. Между тѣмъ уповаю я, что Его Величество позволитъ мнѣ быть участникомъ въ сихъ богатырскихъ потѣхахъ. —— Судьи выслушавъ то, послали доложить о томъ Государю, и ржавый кавалеръ былъ предъ онаго позванъ. Приближась предъ перилы, на коихъ находился Монархъ Полянскій, сшелъ онъ съ коня, и опустя личникъ своего шелома, учинилъ троекратное поклоненіе, и говорилъ слѣ-

слѣдующее:„ По сей веревкѣ, Ваше Величество, изволите видѣть, что гонящая меня судьбина учинила невольникомъ. Плѣнители предоставили на честное мое слово заплату выкупа, цѣна коего такъ велика, что я оную въ скоромъ времяни заплатить не въ состоянiи. Между тѣмъ сердце мое сгараетъ отъ нетерпѣнiя участвовать въ сихъ подвигахъ; природа моя предоставляетъ сiе право, но отъ воли Вашего Величества зависитъ дозволить милость сiю невольнику.„ — Князь убѣжденъ былъ красотою и величественнымъ видомъ сего младаго нещастливца столько, что повелѣвъ ему взойтить на верьхъ помоста, своими руками снялъ съ него веревку, объявилъ вольнымъ, обѣщалъ заплатить за него выкупъ, и, возложа военной поясъ, позволилъ вступить въ сраженiе на ряду съ прочими. Онъ сверьхъ сихъ выгодъ получилъ волю стать на той сторонѣ, которая ему полюбится. Онъ, сѣвъ на коня своего, поѣхалъ на правую сторону, гдѣ стоялъ *Вадимъ* съ своими товарищами.

Солань по согласiю другихъ выступилъ первый для вызова. Противникъ его былъ новопрiѣзжiй и не бывшiй во вчерашнихъ подвигахъ рыцарь, въ стальной вылощенной бронѣ. На щитѣ его изображена была рука, держащая вѣнецъ съ надписью: *побѣдителю*. Они напустили другъ на друга съ жесто-

стокостію; копья ихъ отъ удару разлетѣлись въ части; но съ тою разностію, что *Соланъ* только пошатнулся, а противникъ его былъ выбитъ изъ сѣдла, и оправясь отъѣхалъ на свое мѣсто. Другой витязь, вызванный *Соланомъ*, выѣхалъ на буромъ конѣ, въ зеленой бронѣ и вишневомъ ратномъ поясѣ. Сей вторый противникъ имѣлъ лучшее щастіе, и оказалъ, что онъ можетъ равняться съ побѣдителемъ; они оба удачно переломили копья свои, и отдавъ обыкновенную честь, разъѣхались. *Соланъ* уступилъ мѣсто свое незнакомому богатырю въ золотыхъ латахъ, съ чернымъ военнымъ поясомъ; *Вадимъ* понудилъ его выступить прежде себя, хотя онъ и уступалъ ему честь сію. Онъ вызвалъ противу себя рыцаря въ чешуйчатой бронѣ съ синимъ поясомъ, изображеннымъ на щитѣ мѣсяцомъ, заимствующимъ свѣтъ отъ солнца, съ надписью: *твою помощію блистаю*. Вызыватель сразясь, выбилъ его изъ сѣдла какъ легкую птицу, и переломилъ копье свое. Побѣжденный отъѣхалъ, а побѣдитель, перемѣнивъ копье, вызвалъ другаго. Выступилъ противу его отважный рыцарь и въ испещренной бронѣ. На щитѣ его изображена была мертвая голова, съ надписью: *предѣлъ общій*. Символа сія была какъ бы предчуаствованіе послѣдовавшей нещастной кончины сего ры-

рыцаря. Въ сраженіи копье противника его улучило пониже кирасы съ такимъ жестокимъ ударомъ, что пронзило его навылетъ, и повергло мертваго на землю. Всѣ зрители пришли въ замѣшательство; судьи подумали, что побѣдитель съ умыслу произвелъ таковое убійство остроконечнымъ копьемъ; но по осмотрѣ нашли приключеніе сіе нечаяннымъ, и объявили побѣдителя свободнымъ отъ всякаго отвѣта. Онъ, огорчась неумышленнымъ убійствомъ, оставилъ право свое въ вызовѣ третьяго противника, отъѣхалъ, и уступилъ мѣсто свое храброму *Вадиму*.

Славянскій Князь не пропустилъ и въ сей день отличить себя шурмованіемъ, коимъ вчерась пріобрѣлъ себѣ похвалу. Противу его выѣхалъ витязь въ позолоченной, испещренной синими *лиліями* бронѣ, имѣя на себѣ военной поясъ, унизанный корольками; а на щитѣ изображенную *лилію* посреди прочихъ цвѣтовъ, съ надписью: *какъ лилія между цвѣтовъ*. Сей витязь былъ новопріѣзжій; по тому что на вчерашнихъ подвигахъ не *являлся*. Въ сраженіи копья свои переломили они съ желаемымъ успѣхомъ, кромѣ того, что отъ сильнаго *Вадимова* удару конь подъ вызваннымъ упалъ и переломилъ ногу. Витязь принужденъ былъ сѣсть на другаго коня и отъѣхать на свое мѣсто.

Вто-

Второй на мѣсто его вызванный былъ въ синихъ латахъ, но не заслуживаетъ дальнѣйшаго описанія; потому что при первомъ съѣздѣ выбитъ былъ изъ сѣдла. *Вадимъ*, переломя вторично копье свое, перемѣнилъ оное и вызвалъ третьяго. Сей имѣлъ на себѣ броню темную, и всенной поясъ съ золотыми кистьями. На щитѣ его изображенъ былъ нищій, показывающій изъ рубищъ своихъ книгу съ надписью: *злато видимо въ грязи*. Онъ имѣлъ крѣпкую надежду уменьшить славы своего вызывателя; но при съѣздѣ лишился своего копья, которое *Вадимъ* выбилъ изъ рукъ его, и въ слѣдъ за онымъ самаго его изъ сѣдла вонъ. Побѣдитель отличился равно и въ сей день предъ всѣми; онъ не хотѣлъ терять случая къ пріумноженію заслугъ своихъ, и опредѣлилъ вызвать четвертаго. однако онъ не поѣхалъ на свою сторону, а произвелъ вызовъ, ставъ къ лѣвой сторонѣ, и обратя оный на освобожденнаго изъ неволи богатыря. Онъ не сомнѣвался объ особливой его храбрости: и потому желалъ случая оказать искусство надъ равнымъ себѣ. Ржавый богатырь, какъ наименовали его по цвѣту брони, обрадовался сему вызову, и выѣхавъ, оказалъ въ шурмованіи, что онъ столькожъ искусный витязь, какъ и всадникъ. Разъѣхавшись сразились они съ таковою жестокостію, что ко-

пья

пья ихъ въ мѣлкія части раздробились, и сами они отъ ударовъ пошатнулись; но побѣда, не преклонясь ни на чью сторону, оказала двухъ равныхъ витязей. *Вадимъ* намѣрился было оставить мѣсто ржавому богатырю для произведенія опытовъ надъ другими, и удовольствовавшись своими побѣдами, хотѣлъ отъѣхать; но провозглашатель объявилъ имъ отъ имяни Государя дозволеніе къ вторичному съѣзду. Витязи, перемѣнивъ копья свои, разъѣхались вторично, и сразились съ равномѣрною силою; копья ихъ разлетѣлись въ щепы, но оба усидѣли неподвижно, кромѣ того, что подъ ржавымъ богатыремъ конь нѣсколько присѣлъ на заднія ноги. *Вадимъ*, соверша таковой удивленія достойный опытъ силы и искусства, отъѣхалъ при рукоплесканіяхъ на свое мѣсто; а ржавый богатырь вызвалъ новаго себѣ противника. Выѣхавшій противу его шествовалъ съ пренебреженіемъ къ своему вызывателю; но при съѣздѣ доказалъ, что онаго лишь самъ былъ достоинъ: потому что отъ легкаго удару перекувырнулся черезъ голову, такъ что и лошадь подъ нимъ не тронулась. Ржавый богатырь, досадуя, что сражался съ таковымъ слабымъ Всадникомъ, вызвалъ другаго. Выѣхалъ противу его дородной богатырь въ блестящей стальной бронѣ, съ черными перьями на шеломѣ;

поясъ его вынизанъ былъ жемчугомъ, а на щитѣ изображенъ былъ быкъ, ударяющій рогами въ дубовое дерево, съ надписью: *хотя силы недостанетъ, но желаніе есть.* Ржавый богатырь употребилъ все возможное искусство, но выбить изъ сѣдла противника своего не могъ; оба они съ равномѣрнымъ успѣхомъ переломили свои копья, и усидѣли на коняхъ неподвижно.

Послѣднимъ онымъ съѣздомъ богатырскія потѣхи кончились. На мѣсто сраженія выѣхало двѣнатцать человѣкъ играющихъ трубачей. За оными слѣдовала торжественная колесница; оная приближилась къ тому мѣсту, гдѣ засѣдали судьи. Начальствующій изъ оныхъ повелѣлъ чрезъ бирюча (*) объявить всенародно о удостоенныхъ награжденія чрезъ отличные подвиги. Изъ торжественной колесницы вышли четыре великолѣпно одѣянныя изъ ближнихъ дѣвицъ Государыни Полянской. Первая изъ оныхъ, подступивъ къ *Вадиму*, подала ему въ подарокъ отъ имяни Государей своихъ великой цѣны конской уборъ, сдѣланной изъ золота съ драгоцѣнными камнями; и въ самое то время верьховный конюшій подвелъ ему бѣлаго

(*) Бирючь значитъ провозглашателя, которой на площади, или ѣздивъ по улицамъ, громогласно объявляетъ повелѣнія во всенародное извѣстіе.

го красиваго коня, покрытаго аксамитною и жемчугомъ вынизанною попоною. По принесеніи обыкновенной, благодарности, *Вадимъ* отдалъ онаго своему оруженосцу. Второй подарокъ получилъ ржавой богатырь; оный состоялъ изъ златаго вѣнца, съ серебрянымъ кованымъ щитомъ. Третье награжденіе, состоявшее въ литомъ серебряномъ шеломѣ, въ коемъ перья Африканскихъ птицъ вотканы были въ изумрудное влагалищѣ, получилъ *Соланъ*. Четвертое воздаяніе за отличность досталось рыцарю, бывшему въ золотыхъ латахъ съ чернымъ военнымъ поясомъ, и состояло въ золотыхъ осажденныхъ самоцвѣтными камнями острогахъ, и копье. Послѣ того всѣ какъ побѣдители, такъ и бывшіе на подвигѣ рыцари и богатыри приглашены были отъ оныхъ дѣвицъ на ужинъ къ Княжескому столу.

Какъ по обыкновенной учтивости во время раздаянія подарковъ богатыри должны были опустить личники своихъ шеломовъ: *Вадимъ* съ удивленіемъ взиралъ на прекрасныя лица ржаваго богатыря, и бывшаго въ золотыхъ латахъ съ чернымъ поясомъ. Перваго черты являли ему нѣкое сходство съ знакомымъ ему лицемъ; а втораго имѣли привлекательное дѣйствіе на его чувства. Ни мѣсто, ни время не позволяло ему освѣдомиться объ нихъ, кто они таковы. Всѣ

между тѣмъ удалились; и *Вадимъ*, возвратясь къ *Солану*, пріуготовлялся съ нимъ появиться во Дворецъ въ торжественномъ одѣяніи.

Я еще не слыхивалъ о богатырскихъ потѣхахъ, сказалъ *Изборъ*; мнѣ оне нравятся, и я со временемъ думаю учредить оныя въ моей столицѣ. — Да, Ваше Величество, примолвилъ пришедшій тогда нечаянно *Славомиръ*: упражненіе сіе для Монарха весьма приличнѣе псовой охоты. Подвиги сіи изобрѣтены не для единой забавы: предки ваши всегда въ мирное время учреждали оныя для навычки и побужденія юношества въ трудахъ и подвигахъ ратныхъ. Отличіе на оныхъ и слава, пріобрѣсть предъ прочими награжденіе, возбуждаютъ благородное соревнованіе. Юношество привыкаетъ необходимо въ воинскихъ упражненіяхъ, чтобъ быть способнымъ участвовать въ таковыхъ потѣхахъ, и тщиться пріобрѣсти надъ прочими верьхъ; а изъ сего выходятъ искусные витязи. Начертаніе таковыхъ уставовъ есть еще у меня въ старинныхъ бумагахъ; потому что дѣдъ мой бывалъ нѣкогда при вашихъ предкахъ учредителемъ таковыхъ потѣхъ; родитель же вашъ не имѣлъ времяни для оныхъ за безпрестанными войнами и попеченіями о приведеніи въ порядокъ разстроеннаго государства. — *Славомиру* очень хо-

хотѣлось отвлечь хотя сею воинскою забавою юнаго своего Государя отъ бесѣды съ его любимцами; но *Изборъ* не имѣлъ времяни далѣе его слушать: онъ пошелъ во внутреннiе чертоги для препровожденiя вечера въ шахматной игрѣ, коею отмѣнно жаловалъ, и *Голованъ* молчалъ до слѣдующаго вечера.

ВЕЧЕРЪ VIII.

Собранiе въ сей день во Дворцѣ было торжественнѣйшее: всѣ рыцари старались отличиться щегольствомъ, не менше какъ и въ храбрости; а особливо Горяне и Поляне, коимъ весь свѣтъ въ случаѣ семъ уступить былъ долженъ. *Вадимъ*, бывъ занимаемъ во весь вечеръ разговорами какъ отъ Государей, такъ и отъ прочихъ знаменитыхъ Вельможъ, не могъ войти въ откровенные вопросы съ ржавымъ богатыремъ; хотя по сходству его къ возлюбленной своей *Брянославѣ* считалъ, что онъ самой тотъ, съ коимъ заключилъ онъ дружбу во время морскаго сраженiя. Равномѣрно не удалось ему переговорить и съ тѣмъ рыцаремъ, которой былъ въ златой броне, и къ которому почувствовалъ онъ отмѣнную склон-

ность

ность. Пиршество кончилось, и *Вадимъ* отъ
Ѣхалъ въ домъ къ *Солану*, заключя поутру
посѣтить обоихъ сихъ витязей. Онъ пре-
проводилъ самую безпокойную ночь, беспре-
станно помышляя объ оныхъ двухъ витя-
зяхъ, и желая, чтобъ они почувствовали вза-
имную къ нему склонность. День засталъ
его въ таковыхъ размышленіяхъ; между
тѣмъ рыцарь въ золотой бронѣ, горя по-
добнымъ ему нетерпѣніемъ, пришелъ посѣ-
тить его. Онъ спрашивалъ у *Простая*,
всталъ ли господинъ его. *Простай* отво-
рилъ двери въ его спальню и всунувъ голову,
кричалъ: Господинъ! спишь ли ты? *Вадимъ*
въ замышленіи своемъ отвѣчалъ ему, что
и самъ не знаетъ. Таковой отвѣтъ прину-
дилъ пришедшаго рыцаря разсмѣяться, и
чрезъ то усерднаго *Простая* разгнѣвать. Че-
му ты смѣешься? спросилъ онъ у него гру-
бо. Отвѣту твоего господина, отвѣчалъ
сей. Почемужь оной показался тебѣ смѣ-
шонъ? подхватилъ *Простай*; вѣдь ты не
вѣдаешь, что онъ во снѣ видѣлъ? Ты его и
меня ставишь за дураковъ; однако я ему
скажу, то тебѣ отъ него достанется! раз-
вѣ ты не знаешь, что мой Господинъ сер-
дитъ и силенъ? — *Вадимъ*, вслушавшись въ
слова слуги своего, узналъ, что кто нибудь
посѣтилъ его, и встрѣченъ грубо отъ безраз-
суднаго *Простая*. Онъ вскочилъ, надѣлъ

плащь

плащь свой и вышедъ, увидѣлъ любезнаго своего рыцаря. Онъ извиняясь предъ нимъ въ грубости слуги своего, ввелъ въ свою спальню, и по первыхъ привѣтствіяхъ объявилъ ему о возчувствованной къ нему склонности, и о нетерпѣливомъ желаніи узнать его настоящее имя. Онъ увѣрялъ его притомъ, что можетъ онъ положиться на дружеское къ нему сердце, хотя бы какія нибудь обстоятельства и принуждали его скрывать подлинную его природу. — Ахъ, государь мой! отвѣчалъ рыцарь; я не имѣю ни малаго препятствія исполнить вашу волю. Естьли бы я и хотѣлъ что нибудь скрывать, отнеслось бы оное до тайнаго изображенія, на щитѣ моемъ бывшаго; но какъ равная склонность влечетъ меня къ вамъ, извольте вѣдать, что я произхожу отъ знатнаго рода въ королевствѣ Бастарискомъ, и называюсь *Бурновей* — *Бурновей*! подхватилъ *Вадимъ*; ахъ! неожидаемая встрѣча, я давно уже безуспѣшно провѣдывалъ объ васъ въ сей странѣ; но прошу продолжать вашу повѣсть. — Щастіе мое, говорилъ *Бурновей*, прославило меня въ послѣднюю войну съ Римлянами, и я имѣлъ право ожидать знатнаго чина при Дворѣ моего Государя; но любовь опровергла мои надежды и изгнала меня изъ отечества. Отъѣхавъ въ мои деревни, случай привелъ меня въ

домъ моего сосѣда; я увидѣлъ дочь его *Озану*, и возчувствовалъ жестокую къ ней страсть. Любовь моя, основанная на чистѣйшихъ намѣреніяхъ, непротивна была моей дражайшей, а природа и имѣніе мое позволяли мнѣ льститься, что я безпрепятственно получу ее въ супружество. Однако надежда моя меня обманула: я не зналъ, что родитель мой въ жизни своей учинилъ нѣкоторыя озлобленія отцу моей ввзлюбленной, за которыя онъ возненавидѣлъ весь родъ нашъ, и отказалъ мнѣ въ моемъ предложеніи. Тщетно старался я доказывать ему о моей невинности и почтительной къ нему привязанности; онъ былъ неумолимъ, и съ того времяни *Озана*, какъ видимо, въ угодность ему стала убѣгать меня. Благопристойность принудила меня оставить домъ; но я ожидалъ, что любезная моя позволитъ мнѣ хотя переписку съ собою, или надежду считать ея сердце моимъ, и дожидаться овладѣть онымъ по смерти ея родителя: но она оставила меня въ неизвѣстности. Сіе удалило меня изъ отечества; я уповалъ въ странствіяхъ позабыть ея суровость, и оставя отечество со всѣми моими въ ономъ надеждами, удалился. Долго жилъ я здѣсь при Дворѣ покойнаго Князя, и пріобрѣлъ услугами моими его милость. Между тѣмъ узналъ я о кончинѣ отца *Озанина*, и что

братъ

братъ ея *Квидо* вознамѣрился отдать ее за нѣкотораго Славянскаго Вельможу, въ нее влюбившагося. Таковая вѣдомость повергла меня въ отчаяніе; ибо страсть моя отъ времяни не уменьшилась. Я оставилъ Полянію, и для разогнанія грусти моей странствовалъ въ Варягіи, и по дворамъ разныхъ Славянскихъ Государей. Слухъ о учрежденныхъ здѣсь богатырскихъ потѣхахъ призвалъ меня обратно въ сію столицу, и я возвратился съ прежнею горестію и ежечасно возрастающею любовію къ несравненной *Озанѣ*. Чтожь случилось съ того времяни съ нею, не имѣю я ни малаго извѣстія. —— Вы получите отъ меня радостнѣйшее, подхватилъ *Вадимъ*; любезная ваша по сихъ поръ въ дѣвицахъ, и желаетъ сохранить къ вамъ вѣрность. Послѣ того разсказалъ онъ ему приключеніе свое въ ея домѣ, и слова, которыя она приказала ему объявить; и что по сей причинѣ прилагалъ онъ стараніе сыскать его въ странѣ Полянской.

Бурновей столько обрадованъ былъ словами Славянскаго Князя, что совсѣмъ вышелъ изъ себя; онъ наговорилъ множество безпорядочныхъ словъ, стократно обнималъ его, и называлъ своимъ другомъ. Восхищеніе его и дальнѣйшія объясненія удержаны были приходомъ ржаваго богатыря. *Вадимъ* при первомъ взглядѣ на него увидѣлъ на

рукѣ его свой перстень; онъ бросился къ нему съ объятіями, и съ восхищеніемъ говориль: И такъ чувства мои не обманули меня! это вы, любезной другъ мой, позволившій мнѣ помнить себя подъ названіемъ *Готфа*? Пришедшій устремилъ взоры, и разсматривая, нѣсколько позналь *Вадима*; онъ взаимно заключивъ его въ свои объятія, сказалъ: такъ подлинно, любезной другъ! точно я ношу на рукѣ моей залогъ вашего дружества и памятникъ вашей безпримѣрной храбрости. Но какимъ чуднымъ образомъ, пришедши видѣть *Арпада* Князя Дакскаго, нахожу я въ немъ *Вадима*? — Это не собственное мое имя, отвѣчалъ *Вадимъ*; я, скрывая мое настоящее, принялъ оное въ странствованіяхъ по свѣту на память любезнѣйшей мнѣ особы. — Не имѣете ли вы причины скрывать имя сей возлюбленной вамъ особы, когда бы я пожелалъ узнать о томъ? сказалъ *Готфъ*. Я не скрылъ отъ васъ и моего собственнаго (отвѣчалъ *Вадимъ*), которое по многимъ основаніямъ долженъ былъ таить отъ всего свѣта. Любезная особа сія есть самой *Арпадъ*, сынъ *Декевалова*, братъ возлюбленной моей супруги, нещастной *Брячиславы*. — Вы супругъ ея? и по чему она нещастлива? подхватилъ *Готфъ* съ жаромъ. — Предъ другомъ моимъ, отвѣчалъ *Вадимъ*, и въ присут-

сутствіи возлюбленнаго *Бурновея*, на кото-
раго честь я полагаюсь, открою вамъ всѣ
мои приключенія. Послѣ сего повѣствовалъ
онъ, по какой причинѣ оставилъ свое отче-
чество и прибѣгъ ко Двору *Декевалову*;
какъ тамъ принятъ былъ; какъ вступилъ
въ бракъ съ *Брячиславою*, и по какой при-
чинѣ торжество онаго остановилось; и какъ
послѣ побѣды надъ Римлянами, не нашедъ
ее въ Брасовѣ, отправился искать ее по свѣ-
ту, нашелъ въ Геркуланѣ, и утратилъ во
время страшнаго возгорѣнія горы Везувіи.
Онъ повѣствовалъ сіе съ чувствованіемъ
возобновляющейся печали; *Готфъ* внималъ
оное съ состраданіемъ, слезы текли по ли-
цу его, и *Вадимъ* относилъ оныя къ про-
стому дружескому участвованію въ его за-
ключеніяхъ. Но въ какое радостное изумле-
ніе приведенъ онъ былъ, когда *Готфъ*, воз-
обновя сближанія открылся ему, что онъ есть
самый *Арпадъ*, братъ его возлюбленной. По-
слѣ первыхъ привѣтствій, разныхъ вопро-
совъ, дружескихъ увѣреній, и оплаканія не-
щастной участи *Брячиславиной*, просилъ *Ва-
димъ* Княжича Дакскаго разсказать ему свои
приключенія. *Арпадъ* согласился на оное, и
повѣствовалъ слѣдующее:

Приключеніе Арпада, сына Декевалова.

Причина отлучки моей изъ отечества мало извѣстна и самому моему родителю; онъ считалъ, что непреодолимая охота къ странствованію понудила меня къ тому, но въ самомъ дѣлѣ была то любовь, начавшаяся страннымъ образомъ. При Дворѣ нашемъ находился въ услуженіи Варягъ, именемъ *Сиволъ*. Прилѣпленіе его ко мнѣ учинило его моимъ наперстникомъ; я не могъ быть ни часа безъ него, и онъ участвовалъ во всѣхъ моихъ упражненіяхъ.

Варягъ сей почасту увеселялъ меня разсказываніемъ своихъ приключеній; ибо онъ провелъ большую часть жизни своей въ странствованіяхъ, и бывалъ при всѣхъ Дворахъ не токмо Славянскихъ Государей, но и во всѣхъ къ Полудню и Востоку лежащихъ областей. Онъ описывалъ мнѣ красоту *Предславы*, дочери Булгарскаго Короля *Батбая* въ таковыхъ живѣйшихъ начертаніяхъ, что я почувствовалъ сначала склонность почасту объ ней разговаривать, привыкъ по томъ объ ней помышлять, и нечувствительно влюбился въ нее заочно. Страсть, толь странно начавшаяся, была однако жестока, и принудила меня ѣхать въ Булгарію. Я скрылъ намѣреніе мое подъ видомъ склонности къ путешествi-

шествіямъ, и по нѣкоторымъ затрудненіямъ получилъ позволеніе отъ моего родителя. Я желалъ ѣхать съ однимъ только *Сиволомъ*, но отецъ мой не позволялъ сего, и отправилъ со мною пристойное число бояръ и тѣлохранителей, на вѣрность коихъ могъ онъ полагаться. Однако я по молодости моей не хотѣлъ имѣть съ собою свидѣтелей моихъ поступковъ, и подъ благопристойнымъ видомъ возвратилъ ихъ съ грамотою къ моему родителю; а самъ только съ *Сиволомъ* слѣдуя чрезъ области *Гардорика* Государя Славянорусскаго, и чрезъ страну Мерей, переправился наконецъ чрезъ великую рѣку Ателъ (*), и безъ всякихъ противныхъ приключеній вступилъ въ столичный Булгарскій городъ Бряхимовъ.

Въ то время находился при Дворѣ *Батбаевомъ* Князь *Раславъ* изъ страны Квадовъ (**). Оный состоялъ въ великомъ почтеніи у Государя Булгарскаго въ разсужденіи союза съ родителемъ его, и потому что *Раславъ* искалъ благосклонности въ *Предславѣ*, его дочери. *Батбай* съ удовольствіемъ взиралъ на любовь сію; онъ имѣлъ намѣренія распространить державу свою чрезъ союзъ сей: владѣніе его простиралось по рѣкѣ Ателу до моря Хвалынскаго,

---

(*) Древнее названіе рѣки Волги.

(**) Квады былъ народъ древнихъ Нѣмцовъ, извѣстный подъ названіемъ Свевовъ. Обиталъ онъ въ нынѣшней Моравіи.

скаго, а отъ великаго города Астара (*) до Унигарда (**) по берегу моря Меотискаго за Дунай. Предки *Батбаевы* начали посылать уже поселенцовъ къ Дунаю; а чрезъ союзъ съ Квадами могъ онъ учиниться страшенъ Славянскимъ Государямъ и всѣмъ обитателямъ Сармаціи. однако намѣренію сему находилось великое препятствіе съ стороны супруги *Батбаевой Асамры*, которая была дочь *Мароводуна* Короля Маркоманскаго (***). Сосѣдство Маркомановъ и требованіе ихъ на земли, занимаемыя Квадами, составляли давна уже вражду между сими двумя, хотя единоплеменными, народами. *Асамра* слышать не хотѣла, чтобъ чрезъ союзъ таковой возросла сила враговъ ея отечества. *Предслава* дочь ея чувствовала съ своей стороны великое отвращеніе къ *Раславу*, которое совершенно соотвѣтствовало желаніямъ ея родительницы, и внушенія оной учинили Князя Квадскаго совершенно ей ненавистнымъ. Однако *Раславъ*, уповая на бла-

---

(*) *Астаръ* назывался въ послѣдствѣ Астарханъ, а нынѣ Астраханъ.

(**) Унигардъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Кіева.

(***) *Маркоманы* были одного отродія съ Квадами. Обитали прежде, гдѣ нынѣ Виртембергъ; а по томъ въ Моравіи.

благосклонность *Батбаеву*, не преставалъ скучать своими исканіями его дочери.

Появясь при Дворѣ Булгарскомъ, хотя скрылъ я настоящее мое имя, но несчелъ за нужное утаить оное отъ *Батбая*, и принятъ былъ онымъ со всевозможною ласкою. Не могла надолго утаиться причина прибытія моего въ Брахимовъ отъ очей подозрѣвающаго *Раслава*; онъ скоро узналъ любовь мою къ *Предславѣ*, и началъ выдумывать средства, чрезъ кои бы могъ удалить меня отъ Двора *Батбаева*. Между тѣмъ свободное обращеніе доставило мнѣ способъ возпламенится еще больше красотою Княжны Булгарской, и открыться ей въ оной. Казалось тогда, что самое Небо покровительствовало страсть мою, и предуготовляло двумъ сердцамъ воспылать взаимно чистѣйшимъ и жесточайшимъ пламенемъ. *Предслава* выслушала меня, по времяни открылась во взаимной любви ко мнѣ, и мы прежде разположенія способовъ, какимъ бы образомъ привести къ концу наши желанія, клялись другъ другу въ томъ, чтобъ вѣчно быть вѣрными и не вступать ни въ какія другія обязательства. *Асамра* примѣчала страсть нашу, и съ удовольствіемъ одобряла оную, какъ сильнѣйшее противуположеніе намѣреніямъ *Раславовымъ*. Смежность Дакскаго государства съ владѣніями ея супруга, и древняя вражда Даковъ съ Квадами соотвѣт-

ответствовала желаніямъ ея обезсилить сторону непріятелей ея отечества. Она повсегда доставляла мнѣ случаи къ свободному обращенію съ возлюбленною моею *Предславою*. Я съ моей стороны не предвидѣлъ никакихъ препонъ къ достиженію моего щастія; родитель мой былъ Государь сильный, и находящійся въ дружествѣ съ Булгарами. Не входило мнѣ и въ мысль, чтобъ *Батбай* возпротивился моему требованію, или бы родитель мой не одобрилъ страсть сію; но судьба готовила неожидаемую мнѣ напасть, и опредѣляла подвергнуть сердце мое горестной участи. Упоенный моею страстію, жертвовалъ я оной всѣми моими часами, и не помышлялъ о томъ, чтобъ начать мои требованія у *Батбая*, или бы посредствомъ моего родителя. Между тѣмъ хитрый *Раславъ*, питая на меня злобу, когда не смѣлъ учиниться открытымъ врагомъ моимъ, потому что извѣдалъ уже храбрость мою въ богатырскихъ упражненіяхъ, выдумалъ средство возпрепятствовать намѣренію моему инымъ образомъ. Онъ безпрестанно внушалъ властолюбивому *Батбаю* завладѣть частью Дакіи, находившеюся по сю сторону Дуная (*), и представлялъ ему, что Даки завла-

дѣли

(*) Нынѣшняя Молдавія и Валахія въ древности составляла часть Дакіи, и населена была Славянскимъ народомъ, *Ясы* именуемымъ.

дѣли тѣми странами токмо насильственнымъ правомъ оружія, а не по другой причинѣ; и что Булгары, владѣя правымъ берегомъ моря Меотискаго, имѣютъ основательнѣйшее требованіе на оныя. Сколько властолюбивый *Батбай* во внутренности сердца своего ни одобрялъ таковыя внушенія, но не могъ отважиться безъ причины начать войну съ Декеваломъ, онъ предвидѣлъ, что таковой поступокъ навлечетъ ему другихъ непріятелей; а особливо опасался онъ сильнаго Славянскаго Государя *Гардорика*, которой не допуститъ его распространять державу, къ предосужденію собственной своей безопасности. Хитрый *Раславъ* изобрѣлъ къ тому слѣдующее коварство. Онъ требовалъ у *Батбая* публичнаго выслушанія, и представъ въ собраніе Государственной Думы, говорилъ: Великомочный Государь народа Булгарскаго! наслѣдникъ престола Квадскаго прибѣгаетъ къ твоему защищенію. Увѣдомился я, что при Дворѣ твоемъ подъ скрытымъ именемъ обитаетъ *Арпадъ*, сынъ *Декевала* Государя Даксиаго, и на него требую я твоего правосудія. Когда мы за три года предъ симъ находились по случаю въ области Князя Полянскаго, сей *Арпадъ* злодѣйскимъ образомъ продалъ въ неволю Бастарнамъ младшаго брата моего *Оттокара*, и учинивъ таковое злодѣйство, удалился. Я странствовалъ долгое время въ без-

плодныхъ поискахъ объ моемъ братѣ, и не давая знать о таковомъ нещастіи престарѣлому моему родителю, изъ опасенія, чтобъ вѣсть таковая не пресѣкла дни его, и наконецъ прибылъ ко двору твоему. Время перемѣнило нѣсколько черты лица моего непріятеля, и по тому до сего времяни не могъ я узнать его прибывшаго въ Бряхимовъ. А нынѣ увѣдавъ заподлинно, прибѣгаю къ твоему правосудію. Повели, Государь, задержать его до тѣхъ поръ, какъ онъ представитъ моего брата. — *Батбай* съ удовольствіемъ выслушалъ прозьбу *Расславову*, и обѣщалъ ему, что я буду задержанъ. Онъ хотя видѣлъ несправедливость словъ *Расславовыхъ*, потому что братъ онаго былъ еще младенецъ, неспособный находиться съ нимъ въ путешествіяхъ: но отъ задержанія моего ожидалъ, что родитель мой начнетъ съ нимъ войну, и тѣмъ подастъ случай по законной причинѣ производить въ дѣйство его намѣренія. Я призванъ былъ въ Думу, и выслушалъ возложенную на меня клевету. Тщетно старался я доказать мою невинность, и представлять, что я не токмо за три года, но никогда въ жизни не видывалъ ни *Расслава*, ни брата его. *Батбай* объявилъ меня военноплѣннымъ до тѣхъ поръ, какъ представлю я брата *Расславова*, и приказалъ отдать меня подъ стражу. Онъ позволилъ мнѣ

послать съ извѣстіемъ о семъ приключеніи къ отцу моему. Не возможно описать радости, каковую возчувствовалъ отъ того *Раславъ*, и огорченія, въ которое приведены были возлюбленная моя *Предслава* и ея родительница. Первой считалъ, что сбылъ съ рукъ опаснѣйшаго непріятеля; ибо полагалъ, что неминуемое объявленіе отъ *Декевала* войны за оскорбленіе, учиненное его сыну, удалитъ меня отъ Двора Булгарскаго, хотя бы я и освобожденъ былъ. Однако я удаленъ былъ отъ того: любовь къ *Предславѣ* удерживала меня въ томъ мѣстѣ, гдѣ она обитала; а любовь къ моему отечеству принуждала сносить великодушно оказанную мнѣ обиду, дабы не запутать народъ мой за личное мое оскорбленіе въ опаснѣйшую войну. Между тѣмъ сколько ни сносенъ былъ плѣнъ мой (ибо я обиталъ въ покояхъ Дворца *Батбаева*, и имѣлъ только за собою двухъ приставовъ), но не могъ я сносить оной безъ досады. Я требовалъ чрезъ покровительство *Асамры*, чтобъ позволено мнѣ было по обычаю Булгарскому доказать невинность мою оружіемъ противу моего доносителя; но благосклонный къ *Раславу Батбай*, отказалъ въ томъ, объявляя, что законы его государства не относятся до иностранныхъ. Однако стараніемъ супруги своей убѣжденъ былъ отрѣшить отъ меня приставовъ; я

Знятвенно обязался, обитая на свободѣ при Дворѣ его, до тѣхъ поръ отъ онаго не отлучаться, пока братъ *Раславовъ* будетъ сысканъ. Непріятель мой не могъ въ семъ случаѣ превозмочь стараній *Асамриныхъ*, и разумѣя, что я не пропущу случая отмстить ему моей обиды, весьма меня остерегался, и находилъ причины убѣгать со мною свиданія.

Таковымъ образомъ провождалъ я цѣлой годъ подъ названіемъ плѣннаго при Дворѣ *Батбасвомъ*. Сей Государь не рѣдко понуждалъ меня, чтобъ я далъ знать моему отцу объ моемъ приключеніи, подъ тѣмъ видомъ, что онъ стараніемъ своимъ возвратитъ изъ плѣна брата *Раславова*, и тѣмъ доставитъ мнѣ свободу; но я всегда отговаривался, представляя ему, что время докажетъ ему мою невинность, и принудитъ его къ другимъ обо мнѣ заключеніямъ; что между тѣмъ нахожу я за удовольствіе служить при Дворѣ его; и что наконецъ не хочу таковымъ извѣстіемъ огорчить престарѣлаго моего родителя, или понудить принять въ иномъ видѣ оказанное имъ къ прозьбѣ *Раславовой* правосудіе.

По сей причинѣ осталось пребываніе мое при Дворѣ Булгарскомъ не извѣстно моему родителю. Между тѣмъ любовь моя съ *Предславою*, не могла сокрыться и отъ *Батбая*. Супруга его старалась склонить его къ заключенію сего союза; но онъ удаленъ былъ

отъ

отъ согласія, и не хотя огорчить совершен-
нымъ отказомъ свою супругу, отговаривался
тѣмъ, что непристойно ему выдать дочь
свою за человѣка, обвиняемаго въ постыд-
номъ преступленіи. Впрочемъ не отрекался
подумать о семъ, когда я оправдаюсь. Ког-
да разнесся о семъ стараніи *Асамриномъ* и
отвѣтѣ на оный ея супруга слухъ при Дво-
рѣ, всѣ Вельможи считали бракъ сей досто-
вѣрнымъ. Истинные рачители къ славѣ оте-
чества своего онаго желали; да и впрочемъ
не было никого при Дворѣ *Батбасвомъ*, ко-
торый бы не хотѣлъ мнѣ сего щастія. Я от-
мѣнно былъ любимъ всѣми столько, какъ *Ра-
славъ* за гордость свою былъ у всѣхъ въ не-
нависти. Молва таковая вонзила ножъ въ
сердцѣ злонравнаго *Раслава*; онъ премѣнилъ
любовь свою къ *Предславѣ* во мщеніе; гор-
дость ево не могла снести предпочтенія, ока-
зываемаго ею его сопернику. Онъ заключилъ,
похитивъ ее, увезти въ свое отечество, и
вмѣсто супруги учинить своею наложницею.
Случай нижеслѣдующій благопріятствовалъ
ему въ семъ предпріятіи. По наступленіи ве-
сны *Батбай* вздумалъ препроводить нѣсколь-
ко времяни въ Жукотинѣ городѣ, находя-
щемся верстахъ въ пятидесяти отъ Бряхи-
мова близъ рѣки Ателя, на луговой сторо-
нѣ; Княгиня *Асамра* послѣдовала съ нимъ,
и въ удовольствіе ея принужденъ былъ и я

Ехать за нею, хотя мнѣ весьма того не хотѣлось по причинѣ той, что возлюбленная моя *Предслава* за слабостію здоровья осталась въ Брячимовѣ. Злой *Расславъ*, почитая случай сей удобнымъ къ произведенію въ дѣйство своего намѣренія, притворился больнымъ; я не подозрѣвалъ его умысла, и не заботился, оставляя неопаснаго соперника въ одномъ мѣстѣ съ моею любовницею, но еще радовался, что презрѣніе ея къ нему отмстить за его учиненную на меня клевету.

Мы препроводили около двухъ недѣль въ Жукотинѣ, забавляясь псовою охотою и рыбными ловлями, и наконецъ возвращаясь, не въ дальности отъ Брячимова остановились въ большомъ лѣсу; множество находящихся тутъ звѣрей понудило *Батбая* провести тотъ день въ звѣроловствѣ. Когда всѣ удалились въ разныя стороны, я гнался за лосемъ, заскакалъ далеко въ лѣсъ, и за произшедшимъ туманомъ потерялъ дорогу. Проѣзжая во всѣ стороны, не могъ я сыскать ни малой стежки, лѣсъ отчасу становился густѣе, и наступившая ночь принудила меня избрать ночлегъ подъ однимъ великимъ деревомъ. Утомленіе отъ вчерашнихъ трудовъ было причиною, что я пробудился уже по возхожденіи солнца. Вставши, началъ я опять искать выѣзду изъ густаго лѣсу; какъ вдругъ послышалъ я из-

далека женской жалостной крикъ, которой отчасу ко мнѣ приближался. —

Сей вечеръ кончился безъ особливыхъ приключеній; *Избору* угодно было, чтобъ сказывальщикъ оставилъ продолженіе Сказки до слѣдующаго вечера.

ВЕЧЕРЪ IX.

Продолженіе Арпадовыхъ приключеній.

Я остановился въ изумленіи (продолжалъ сынъ *Декеволовъ*) и разсуждалъ, какая бы причина завела сію женщину въ такое дикое мѣсто. Но съ приближеніемъ умножающійся крикъ принудилъ меня подумать, что оная терпитъ нападеніе отъ какова нибудь люпаго звѣря: и для того поскакалъ я къ тому мѣсту, откуда крикъ происходилъ. Представьте себѣ мой ужасъ, когда я приближась, усмотрѣлъ скачущаго на лошади *Раслава*, и везущаго предъ собою на сѣдлѣ мою возлюбленную *Предславу*! Княжна, увидѣвъ меня, усугубила вопль свой, и просила меня о избавленіи изъ рукъ ея похитителя. Нещастной! вскричалъ я, обка-

живъ мою саблю и схвативъ за поводъ его лошадь; что ты дерзнулъ предпріять? .. Но это неудивительно для такого человѣка, которой можетъ выдумать ложные доносы; изъ клеветника невеликой шагъ до разбойника. Оставь злодѣй! кричалъ я ему, оставь твою невинную добычу, и готовься принять наказаніе какъ за сіе твое дерзновеніе, такъ и за мою обиду. Благопріятный случай подвергаетъ тебя моему мщенію!— *Расславъ* вмѣсто отвѣта осыпалъ меня бранью, и *старался* освободить поводъ коня своего, чтобъ не вступая со мною въ сраженіе, удалиться съ своею добычею; но усмотря невозможность, опустилъ Княжну изъ рукъ своихъ, и схватился за оружіе. Между тѣмъ *Предслава* побѣжала въ лѣсъ; я не имѣлъ времяни примѣчать, въ которую сторону избрала она путь свой, и стчаянно напалъ на моего непріятеля. Сей подлодушный человѣкъ, не надѣясь на свою отважность, принужденъ былъ искать своего спасенія въ предательствѣ; онъ разрубилъ голову моей лошади, которая отъ того упала черезъ голову, опровергнувъ и меня съ собою, и самъ не дожидаясь, пока я встану, обратился въ бѣгство. По щастію не потерпѣлъ я никакого вреда при семъ паденіи; я вскочилъ, и объятъ былъ таковою яростію, что вышедъ изъ себя, бѣжалъ въ слѣдъ за моимъ зло-

влодѣемъ, и могда уже опомнился, когда оный удалился изъ виду. Тогда возвратился я къ моей лошади, и къ огорченію нашелъ оную мертву. Оставя оную, началъ я бѣгать по окрестностямъ того лѣсу, искавъ *Предславу*. Я кликалъ ее, и приходилъ въ утомленіе по продолжительномъ и безъ успѣшномъ исканіи. Тогда представлялась мнѣ опасность ея, что могла она вновь впасть въ руки ея хищника, и сіе воображеніе возобновило мои силы. Усугубя крикъ мой, услышалъ я наконецъ отзывъ ея голоса. Не можно описать, съ каковою радостію прибѣжалъ я тогда къ моей возлюбленной. Она увѣдомила меня, что находилась въ то утро въ полѣ со псовою схотою, бывъ побуждена къ сей забавѣ пріятностію времяни и желаніемъ встрѣтить своихъ возвращающихся родителей. Она признавалась мнѣ, что я составлялъ не послѣднюю причину сего ея выѣзду. Но что во время гоньбы собакъ, когда она удалилась отъ послѣдовавшихъ за нею, увидѣла приближившагося къ себѣ *Раслава*, которой, остановя коня ея, угрожалъ ей лишеніемъ жизни, естьли будетъ противиться, я приведши въ ужасъ своимъ обнаженнымъ оружіемъ, посадилъ къ себѣ на сѣдло, и скакалъ съ нею до того мѣста, гдѣ самое Небо привело меня къ ней на помощь. Выслушавъ сіе приключеніе, раз-

судилъ я, что не безопасно намъ будетъ медлить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ *Рославъ* безъ сомнѣнія имѣя своихъ сообщниковъ, можетъ возвратиться и вновь напасть на насъ. Я сообщилъ о томъ *Предславѣ*, и тѣмъ понудилъ ее, пренебрегая трудъ, слѣдовать со мною пѣшкомъ. По двучасномъ и весьма безпокойномъ для *Предславы* шествіи, нашли мы дорогу, и слѣдуя оною, вскорѣ увидѣли начальника *Батбаевыхъ* тѣлохранителей, отправленнаго въ погоню за похитителемъ со множествомъ Вельможъ и воиновъ. Ибо въ самое то время, когда *Предслава* была похищена, въ столицѣ нечаяннымъ образомъ узнали о зломъ *Рославовомъ* намѣреніи. Одинъ изъ его служителей, коему поручилъ онъ подговорить нѣсколькихъ человѣкъ за великія деньги для сопутствованія съ нимъ, былъ схваченъ отъ тѣхъ, коихъ онъ подкупалъ, и приведенъ къ верьховному Боярину. Предъ онымъ открылъ онъ, что *Рославъ* намѣренъ былъ, похитивъ *Предславу*, увезти въ свое отечество вмѣсто наложницы; и что хотѣлъ ожидать ихъ въ Чудскомъ городѣ Пойванѣ, находящемся за рѣкою Ателомъ въ нагорной сторонѣ. Верьховный Бояринъ, выслушавъ сіе, послалъ кого могъ вооружить вскорѣ для предохраненія *Предславы* отъ злоумышленнаго похищенія. Сіи посланные встрѣтились

съ

съ своимъ Государемъ въ тотъ часъ, когда узналъ онъ о случившемся нещастіи съ его дочерью. *Батбай* отправилъ ихъ въ погоню, и обѣщалъ великое награжденіе тому, кто привезетъ къ нему *Раслава* живаго, или его голову; однако посланные, встрѣтясь съ нами, не уповали достичь сего злодѣя, и всѣ возвратились для охраненія своей Государыни. Мы прибыли въ шатеръ, въ которомъ ожидали слѣдствія огорченные родители *Предславины*. Княгиня *Асмира* едва не лишилась чувствъ отъ радости, когда увидѣла дочь свою избавленную мною. Я осыпанъ былъ благодареніями отъ *Батбая* и его супруги. Благосклонность Булгарскаго Князя къ нещастовому *Раславу* обратилась въ жестокую ненависть; онъ сожалѣлъ, что столько обманулся въ человѣкѣ, имѣвшемъ полную его довѣренность, и клялся Чернобогомъ отмстить на головѣ *Раславовой* причиненную имъ ему обиду. Онъ въ тотъ же часъ признался въ учиненной мнѣ несправедливости, объявилъ меня свободнымъ и извинялся предо мною. Легко узнать, что я удаленъ былъ съ тѣмъ, чтобы на родителя моей возлюбленной, и человѣка, отъ котораго зависѣло благополучіе моей жизни. Съ того часа *Батбай* началъ обходиться со мною благосклоннѣе, и не находилъ препятствій въ союзѣ со мною; но перемѣнѣ обстоятельствъ онъ находилъ

въ

въ мысляхъ своихъ новыя и лучшія выгоды отъ брака дочери своей со мною, нежели съ *Раславомъ*. *Асамра* позволила мнѣ откры-тымъ образомъ требовать у супруга своего руки ихъ дочери, и подъ покровительствомъ ея получилъ я отъ него согласіе. Въ какомъ находился я тогда восхищеніи, могутъ представить себѣ токмо сердца, занятыя подобною моей любовію! Бракъ мой съ *Предславою* положенъ былъ на мѣрѣ, и оставалось токмо истребовать къ совершенію онаго согласія отъ моего родителя. Въ семъ намѣренія отправилъ я съ грамотою въ Дакію къ отцу моему *Сивола*; а самъ предавался восторгамъ въ безпрестанномъ упоеніи моей страсти и свободномъ обхожденіи съ моею возлюбленною *Предславою*.

Между тѣмъ, какъ ожидалъ я возвращенія *Сиволова* съ позволеніемъ на бракъ отъ моего родителя, и пристойнымъ послѣдствіемъ подарковъ Князю Булгарскому и Вельможъ и воинства для препровожденія моего въ отечество: Государственныя дѣла понудили *Батбала* отъѣхать въ Астарѣ городъ многонародный, великолѣпный и стоящій при устьѣ рѣки Ателла, коимъ впадаетъ она въ Хвалынское море. *Асамра* послѣдовала туда за нимъ, равно и я съ моею возлюбленною. Веселое мѣстоположеніе сего города и пріятность годоваго времяни, побуж-

дали

дали супругу *Батбаеву* выдумывать разныя забавы. Мы препровождали время въ звѣроловствѣ, или въ стрѣляніи изъ луковъ птицъ, отъѣзжая на взморье; а иногда въ рыбныхъ ловляхъ. Въ нѣкоторый пріятный день вздумали мы сдѣлать прогулку водою въ легкихъ суднахъ. Самъ Князь Булгарскій желалъ участвовать въ оной, но приключившаяся ему головная боль удержала его, и при немъ Княгиню *Асамру*. Однако они, не хотя лишить насъ сего удовольствія, позволили *Предславѣ* и мнѣ съ старшимъ сыномъ своимъ *Буеславомъ* (которому было только семнатцать лѣтъ, и которой имѣлъ ко мнѣ великую дружбу) воспользоваться сею забавою. Мы сѣли въ пріуготовленныя легкія суда, и со множествомъ обоего пола придворныхъ пустились въ запуски на греблѣ внизъ по рѣкѣ Ателу; гдѣ на устьѣ ея, раздѣляющемся на многіе рукава, на одномъ островѣ пріуготовлены были шатры для нашего прохлажденія и отдохновенія. Наконецъ пересѣли мы въ легкія лодки, желая отличиться сами управленіемъ оныхъ и силою въ греблѣ. Я сѣлъ только самдругъ съ возлюбленною моею *Предславою*; *Буеславъ* съ нѣкоторыми придворными; а прочіе раздѣлились попарно. Всѣ мы уговорились, ѣхавъ въ запуски же до устья морскаго, забавляться тамъ стрѣляніемъ разныхъ птицъ.

Лодка, въ которой я сидѣлъ съ *Предславою*, удалилась отъ прочихъ болѣе ста саженъ; мы утѣшалися таковымъ надъ причими преимуществомъ, но вскорѣ удовольствіе наше обратилось въ ужасъ: поднявшійся сильный вѣтръ понесъ насъ въ море, и произведши великія волны, сокрылъ изъ глазъ нашихъ и берега и нашихъ спутниковъ. Безъ особливаго промысла боговъ никакъ бы не избавились мы отъ потопленія въ таковомъ маломъ и неудобномъ волненію пропивляпься судиѣ. Мы находились между смерти и жизни весь тотъ день, и нѣсколько часовъ ночи; насъ носило почти безчувственныхъ, и напослѣдокъ прибило въ тростники, растущіе около одного острова. Я, забывая о собственномъ изнеможеніи, старался ободрять мою возлюбленную; представлялъ ей, что утихающая буря доставитъ намъ удобность безъ затрудненія возвратиться къ острову, на коемъ находились наши шатры. Въ самомъ дѣлѣ предъ разсвѣтомъ буря утихла, и мы безпрепятственно выбравшись изъ тростниковъ, служившихъ намъ убѣжищемъ, плыли по примѣтамъ къ устью рѣки Ателя; ибо береговъ было не видно: такъ далеко отнесло насъ бурею! Уже показались намъ вдали зеленѣющіеся островы, составляемые раздѣляющеюся при впаденіи въ море сею рѣкою. Надежда наша умножилась; мы возсылали бла-

благодареніе къ Безсмертнымъ за очевидное ихъ къ намъ охраненіе; однако участь наша готовила намъ можетъ быть вѣчную разлуку. По двучасномъ плаваніи увидѣли мы бѣгущіе прямо къ намъ на всѣхъ вѣтрилахъ два легкіе корабля. Сначала считали мы оные купеческими, идущими изъ Персіи въ Астарь, и утѣшались тѣмъ, что можемъ, взошедъ на оные, безопасно возвратиться и укрѣпить пищею истощенныя наши силы. Но надежда, намъ польстившая, поспчасъ превратилась въ ужасъ: въ приближеніи кораблей узнали мы, что оные были Курдистанскихъ морскихъ разбойниковъ, и, къ дополненію нашего ужасу, увидѣли на одномъ изъ оныхъ въ начальствующемъ *Рославa*, нашего злодѣя. Оный, увидѣвши меня съ *Предславою*, закричалъ къ начальнику другаго корабля, что я самой тотъ хищникъ дѣвицы ему обрученной, которую увезъ отъ Двора Князя Булгарскаго. По словамъ его съ обоихъ кораблей сскочило въ лодки человѣкъ до сорока вооруженныхъ, коимъ противиться въ разсужденіи множества было бы совершенное безуміе. Насъ взяли и представили предъ *Рославa*. Радость злодѣя сего отъ таковой добычи была неописанна, *Предслава* лишилась чувствъ, взглянувъ на него; а я ожидалъ себѣ неминуемой смерти. Однако восхищенный находкою своею *Рославъ*, по-

забылъ о мщеніи; онъ отнесъ *Предславу* въ свой корабельный покой, а меня подарилъ начальнику другаго корабля, сказавъ притомъ, что я особа знатная, за которую можетъ онъ получить хорошій выкупъ. Обрадовавшійся тѣмъ разбойникъ приказалъ наложить на меня оковы, и не взирая на отчаянный мой вопль и убѣжденія, перевести на свой корабль. *Предславъ* отвалилъ на своемъ суднѣ въ другую сторону; а мой плѣнитель повезъ меня въ Персію.

Не могу я изобразить вамъ тогдашняго горестнаго моего состоянія, въ каковое приведенъ былъ я, оставивъ возлюбленную мою въ рукахъ злѣйшаго изъ смертныхъ. Жизнь была тогда для меня несноснѣйшимъ бременемъ; и съ радостію бы я оную окончилъ, но всѣ средства были къ тому пресѣчены. Тщетно побуждалъ я сихъ варваровъ учинить погоню за ихъ товарищемъ, представляя имъ, что увезенная имъ дѣвица есть дочь Князя Булгарскаго, за возвращеніе которой въ Астарѣ получатъ они великое награжденіе; они не вѣрили словамъ моимъ. Провождая безполезныя стенанія, привезенъ былъ я въ Персію. Разбойники содержали меня нѣсколько мѣсяцовъ во узахъ, побуждая, чтобъ я писалъ къ моимъ родственникамъ о присылкѣ за меня выкупа; но какъ я не признавался имъ въ настоящемъ моемъ родѣ, и отводилъ надежду ихъ въ полученіи

за меня большаго выкупа: соскучили они содержать меня безъ пользы, и продали меня въ Сузахъ торгующему невольниками Іудеянину за одинъ серебряной талантъ. Новый мой господинъ почувствовалъ ко мнѣ нѣкоторую благосклонность, и удержавъ для собственныхъ услугъ, содержалъ меня милостиво, и не употреблялъ ни въ какія низкія работы. Онъ изъ милости ко мнѣ опредѣлилъ мое искупленіе только за сто фунтовъ серебра; но какая мнѣ была надежда получить сіе число въ странѣ удаленной? Тщетно искалъ я купцовъ торгующихъ въ Дакію; тамъ почти неизвѣстно было и имя моего отечества. Хотя я и писалъ ко Князю Булгарскому, увѣдомляя его объ моемъ нещастіи, и объ горестной участи его дочери, но чрезъ три года не получилъ никакого отвѣта. Печаль о моемъ злочастномъ положеніи, и о слезной судьбинѣ возлюбленной моей *Предславы*, изнурили мое здоровье до того, что я ожидалъ смерти, какъ достовѣрнаго исцѣленія отъ моихъ бѣдствій. Однако молодость, время и привычка къ воздуху страны той, возвратили мое здоровье. — Я просилъ наконецъ моего господина, чтобъ онъ отпустилъ меня на честное слово, обѣщая ему за искупленіе мое изъ дому своего прислать, вмѣсто требуемыхъ ста фунтовъ серебра, тысячу. Но Іудеянинъ

не вѣрилъ словамъ моимъ; онъ напослѣдокъ согласился отпустить меня, естьли представлю я на свое мѣсто такова невольника, которой ему понравится, и которой бы обязался пробыть у него до того времяни, какъ я пришлю за себя выкупъ. Но можно ли ожидать было, чтобъ сыскался столь великодушной человѣкъ, которой бы для незнакомаго изъ доброй воли согласился потерять вольность свою! Я поручилъ участь мою во власть Провидѣнія, и началъ неволю сносить терпѣливѣе. Господинъ мой возъимѣлъ ко мнѣ довѣренность, позволялъ мнѣ ходить всюду. Вышедъ нѣкогда по обыкновенію моему разсматривать великолѣпіе зданій, украшающихъ сію столицу Персидскихъ Монарховъ, проходилъ я по случаю мимо площади, на которой продаются невольники. Въ самое то время прибылъ туда купецъ, ведущій множество плѣнниковъ; между прочими примѣтилъ я одного прекраснаго молодаго невольника, которой шелъ весело, и шутя, ободрялъ другихъ своихъ товарищей. Видъ его мнѣ понравился: я подшедъ, привѣтствовалъ его, и спрашивалъ о причинѣ таковаго несогласнаго съ участью его веселія. Онъ отвѣчалъ мнѣ разсмѣявшись: Государь мой! ежели бы я гонящему меня нещастію противупоставлялъ только сѣтованіе, давно бы я уже изнурилъ себя; но

я столько вытерпѣвъ его ударовъ, ожидаю, что скоро оное устанетъ гнать меня. Вслушавшись въ разговоръ нашъ хозяинъ того невольника, подшедъ, спросилъ меня: не знаю ли я кого въ городѣ, которой бы купилъ у него сего веселаго невольника за хорошую цѣну. Я наимяновалъ ему моего Іудеянина. Между тѣмъ, какъ я описывалъ прочимъ невольникамъ великодушное обхожденіе его съ его рабами, подшелъ и самъ мой господинъ, и по обыкновенію своему, потрепавъ меня по плечу, сказалъ: я вижу, что ты ищешь поруки за свою вольность. — Ахъ! нѣтъ, милостивой Государь! отвѣчалъ я ему; была бы то суетная надежда! . . . Но разсмотрите сего пригожаго невольника; видъ его доказываетъ, что онъ непростаго произхожденія. Купите онаго, и содержите столь же милостиво, какъ и меня, то навѣрное получите за него немалую прибыль. Іудеянинъ разсмотрѣвъ *Нуредина* (такъ назывался сей младой невольникъ), купилъ онаго за полтора таланта.

Новый товарищъ мой началъ обходиться со мною съ великимъ дружествомъ; однако не открылъ мнѣ своего настоящаго имяни, сколько я ни убѣждалъ его къ тому, обѣщая клятвенность сохранить его тайну, когда есть причины, къ тому его побуждающія. — Сколько мнѣ прискорбно (отвѣ-

чалъ *Нуреддинъ*, узнавъ отъ меня объ моемъ подлинномъ имяни и приключеніяхъ), что я за довѣренность вашу ко мнѣ не могу заплатить равномѣрно! тяжкое обязательство принуждаетъ меня къ сему молчанію. Впрочемъ могу сказать, что отчасти вѣдая, кто вы, считаю себя дружбы вашей не недостойнымъ. —— Слова его произвели въ мысляхъ моихъ немалое замѣшательство. Сколько я ни старался, не могъ однако вспомнить, чтобъ когда нибудь видалъ его въ моей жизни. Я не смѣлъ уже больше понуждать въ открытіи его тайны, и обходился съ нимъ какъ съ братомъ. *Нуреддинъ* былъ искусный живописецъ, и всегда въ свободные часы отъ господской работы упражнялся въ семъ художествѣ. Онъ умѣлъ на малѣйшихъ кружкахъ списывать подобіе лицъ тѣхъ особъ, коихъ желалъ представить; а какъ Персы къ сему роду живописи великіе охотники, то въ краткое время собралъ онъ столько денегъ, что заплатилъ требуемый Іудеяниномъ за себя выкупъ. Господинъ мой отпустилъ его безъ отговорокъ, и обѣщалъ исходатайствовать ему проѣздную грамоту. разлука моя съ симъ товарищемъ приключила мнѣ чувствительную печаль. *Нуреддинъ*, примѣтивъ оную, отвелъ меня на сторону, и предложилъ мнѣ, чтобъ я возпользовался вмѣсто его свободою; и что онъ останет-

ся

ся вмѣсто меня въ невольникахъ до тѣхъ поръ, какъ я пришлю выкупъ. Удивленный таковымъ рѣдкимъ примѣромъ великодушія, отрицался я принять столь неслыханную жертву; но былъ убѣжденъ отъ *Нуредина*. Вы не имѣете средствъ, говорилъ онъ, возвратить себя инымъ образомъ оплакивающему отсутствіе ваше отечеству; а мои побужденія не столько важны. Вы пришлите за меня выкупъ, и я освобожусь; время для ожиданія сего не дѣлаетъ для меня разстановки. Сверьхъ того, когда бы посланныя отъ васъ деньги и не дошли сюда, я имѣю въ художествѣ моемъ вѣрной способъ къ моему освобожденію. Таковымъ образомъ освободился я изъ моей неволи, и простясь съ великодушнымъ моимъ избавителемъ, возпріялъ путь чрезъ Аравію въ Египетъ, намѣрясь оттуда чрезъ Фракію возвратиться въ мое отечество, и провѣдавъ о Квадскомъ Князѣ, имѣть ближайшій способъ отмстить ему за его злодѣйское похищеніе.

Съ несказаннымъ трудомъ достигъ я Александріи, и сѣвъ въ корабль, идущій въ Еллинскія острова, вскорѣ уповалъ чрезъ пропонтъ Фракійскій проплыть море Меотическое, и пристать къ берегамъ моего отечества; но враждующая мнѣ судьба и тутъ воспрепятствовала моему желанію. По нѣсколькихъ дняхъ нашего плаванія возставшая буря

отнесла насъ къ Сирійскимъ берегамъ, гдѣ напалъ на насъ Трипольской морской разбойникъ. По долгомъ сопротивленіи, при которомъ отчаяніе мое раждало во мнѣ храбрость, стоившую жизни немалому числу нападающихъ, корабль нашъ взятъ былъ Сирійцами. Я заключенъ съ малымъ остаткомъ моихъ спутниковъ во узы, и учинился вновь невольникомъ. Все мое терпѣніе тогда изчезло; я видѣлъ опять себя лишеннымъ надежды къ возвращенію въ мое отечество, и что болѣе всего меня сражало, не въ состояніи послать выкупъ великодушному *Нурединку*, пожертвовавшему за меня своею вольностію.

Плѣнившій меня Сиріянецъ, замѣтивъ въ сраженіи мою храбрость, къ которой привело мое отчаяніе, надѣялся полезнѣе употребить меня въ своихъ морскихъ разъѣздахъ, нежели содержать въ неволѣ. Онъ предложилъ мнѣ вмѣсто выкупа заслужить ему при трехъ опаснѣйшихъ морскихъ сраженіяхъ. Таковое предложеніе достойно было варвара; но необходимость привела меня принять сіе постыдное средство. Въ ожиданіи способнаго времяни къ разъѣздамъ, услышалъ я отъ Еллинскихъ пріѣзжавшихъ въ Триполь за невольниками купцовъ, что отечество мое замѣшано было въ опасную войну съ Римлянами, и что получило надъ ними знат-

знатныя выгоды подъ руководствомъ нѣкоего Славянина, именемъ *Вадима*, и что сестра моя за онаго обручена; при чемъ оный объявленъ наслѣдникомъ Дакскаго престола.

По выѣздѣ нашемъ въ море, щастіе освободило меня вскорѣ отъ рукъ ненавистнаго моего плѣнителя. Вы вспомните, любезный Князь (*продолжалъ* Арпадъ къ *Вадиму*) о претерпѣнномъ на васъ близъ Геркулесовыхъ столповъ нападеніи отъ Африканскаго разбойника; былъ то я съ моимъ начальникомъ. Оный погибъ въ сраженіи отъ руки вашей; а я продолжалъ оборону, опасаясь впасть, какъ разбойникъ, въ новую неволю. Не удивляйтесь и тому, что я не открылся вамъ тогда о себѣ, и назвался, какъ мнѣ вспало на умъ, *Готфомъ*; я имѣлъ причину опасаться васъ, такъ какъ совмѣстника моего о престолѣ Дакскомъ. Мнѣ свойства ваши были неизвѣстны, и вы сами можете представить, что я могъ подвергнуть жизнь мою опасности, открывши вамъ объ моемъ имени. По разлученіи съ вами примудилъ я оставшихъ корабельныхъ служителей плыть къ берегамъ Греціи; гдѣ вышедъ на берегъ, снабдилъ себя конемъ и вооруженіемъ на деньги, оставшіяся послѣ Африканскаго разбойника, и слѣдовалъ сухимъ путемъ въ мое отечество. Имѣлъ я довольное число денегъ, которыя старался по-

послать на искупленіе великодушнаго *Нуредина*; однакожь не могъ провѣдать ни въ одномъ изъ Греческихъ городовъ, чтобъ кто нибудь отправлялся въ Сузы. Между тѣмъ ночуя въ одномъ вольномъ домѣ, окраденъ я былъ проворными Еллинами столь искусно, что не осталось у меня ничего не токмо для искупленія моего благодѣтеля, но и на дорогу. Принужденъ былъ я продать коня моего, и шествовать пѣшій.

Я прошелъ уже *Никополь*, и продолжалъ путь мой сквозь необитаемыя горы. Въ семъ пустомъ мѣстѣ къ удивленію моему увидѣлъ я на одномъ холму сидящую великолѣпно одѣтую Фракійскую женщину, и почасту озирающуюся на всѣ стороны, какъ бы она кого нибудь ожидала. ——

Подождемъ и мы до слѣдующаго вечера, сказалъ *Изборъ*, что выдетъ съ сею женщиною. Сказывальщикъ остановился, и на другой день по обыкновенію началъ:

ВЕЧЕРЪ X.

Продолженіе Арпадовыхъ приключеній.

Какъ холмъ, на которомъ находилась Фракіянка, отстоялъ не въ дальности отъ

боль-

большой дороги, заключилъ я подойти къ ней, и освѣдомиться, не претерпѣла ли оная каковаго нибудь нещастія, и не имѣетъ ли нужды въ моей помощи. Приближась, спросилъ я у сей прекрасной женщины, по какой причинѣ находится она одна въ такомъ уединенномъ мѣстѣ? Вопросъ мой произвелъ слезы изъ прелестныхъ очей ея. Я нещастнѣйшая женщина на свѣтѣ, отвѣчала она, и бѣдствіе мое такого роду, что я окружаемая ужасомъ ни отъ кого не ожидаю помощи. Я предлагалъ ей мои услуги, и старался утѣшать въ ея печали. —— Участіе, принимаемое вами въ моемъ огорченіи, обязываетъ меня къ вамъ благодарностію, отвѣчала она; вы заслуживаете мою довѣренность, и я открою вамъ объ моемъ приключеніи, безъ чего вы никакъ не можете себѣ представить объ моемъ злочастіи. Я люблю смертельно одного молодца; но и любить не могу. Я ненавижу его, но и того учинить не въ состояніи; онъ прекрасенъ, и чрезвычайно гнусенъ; слова рѣчей его пріятны, но содержатъ въ себѣ нѣчто ужасное; онъ называетъ себя *Асмодомъ*, но объявляетъ, что и еще много другихъ имянъ имѣетъ; онъ сказываетъ о себѣ, что онъ великой богачь, но притомъ и бѣднѣйшее созданіе на свѣтѣ составляетъ. —— Таковое описаніе возбудило во мнѣ любопытство; я

просилъ ее объяснить мнѣ получше какъ объ ея любовникѣ, такъ и о собственныхъ приключеніяхъ, естьли желаетъ она, чтобъ я могъ быть ей полезенъ. — Вижу, продолжала сія женщина, что описаніе о любовникѣ моемъ вамъ кажется удивительно; но я сама не больше сего объ немъ извѣстна. Онъ увѣдомлялъ меня, что живетъ въ обширномъ и преогромномъ замкѣ, но оный еще для него тѣсенъ. Знакомство мое съ нимъ стоило жизни одному прекрасному Никопольскому юношѣ, за котораго я была обручена. *Минофилъ*, такъ называли жениха моего; былъ сынъ богатаго купца; а я дочь Никопольскаго Градоначальника. Взаимная наша любовь непротивна была нашимъ родителямъ; но по произшедшей между оными ссорѣ бракъ нашъ, положенный уже на мѣрѣ, разрушился, и никакія прозьбы, ни слезы наши не могли убѣдить жестокосердыхъ нашихъ родителей согласиться на окончаніе онаго. *Минофилъ* пришедъ отъ сего въ отчаяніе, заклялся умертвить отца своего, равно и моего, уповая, что сбывъ съ рукъ сію препону, можетъ удобно достичь къ концу своихъ желаній. Онъ началъ сіе мерзкое природѣ убійство съ собственнаго своего родителя, коему въ ночное время возилъ въ сердце ножъ. Однако находящаяся въ домѣ отца моего стража возпрепятство-

ствовала ему довершить то же и надъ моимъ. Увидѣвъ невозможность въ своемъ намѣреніи, подговорилъ онъ меня, оставя домъ, уйти съ нимъ въ безопасное мѣсто. Жестокая любовь моя къ нему принудила меня согласиться на его желанія. Мы сѣли на лошадей, и удалившись отъ города болѣе десяти верстъ, встрѣтились съ однимъ господиномъ, который, поровнявшись съ нами, съ вѣжливостію *Минофилу* поклонился. Любовникъ мой, углубясь въ разговоры со мною, того не примѣтилъ. Сію оплошность встрѣтившійся съ нами счелъ за пренебреженіе, и захотѣлъ отмстить моему любовнику своею саблею. Оный принужденъ былъ обороняться, и защищалъ себя неустрашимо. Они сбизали другъ друга съ мѣста до тѣхъ поръ, какъ удалились изъ глазъ моихъ. Страхъ остаться одной въ пустомъ мѣстѣ, и опасность объ моемъ любовникѣ, лишили меня чувствъ; я упала съ лошади, и до тѣхъ поръ не опомнилась, какъ увидѣла уже предъ собою стоящаго того незнакомаго съ отрубленною головою моего возлюбленнаго *Минофила*. Я не могу изобразить вамъ тогдашняго моего ужаса; однако сама не понимаю, какимъ-то образомъ оной обще съ моимъ печальнымъ обстоятельствомъ не чувствительно загладился въ моей памяти, и я начала слушать слова его. Прекрасная *Цек-*

се.

сера [такъ я называюсь]! сказалъ онъ мнѣ; вашъ любовникъ былъ недостоинъ вашей къ нему благосклонности: изберите меня на его мѣсто въ женихи; чрезъ что учинитесь обладательницею надъ многими милліонами подданныхъ. Слова его немедленно произвели въ сердцѣ моемъ ненависть къ прежнему моему любовнику, и тогдажь возродили нѣжнѣйшій пламень къ *Асмоду*; ибо онъ былъ то. Я клялась ему вѣчною любовію, и была подарена отъ него такимъ перстнемъ, коего цѣна превосходила цѣлую бочку золота. Онъ возвратился со мною къ моему родителю, и льстивыми своими словами такъ склонилъ ево къ себѣ, что оный тогдажь далъ позволеніе на бракъ нашъ. Съ тѣмъ сей новый женихъ мой отъ насъ и поѣхалъ. Послѣ того не рѣдко меня посѣщая, открылъ мнѣ о своемъ состояніи, такъ какъ я вамъ уже сказывала. Когда бываетъ онъ со мною, я не нахожу, кромѣ его, милѣйшей для себя вещи; но по отъѣздѣ его чувствую неслыханное къ нему отвращеніе, и волосы на мнѣ вздымаются дыбомъ, какъ скоро я объ немъ вспомню. Отецъ мой въ скоромъ времяни началъ его также ненавидѣть. Третьяго дня, при посѣщеніи, открыла я *Асмоду* о сей новости. Онъ разсердился, не показался на глаза отцу моему, и отъѣзжая, объявилъ мнѣ, что естьли я же-

желаю сохранить его любовь къ себѣ, умертвила бы отца своего. Ужасъ охладилъ кровь мою, когда я сіе услышала; но любовь къ *Асмоду* до того ослѣпила мои чувства, что я въ прошедшую ночь совершила оное богопротивное и мерзкое убійство. Обагренная кровію родителя моего, бѣжала я въ тужь минуту изъ дому своего; ужасъ и отвращеніе къ самой себѣ гнали меня до сего мѣста, гдѣ *Асмодъ* велѣлъ мнѣ себя дождаться. —— Выслушавъ слова сей осквернённой и страшной преступницы, хотѣлъ я въ туже минуту, оставивъ ее, бѣжать прочь; но она убѣдила меня слезами своими не оставлять ее до тѣхъ поръ, какъ *Асмодъ* прибудетъ.

Не прошло четверти часа, какъ я сѣвъ близь ее на холмѣ, съ ужасомъ ожидалъ послѣдствія. Поднялась такая жестокая буря, что казалось весь свѣтъ погибнетъ. Ясный день померкъ, громъ оглушалъ меня, и молніи, падающія вокругъ насъ, принудили сойти съ холма. Свирѣпство бури, и звукъ грому умножались вдвое по причинѣ гористаго мѣстоположенія. За тѣмъ пролился столь сильной дождь, что всѣ поля наводнились, и мы принуждены были опять взойти на холмъ, отъ стремленія текущихъ съ горъ потоковъ. Выдержавъ чрезъ два часа таковую страшную непого-

ду

ду, увидѣли мы вновь день, и жаркіе лучи солнечные вскорѣ осушили измокшія на насъ одежды. Непродолжительножь за тѣмъ показался издали ѣдущій къ намъ вельможа въ препровожденіи множества служителей и заводныхъ лошадей. По приближеніи его, узнала *Цексера*, что былъ то ея любовникъ. Оный одѣтъ былъ великолѣпно, равно и на служителяхъ его блистало всюду золото и серебро. *Цексера* устотря онаго, начала дрожать всемъ тѣломъ; чрезъ что и мнѣ неизвѣстный страхъ приключила. Я съ перваго взгляду столько возненавидѣлъ *Асмода*, что ощутилъ великое желаніе напасть на него и убить предъ глазами его любовницы; однако и со мною то же слѣдовало, что и съ *Цексерою*: я услышавъ слова его, почувствовалъ къ нему особливое дружество. Свиданіе любовниковъ сихъ было нѣжнѣйшее. *Асмодъ* благодарилъ меня за неоставленіе его невѣсты, и привѣтствовалъ меня въ свой горный замокъ съ таковою ласкою, что я не могъ отговориться. И такъ мы сѣвъ съ *Цексерою* на заводныхъ лошадей, поѣхали съ *Асмодомъ*.

Продолжая путь нашъ около часа, прибыли мы въ густой великой лѣсъ, въ которомъ такъ было темно, какъ бы ночью. По выѣздѣ изъ онаго приближились къ утесу высокой каменной горы, и остановились

у

у находящейся въ оной великой пещеры. Мы сошли съ лошадей, и отдавъ оныхъ служителямъ пошли за *Асмодомъ*, которой велъ невѣсту свою за руку. Продолжая нѣсколько сотъ шаговъ подъ земнымъ сводомъ, освѣщеннымъ многими лампадами, вышли мы на прегромной дворъ, освѣщаемый солнечными лучами. Столбы, окружающіе площадь онаго поддерживающіе великолѣпныя зданія, сдѣланы были изъ вылощенной яшмы. Среди площади находился пріятно украшенный садъ, наполненный всѣхъ родовъ благовонными и плодовитыми деревесами; все въ ономъ цвѣло и наполняло воздухъ ароматомъ. Шумъ прекраснѣйшихъ водометовъ, соединясь съ пріятнымъ пѣніемъ тысячныхъ родовъ птицъ, запертыхъ въ огромныхъ содержалищахъ, представляль мѣсто сіе нѣкоторымъ раемъ. Проходя сей садъ, встрѣчены мы были отъ пятидесяти одѣтыхъ въ парчевое платье дѣвицъ, и толикагожь числа богато одѣтыхъ мущинъ, которые, приближась въ молчаніи, упали предъ *Цексерою* на колѣна, и послѣ по данному отъ *Асмода* знаку вставъ, слѣдовали за нами до палатъ. Домъ *Асмодовъ* превосходилъ великолѣпіемъ всѣ видѣнные мною въ жизни Дворцы великихъ въ свѣтѣ Государей. Крыльцы и сѣни онаго сдѣланы были изъ слоновой кости; а полы намощены узорами

изъ

изъ чернаго съ бѣлымъ мрамору. Окны, стены и потолоки во всѣхъ покояхъ блисталиотъ золота и самоцвѣтныхъ камней. Въ комнатѣ, пріуготовленной для пиршества столъ, находился литой изъ чистова золота, покрытый самымъ тонкимъ Сидонскимъ полотномъ; а на ономъ приборы для двѣнатцати особъ. Блюдцы казались быть изъ цѣлыхъ яхонтовъ, ложки изъ изумрудовъ, а прочая посуда вся золотая, усаженная драгоцѣнными камнями. *Асмодъ* провелъ насъ въ спальню, гдѣ при равномѣрномъ богатствѣ видѣлъ я кровать, на которой по черному аксамиту приборы и занавѣсы унизаны были крупнымъ жемчугомъ. Къ одной сторонѣ стоялъ литой изъ золота столикъ, съ блестящимъ рукомойникомъ и лаханью. Кресла, софы и скамьи, сіяли отъ множества алмазовъ; а подушки на оныхъ были изъ нѣкоторой неизвѣстной мнѣ золотой ткани. По томъ вошли мы въ залъ, превосходящій всѣ прочія комнаты богатствомъ и великолѣпіемъ; круглой сводъ въ ономъ сдѣланъ былъ изъ нѣкотораго прозрачнаго подобнаго небесному цвѣту камня, усыпанный блестящими звѣздочками. Когда мы вошли на средину сего очаровательнаго зала, почувствовали упадающую на себя сверьху ароматическую росу. Не могу я подробно описать вамъ всего видѣннаго мною въ домѣ

Асмо-

Асмодовомъ; богатство и великолѣпіе онаго превосходятъ человѣческое воображеніе. По осмотрѣніи всѣхъ рѣдкостей, кои показывая намъ *Асмодъ*, можетъ быть изъ хвастовства, справедливую имѣлъ къ тому причину; повелъ онъ насъ за столъ; и когда занялъ мѣсто свое съ *Цексерою*, а я сѣлъ близъ ихъ, вошли къ намъ девять, какъ надобно было чаять, знатныхъ вельможъ; одежды ихъ и золотыя на шеяхъ цѣпи то доказывали. Вельможи оныя, отдавъ намъ низкой поклонъ, сѣли на оставшіеся девять стуловъ. Проворство услуживающихъ, вкусъ ѣствъ и избраннѣйшихъ напитковъ, соотвѣтствовали прочему великолѣпію. Въ продолженіи стола играла столь пріятная музыка, каковой я отроду не слыхивалъ. По томъ вступило двацать четыре маленькихъ дѣвочекъ, и столькожъ мальчиковъ одѣтыхъ въ бѣлое платье, кои начали удивленія достойную пляску; проворство ногъ ихъ превосходило возможность человѣческую. По окончаніи пляски дѣвочки приближась за стулъ *Цексе-ринъ*, готовы были для услугъ ея; а мальчики присоединясь къ музыкантамъ, составили голосами своими неслыханное согласіе. Хотя вкусъ винъ возбуждалъ во мнѣ охоту къ шумству, но услаждаясь пѣніемъ, забывалъ я о пищѣ. — Увеселеніе сіе пресѣклось припадкомъ, учинившимся съ *Цексерою*;

она почувствовала во всемъ тѣлѣ жестокой озноб. *Асмодъ* приказалъ тотчасъ въ спальнѣ развести въ каминѣ огонь; маленькія дѣвицы немедленно оное исполнили, и *Цексера* приведена была къ оному. Огонь сей составленъ былъ не изъ простыхъ, но невообразимое благоуханіе испускающихъ дровъ. *Цексера* отчасу въ лицѣ блѣднѣла; безплодно дѣлали ей къ ногамъ припарки, надлежало ее было положить въ постель. Когда дѣвицы начали новобрачную раздѣвать, пожелалъ я *Асмоду* доброй ночи, и возвратясь съ девятью вельможами въ залъ, продолжалъ съ ними веселиться до полуночи; мы пили исправно за здоровье молодыхъ. Наконецъ сонъ и винные пары начали отягчать мою голову. Одинъ изъ вельможъ примѣтивъ то, проводилъ меня въ особливый покой, къ богатоприбранной постелѣ, на которой я заснулъ сладкимъ сномъ.

Не вѣдаю, долго ли сей мой сонъ продолжался, но по пробужденіи къ великому моему изумленію и ужасу, очутился я лежащій въ смрадной пещерѣ на костяхъ лошадиныхъ. Нѣсколько сухихъ головъ сихъ животныхъ служили мнѣ вмѣсто подушекъ, а вокругъ меня лежало нѣсколько вонючихъ труповъ разныхъ животныхъ, и вмѣсто пріятной вчерашней музыки, услышалъ я лай грызущихся за стерво собакъ. Я съ ужа-

ужасомъ вскочивъ, выбѣжалъ изъ сего сквёрнаго вертепа, и опомнившись увидѣлъ себя близь самаго того холма, гдѣ нашелъ вчерашняго дня пригожую Фракіянку. Я не сомнѣвался, что было то привидѣніе, въ которое подпалъ я за соболѣзнованіе о мерзкой отцеубійцѣ. Легко можно догадаться, что *Асмодъ* былъ злой духъ мститель, низведшій *Цексеру* съ мнимаго брачнаго ложа въ мрачное царство Чернобогово на вѣчное мученіе. Проклявъ память ея, продолжалъ я путь мой въ отечество.

Приближаясь къ предѣламъ Бастарновъ, услышалъ я кличь, созывающую въ Вандалъ на богатырскія потѣхи; сердце мое воскипѣло желаніемъ въ оныхъ участвовать, а молвя, носящаяся въ свѣтѣ о великодушіи Полянскаго Монарха, ободряла меня, что чрезъ помощь его скорѣе могу я доставить въ Сузы выкупъ за избавителя моего изъ плѣну. Но какъ могъ я появиться въ собраніи витязей, не имѣвъ пристойнаго оружія, денегъ, ни коня? Однако пошелъ я въ Полянію, оставивъ ближній путь въ мое отечество; щастіе облегчило намѣреніе сіе. Проходя сквозь одинъ великой лѣсъ, увидѣлъ я въ сторонѣ на полянѣ ходящаго богатырскаго коня въ полномъ уборѣ. Полюбопытствовавъ узнать, кому оный надлежитъ, поворотилъ я въ ту сторону, и

приближась, увидѣлъ дежащаго въ травѣ рыцаря. Сначала считалъ я, что оный спитъ, но подшедши увидѣлъ, что оный убитъ, и по видимому задолго предъ тѣмъ; потому что тѣло его начало сотлѣвать, и броня на немъ отъ росы заржавѣла. Я пожалѣвъ о участи сего нещастнаго, разсудилъ, что броня его и оружіе ему уже ненужны; равно и вѣрный конь, которой не отходилъ отъ тѣла своего господина. Я вырылъ яму, снялъ съ убіеннаго броню и оружіе, предалъ тѣло его землѣ; по томъ омывъ броню въ близь текущемъ ручьѣ, надѣлъ на себя, поималъ коня, и сѣвъ на онаго, отправился въ сей городъ. Въ знакъ моего невольничества, возбранявшаго мнѣ по уставамъ богатырскимъ участвовать въ подвигахъ, до заплаты выкупа, опоясалъ я вмѣсто военнаго пояса веревку, въ которой вы меня вчерась видѣли. Прочее вамъ извѣстно.

Продолженіе Вадимовыхъ приключеній.

Когда *Арпадъ* кончилъ свою повѣсть, *Вадимъ* возобновилъ свои обниманія и увѣренія о вѣчномъ къ нему дружествѣ; онъ пѣнялъ ему за недовѣрчивость, принудившую его сирыть свое имя послѣ морскаго сраженія.

нія. Не думай, Свѣтлѣйшій Князь, чшобъ когда нибудь имѣлъ я жаланія пріобрѣсть престолъ, вамъ надлежащій, говорилъ онъ ему. Естьли и соглашался я на то по волѣ вашего родителя, такъ не по иной причинѣ, кромѣ той, что всѣ считали васъ за погибшаго. Но съ какою радостію готовъ я возвратить право, мнѣ непринадлежащее, законному онаго стяжателю! *Арпадъ* съ своей стороны извинялся въ своемъ подозрѣніи, клялся своему зятю вѣчнымъ дружествомъ, и увѣрялъ, что не желаетъ Дакскаго Княженія въ иномъ видѣ, какъ раздѣлить оное съ нимъ.

По таковыхъ взаимныхъ увѣреніяхъ, *Арпадъ* съ *Вадимомъ* возобновили свое дружество. *Бурновей*, бывъ допущенъ къ повѣренности отъ сихъ высокихъ особъ, убѣ-ждалъ ихъ принять его въ сотоварищи щастливыхъ и противныхъ могущихъ приключиться имъ случаевъ. Естьли природа моя, говорилъ онъ, не бывъ равна вашему произхожденію, являетъ меня недостойна вашего дружества, такъ усердіе, производимое во мнѣ таинственнымъ притяженіемъ, влечетъ меня посвятить жизнь мою вашимъ услугамъ *Вадимъ* и *Арпадъ*, чувствуя къ нему взаимную склонность, не отреклись принять его въ свое дружество. Они учинили другъ другу богатырскую клятву чрезъ свое оружіе быть

во всю жизнь вѣрными друзьями, не оставлять другъ друга въ нещастіяхъ, и не разлучаться, пока судьбѣ угодно будетъ оставить то въ ихъ волѣ. Съ того часа сіи три богатыря явили опытами, сколько свято сохранили они свою клятву, и дружество ихъ уподоблялось, естьли токмо не превышало, Палладово съ Орестомъ.

Утвердя таковымъ образомъ союзъ, три друга начали разговаривать о состояніи наслѣдія *Арпадова*. Любовь тому причиною, говорилъ *Вадимъ*, что оставили мы общаго нашего родителя въ дряхлости, запутаннаго въ тяжкую войну съ опаснѣйшимъ непріятелемъ. Слышно, что Римляне готовятся всѣми силами отмстить уронъ свой, претерпѣнный ими отъ Дакскаго оружія въ Паноніи; что оные овладѣли вновь сею страною; и что хотя *Декевалъ* имѣетъ нѣкоторыя надъ ними выгоды, но ожидаютъ главнаго сраженія. Непростительно намъ будетъ медлить, продолжалъ онъ, и заниматься суетными забавами, когда присутствіе наше нужно въ нашемъ отечествѣ. *Арпадъ* не нашелъ причинъ, чемъ опровергнуть слова *Вадимовы*, которыя притомъ возхвалялъ жаждущій къ славѣ *Бурновей*; они заключили немедленно оставить Дворъ Полянскаго Государя, и поспѣшить въ Дакію.

Арпадъ и оба друга его въ тотъ же день, принесши благодарность Полянскому Государю, испросили позволеніе оставить Дворъ его. Монархъ сей, узнавъ объ настоящемъ имяни *Арпадовомъ*, и выслушавъ приключенія его, не могъ ихъ далѣе удерживать. Онъ обѣщался исполнить немедленно данное слово Дакскому Князю въ доставленіи выкупа *Нуредину*, и отпустилъ трехъ соединенныхъ, наградивъ щедро подарками. Они оставили Вандалъ, и воспріяли путь чрезъ Ясскую Землю къ Брасову. —— ——

Оставимъ ихъ въ дорогѣ, сказалъ *Изборъ*; я опасаюсь, чтобъ ты не довелъ нынѣ опять до рубки съ Римлянами, и я во снѣ не попалъ бы въ сраженіе самъ. Сказавъ сіе, пошелъ онъ во Дворецъ, и сказывальщикъ отдыхалъ до обыкновеннаго времяни, пока насталъ.

ВЕЧЕРЪ XI.

Наши соединенные сокращали путь свой разговорами; *Арпадъ*, у коего изъ мыслей не выходила возлюбленная его *Предслава*, говорилъ не рѣдко, что можно бы имъ ѣхать, не сдѣлавъ крюка, чрезъ область *Кадовъ*, гдѣ бы могъ онъ провѣдать о участи нещастной

стной своей Княжны. — Сіе помѣшало бы нашему намѣренію, подхватилъ *Бурновей*; еспьли бы вы узнали, что *Раславъ* находится въ своемъ отечествѣ, мщеніе родило бы въ васъ новыя предпріятія. Но когда собственное ваше отечество страждетъ, тогда любовь и частныя пристрастія молчать должны. Я не меньше вашего имѣю причинъ возвратиться въ Бастарнію: оставилъ я оную, когда любовь меня изъ оной изгоняла; но нынѣ хотя призываетъ, я стыжусь пожертвовать моей страсти тѣмъ временемъ, которое могу посвятить пользамъ моего друга. *Вадимъ* держалъ сторону *Бурновееву*; хотя самъ имѣлъ причины поспѣшать въ Дакію, уповая найтить тамъ свою *Врячиславу*. Но въ ушѣшеніе своего друга обѣщалъ при первомъ свободномъ случаѣ самъ отмстить за него злому *Раславу*. Три друга сіи заключили, по приведеніи въ безопасность Дакіи, не мѣшкавъ слѣдовать въ Квады, и мстить надъ виновникомъ похищеніе Княжны Булгарской.

Слѣдующій за ними *Простай*, вслушавшись, что они предпринимаютъ новое путешествіе, закричалъ къ *Вадиму*: господинъ! а далеко ли еще до край свѣта? Будетъ ли еще больше половины? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ *Вадимъ*; кажется, что не естественно человѣку обѣхать половину свѣта.

— Ну!

— Ну! подхватилъ *Простай*, по этому я очень естествень! когда счесть отъ того дубоваго куста, гдѣ вы родились, до сего мѣста, то конечно осмотрѣлъ я больше половины свѣта. Разговоръ сей развеселилъ путешествующихъ, и *Бурновей* взялся оной продолжать. Ты ошибся, господинъ *Простай*, сказалъ онъ ему; ты не видалъ еще и восьмой доли Европы, но хвастаешь, что половину свѣта переѣхалъ. Вѣдай, что часть Италіи, Бастарнія и Полянія не составляютъ еще цѣлой Европы; равно какъ и Азія съ Африкою не есть еще весь свѣтъ. Весь свѣтъ называется вообще обширное Небо, противу котораго нашъ земной шаръ можно почесть со всѣми морями только за малую точку. — *Простай* выслушавъ это, началъ хохотать; спрашивали у него о причинѣ его смѣху, на что онъ отвѣчалъ: какъ не смѣяться такимъ безразсуднымъ словамъ! ежелибъ земля наша была только маленькая точка, я въ одинъ день бы чрезъ нее разъ пять перепрыгнулъ. Какъ и тому повѣрить, чтобъ земля наша была шаръ! А когда это и такъ, то развѣ этотъ шаръ втрое больше той горы, что близъ города, изъ котораго мы поѣхали? — ... Но скажите пожалуйте, продолжалъ онъ обратясь къ *Вадиму*, куда мы ѣдемъ? Не лучше ли возвратиться? Что будетъ барыша, когда мы доѣдемъ до край свѣта?

свѣта, вѣдь и по неволѣ назадъ воротимся! куда тогда будетъ ѣхать? — Не опасайся, сказалъ ему *Арпадъ*, у земли нѣтъ края: почему и доѣхать до онаго не льзя. — А! а! Господа! закричалъ *Простай*; вотъ я поймалъ васъ въ неправдѣ! Сами вы называли землю шаромъ, а теперь говорите, что ей и конца нѣтъ. *Арпадъ* показалъ ему бранную булаву, видишь ли, сказалъ онъ, сей круглой шаръ? Сколько ни переворачивать, конца въ немъ нѣтъ; равное обстоятельство и съ земнымъ шаромъ. *Простай* отъ удивленія покачавъ головою, согласился: вижу, говорилъ онъ, что у этова шара вездѣ край, гдѣ ни хватишь! Но скажите мнѣ: подъ исподнимъ краемъ земли такое же ли нѣбо? — Безъ сомненія! отвѣтствовано ему. — Я этому скорѣе повѣрю, говорилъ *Простай*. Въ той деревнѣ, гдѣ я родился, видѣлъ я своими глазами въ глубокомъ колодязѣ, которой безъ сомнѣнія прокопанъ сквозь всю землю, исподнее небо. Всегда, когда я къ нему прихаживалъ, казалось оттуда такое же небо, какъ у насъ, и такія же облака по немъ ходятъ. Тамъ есть и свое другое солнце. Токмо я думаю, что исподъ земли не такъ во всемъ изобиленъ, какъ нашъ верьхъ: у тамошнихъ людей хлѣба нѣтъ, а питаются они одною водою. Вотъ я донесу вамъ, почему узналъ я эту премудрость: одна-

однажды стоялъ съ братомъ моимъ близъ этого глубокаго колодязя. Мы заглянувъ въ него, увидѣли, что на исподнемъ краю земли стоятъ два человѣка точно въ такомъ же платьѣ, какъ и мы, и очень на насъ похожи. Мы тотчасъ догадались, что не кому то инымъ быть, кромѣ нашихъ большихъ братьевъ, которые лѣтъ за пять предъ тѣмъ померли. Люди, которыя рыли для нихъ могилы, были такъ глупы, что прокопали на сквозь землю, братья наши туда выдрались; но какъ они тамъ ожили, мы не вѣдаемъ; надобно думать, что тамошніе лѣкари умѣютъ людей оживлять. Узнавъ братьевъ своихъ, тотчасъ начали мы ихъ руками къ себѣ манить, чтобъ они къ намъ вылѣзли, и кричали имъ, чтобъ помогли намъ искать нашего отца, которой у насъ недѣль съ шесть назадъ пропалъ. Но они не отвѣчали намъ ни слова, а только манили насъ къ себѣ, также какъ и мы ихъ, какъ бы дураковъ передразнивали. Когда я одинъ махалъ рукой; и тамъ одинъ махалъ рукою; мы имъ оба грозили, они оба тожь дѣлали. Братъ мой за это на нихъ осердился, и подхватя камень грозилъ бросить въ нихъ. Одинъ изъ нихъ также схватилъ камень, и замахнулся въ насъ. Они бросили другъ въ друга но по щастью другъ въ друга не попали; а снизу камень до насъ не долетѣлъ.

Тутъ

Тутъ и мнѣ стало досадно; мы стали ихъ вызывать биться на кулакахъ, однако они всѣ молчали, дразня насъ руками. Не льзя ужъ было д лѣе сносить такова ругательства, а особливо середней мой братъ *Міянъ*, которой со мною былъ, очень разсердился. Онъ хотѣлъ броситься къ нему, но только пожалѣлъ платье обмочить: и для того началъ раздѣваться. Примѣтивъ это и изъ тѣхъ нашихъ братьевъ одинъ, также началъ раздѣваться, и готовился *Міяна* съ кулаками встрѣтить. И такъ оба они другъ на друга бросились, одинъ сверьху, а другой снизу. Я не охотникъ отъ природы драться, а люблю только смотрѣть, какъ другіе бьются: и для того смотрѣлъ, что будетъ. Я и напередъ догадывался, что *Міяну* худо будетъ; за тѣмъ что онъ одинъ на двухъ пошелъ. Однако я ничего разсмотрѣть не могъ; и какъ надобно думать по тому, что тѣ братья не допустили его на свой край, и встрѣтивъ въ водѣ, начали драку; отъ чего вода взмутилась, и начала изъ краю въ край болтаться. Мнѣ соскучилось стоять долго, пошелъ домой и сказалъ объ этой ссорѣ моей матери. Она не унывала, надѣясь на силу и отважность *Міянову*. Конечно они у него не выиграютъ, говорила она; онъ осилѣвши приведетъ своихъ братьевъ къ намъ жить, на нашу землю. Чрезъ нѣсколько

ко дней братъ мой *Міянъ* не возвращался, почему я пришелъ къ тому колодязю провѣдать; но увидѣлъ только одного брата, *Міяна* же съ другимъ братомъ не было. Сколько разъ я туда ни прихаживалъ, показывался мнѣ только одинъ братъ; а когда приводилъ я съ собою товарищей, и онъ приводилъ такоежъ число съ собою. Вошло мнѣ послѣ того въ голову, чтобъ всю воду вычерпать вонъ ведромъ. Но лишь я сталъ опускать ведро, онъ сталъ меня передразнивать, и самъ опускалъ такоежъ ведро. Разсердясь, схватилъ я большой крюкъ, и хотѣлъ ево онымъ ударить; но и онъ уставилъ противъ меня такой же крюкъ. Дошло дѣло до драки! мы начали другъ въ друга крюками совать сквозь воду; отъ чего вода взмутилась. Однако я не оробѣвъ и продолжалъ доставать его на удачу. Тутъ послышалъ я, что попалъ моимъ крюкомъ въ нѣчто мягкое. Я догадался, что его зацѣпилъ, и началъ тащить къ себѣ изъ всѣхъ силъ. Я въ самомъ дѣлѣ вытащилъ, только не его, а брата моего *Міяна*. Чуденъ онъ мнѣ показался, что въ такое короткое время перенялъ онъ у живущихъ на исподи людей всѣ обычаи: онъ также, какъ и сни, не говорилъ ни слова, и ни рукою, ни ногою не шевелился. Когда же я потрясъ его за голову, то ему стошнило и онъ выпустилъ изъ себя столько воды,

сколько я въ цѣлой день не могу выпить. Изъ того я заключилъ, что живущіе на исподнемъ краю земли не ѣдятъ хлѣба, а питаются токмо одною водою.

Таковое повѣствованіе увеселило слушателей, и тѣмъ больше, что *Простай* разсказывалъ оное съ важнымъ видомъ и сердился за то, что ему смѣются. Спрашивали у него, что сдѣлалъ онъ съ своимъ братомъ, и нашелъ ли отца своего? — Я скоро нашелъ его, отвѣчалъ *Простай*; онъ лежалъ въ лѣсу подъ большимъ деревомъ, и близъ его старая полусогнившая и надрубленная вѣтвь. Я привелъ къ нему мать мою; но онъ также ничего не хотѣлъ говорить съ нами: и для того мы ево съ *Міяномъ* пхнули въ тотъ глубокой колодязь. Мы сочли, что имъ лучше тамъ будетъ жить, когда уже они у живущихъ на исподи всѣ обычаи переняли. Мать моя хотѣла ихъ проводить туда, и повидавшись съ своими сыновьями, назадъ ко мнѣ возвратиться. Токмо надобно думать, что и ей тамъ житье полюбилось; она уже назадъ не возвращалась. Я и самъ хотѣлъ у нихъ побывать, но опасаясь, что не могу привыкнуть питаться одною водою, раздумалъ. Съ тѣхъ поръ отъ нихъ нѣтъ ни слуху, ни вѣсти. Мнѣ соскучилось жить одному; я пошелъ по дорогѣ. Тутъ встрѣтился со мною какой-то господинъ, которой меня полюбилъ,

и завезъ съ собою въ шу Землю, гдѣ мой господинъ родился подъ дубовымъ кустомъ.

Въ подобныхъ разговорахъ путешествующіе сокращали время; они приближались уже къ жилищамъ Ясовъ, какъ неожидаемая встрѣча, подвергши ихъ жестокой печали, премѣнила всѣ ихъ намѣренія. Проѣзжая нѣкоторый лѣсъ, увидѣли они проѣзжаго обороняющагося съ неустрашимостію противу десяти человѣкъ разбойниковъ; они бросились къ нему на помощь. Подлые грабители отъ одного виду вооруженныхъ богатырей пришедъ въ трепетъ, разбѣжались, и оставили проѣзжаго. Сей хотѣлъ приносить благодарность своимъ избавителямъ; но сколько изумленъ былъ *Вадимъ*, познавъ въ немъ вѣрнаго своего *Урмана*! Боги! какимъ случаемъ вижу я тебя въ семъ мѣстѣ? вскричалъ Славянскій Князь. Какая причина понудила тебя оставить Дворъ *Цекевалов*? — Увы! отвѣчалъ *Урманъ*; боги сохранили меня для принесенія плачевнѣйшаго извѣстія. *Декевалъ* погибъ съ своимъ престоломъ, и вся Дакія учинилась добычею Римлянъ. Таковое извѣстіе поразило какъ бы громомъ *Вадима* и *Арпада*. Надолго не могли они произнести ни одного слова отъ жестокой горести, и изъявляли страданіе сердецъ своихъ въ однихъ жалостныхъ воскликаніяхъ. Когда же прошли первыя стремленія

ленія печали, приказали они *Урману* разсказать подробности сего бѣдственнаго приключенія.

Вскорѣ по отъѣздѣ вашемъ (говорилъ *Урманъ Вадиму*) услышали мы, что легіоны Римскіе собираются въ намѣреніи опять напасть на Панонію. *Декевалъ* сѣтуя объ вашемъ отсутствіи, не взирая на глубокія лѣта свои, принужденъ былъ взять самъ начальство надъ войскомъ. Пользуясь милостію и довѣренностію сего Государя, совѣтовалъ я ему, не допуская усилиться непріятелямъ, соединиться съ *Сикулами*, и встрѣтить Римлянъ въ Паноніи. Я представлялъ ему, что когда непріятели вновь овладѣютъ сею страною, тогда неминуемо внесутъ они пламень войны въ самую Дакію. Совѣтъ мой принятъ: мы собравъ рать вступили въ походъ; но между тѣмъ Римляне успѣли уже овладѣть всѣми укрѣпленными городами въ Паноніи. Не взирая на то, искали мы Римлянъ, и отряды войскъ нашихъ побивали ихъ всюду. Въ продолженіи сихъ успѣховъ нашихъ услышали мы, что главное Римское войско подъ предводительствомъ самаго *Трояна* (императора) вступило въ границы Дакіи, и не находя препятствій шествуетъ прямо къ столичному городу. *Декевалъ* тогда собравъ всѣ силы, слѣдовалъ къ освобожденію своего владѣнія. Мы нашли

ли Римское ополченіе, осаждающее Брасовъ. Тогда произошло кровопролитное сраженіе, которому подобнаго можетъ не было съ начала міра. Даки явили невѣроятныя чудеса храбрости; всякъ, защищая отечество, желалъ умереть, или побѣдить. Но боги опредѣлили противное ожиданію. Бой продолжался съ начала утра чрезъ весь день; ночь не прекратила кровопролитія, и разъяренные воины съ обѣихъ сторонъ дрались смѣшавшись. Въ толпахъ разсѣянныхъ видимы были Римляне и Даки вмѣстѣ; была по сѣча, а не порядочное сраженіе. По возхожденіи солнца Траянъ началъ собирать своихъ воиновъ; пріобыкшіе къ устройству Римляне немедленно собрались по звуку бубновъ подъ свои знамена. *Декевалъ* не могъ учинить того: раздраженные Даки, услышавъ вопль женъ своихъ со стѣнъ градскихъ, не слушали своихъ начальниковъ, и бросались, какъ ослѣпленные, разсыпавшись на соединенные и прикрытые щитами и копіеносцами фаланги; многократно, и въ своемъ безпорядкѣ сдвигали оные съ мѣстъ. но словомъ сказать, почти всѣ пали на мѣстѣ сраженія, явивъ неподражаемую храбрость. Въ тожь самое время, когда наша рать начала ослабѣвать, отрядъ войскъ Римскихъ овладѣлъ столицею, и зажегъ оную со всѣхъ сторонъ. Отчаянный *Декевалъ*, увидѣвъ

погибелъ всего войска и столицы, не хо-
тѣлъ искать спасенія своего въ бѣгствѣ;
онъ палъ на мечь свой, и испустилъ герой-
скую свою душу. Я принужденъ былъ по-
тда спасаться бѣгствомъ, чая, приспѣть къ
Ясамъ, собрать рать, и, если можно будетъ,
удержать сію оставшуюся часть Даніи. Но
Римляне подобно жестокому наводненію про-
извели вдругъ свое завоеваніе. Въ тотъ же
почти день, когда проиграли мы сраженіе, легіо-
ны ихъ заняли всю Данію, лежащую за Ду-
наемъ. Я принужденъ былъ переодѣвшись
пробираться глухими дорогами. Во время
бѣгства моего слышалъ я, что Траянъ на-
ѣхавъ нашѣло *Декебалово*, почтилъ слезами
память сего храбраго Монарха, и учинилъ
тѣлу его великолѣпное погребеніе. Таковымъ
образомъ Дакія присоединена къ Паноніи, и
учинена Римскою провинціею. Римляне дорого
купили сію побѣду; они потеряли подъ
Брасовомъ шестьдесятъ тысячъ воиновъ, и
столько имѣли раненыхъ, что Траянъ при-
нужденъ былъ раздать все свое бѣлье для
перевязки ранъ ихъ. — *Уржанъ* кончилъ
свою плачевную вѣсть; *Арпадъ* и *Вадимъ*
проливали слезы; но герои сія ихъ сердца
принуждены были покориться необходимо-
сти. Они отерли сныя, и положились на
власть боговъ, и ка угодно имъ будетъ ло-
ставить средства отмстить ихъ врагамъ.

Ва-

Вадимъ при всей своей печали не пропустилъ спросить о своей возлюбленной *Брянславѣ*; но къ умноженію своей печали узналъ отъ *Урмана*, что объ ней съ самаго ея отлученія нѣтъ въ Дакіи никакого слуху. Надежда, утверждающая его во мнѣніи, что любезная его спаслась при погибели Геркуланы, доставила ему хотя ту отраду, что не досталась она въ добычу Римлянамъ. Онъ ушѣшалъ *Арпада*, и совѣтовалъ ему искать помощи къ возвращенію своего наслѣдія у Государей Сѣверныхъ; онъ напоминалъ ему и о Князѣ Булгарскомъ. *Арпадъ* находилъ прибѣжище свое достовѣрнымъ, но страсть къ *Предславѣ* полагала тому препятствіе; онъ не хотѣлъ прежде остаться въ покоѣ, доколѣ ее не сыщетъ, и не отмститъ ея похитителю. *Вадимъ* принужденъ былъ удовольствовать въ томъ желаніе своего друга, и наши соединенные отправились въ область Квадовъ; они клялись именемъ Чернобога исторгнуть *Рославу* изъ нѣдръ Дворца его, и пронзить тысячею ударовъ, естьли токмо онаго тамъ найдутъ. —

Въ сей вечеръ въ числѣ слушателей находился и *Славомiръ*. Ему давно хотѣлось войти въ благосклонность *Изборову* хотя чрезъ Сказки; онъ уповалъ, что скрывая полезныя нравоученія подъ вылуманными видами, мо-

жетъ болѣе принести пользы сердцу юнаго Государя, нежели его ласкатели. Не хочу я быть безполезнымъ членомъ въ сей бесѣдѣ, говоритъ онъ *Избору*; и естьли вы, Государь, позволите, завтрашній вечеръ намѣренъ я разсказать вамъ Сказочку, которую я слыхалъ еще рабенкомъ отъ моей бабушки. Охотно! охотно! вскричалъ *Изборъ*; дѣдушко слыхалъ отъ бабушки: это настоящая древность! Надобно быть тутъ чему нибудь забавному. Правду сказать, мнѣ уже и надоѣло нѣсколько равнословное повтореніе *Голованово* о богатыряхъ и побоищахъ. Бабушка твоя безъ сомнѣнія была щеголиха въ свое время, и Сказочка ея навѣрное содержитъ какое нибудь любовное похожденіе. Завтра *Славомiръ*, завтра въ назначенный часъ! а поутру я на охоту не поѣду, и въ удовольствіе твое готовъ подписывать бумаги, хотябъ ты принесъ ихъ болѣе вчерашняго. — *Славомiръ* поклонился; онъ въ наставшій вечеръ явился по условію, и сказывалъ слѣдующее:

ВЕЧЕРЪ XII.

СКАЗКА

О Князѣ Медорсусанѣ.

ВЪ той Сѣверной части Руси, гдѣ во время зимы не всходитъ солнце, гдѣ горы покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, и гдѣ весною облетѣвшія вѣтви древесъ предъ восходящимъ Свѣтовидомъ сіяютъ подобно алмазамъ, находятся лѣса безконечной обширности, служащіе убѣжищемъ бѣлымъ медвѣдямъ. Сраженіе съ сими звѣрями, соединенное съ немалою опасностію и трудами, составляетъ почтенное упражненіе благородныхъ особъ въ тѣхъ странахъ обитающаго народа; ни одинъ юноша, не имѣющій еще кожи убитаго имъ медвѣдя на сѣдлѣ своемъ, не смѣетъ тамъ открывать любовь свою никакой красавицѣ. Убившій довольное число звѣрей составляетъ тамъ щастливѣйшаго волокиту. Народъ сей находился нѣкогда подъ владѣніемъ Князя *Медорсусана*, Государя юнаго, но рожденнаго подъ щастливымъ созвѣздіемъ, прекраснаго, остроумнаго и столько просвѣщеннаго, что можно было считать за удивленіе, видя столь совершеннаго Монарха въ странѣ

суровой и среди народа дикаго. Ему не исполнилось еще двацати лѣтъ, но онъ выдержалъ уже опасную войну съ Славянами, въ которой явилъ себя столькожъ искуснымъ приводцемъ, какъ и неустрашимымъ витяземъ. Когда рать его въ мирное время пользовалась покоемъ, онъ не имѣлъ онаго самъ, выходя безпрестанно на опасный ловъ медвѣдевъ.

Въ нѣкоторой день выѣхавъ на охоту со множествомъ своихъ придворныхъ, предался онъ благородному своему рвенію до того, что погнавшись за звѣремъ, отъ всѣхъ удалился, заскакалъ въ дремучій лѣсъ и потерялъ дорогу. Онъ осмотрѣлъ себя, что онъ одинъ, уже тогда, какъ смерклось, въ мѣстѣ незнакомомъ, и захваченна жестокою метелью; сіе принудило его понуждать коня своего къ бѣгу. Онъ подавалъ въ рогъ голосъ своимъ охотникамъ, однако безполезно; никто не слыхалъ его. Усиліе вѣтровъ почти срывало его съ лошади, снѣгъ залѣплялъ глаза ему, и къ дополненію всего ночь учинилась столь мрачною, что на саженъ впереди не можно было ничего видѣть. Онъ искалъ убѣжища подъ густотою сосенъ, но буря, вырывающая древа изъ кореня, и самое пребываніе въ лѣсу учинила опаснымъ. Принужденъ былъ онъ скакать изъ лѣсу; удалось ему выбраться на поле, но тутъ

пред-

предстояла новая опасность быть занесену снѣгомъ. Въ сей крайности озирался онъ на всѣ стороны, не зная что начать, и вдругъ на возвышенномъ мѣстѣ увидѣлъ лучи отъ огня. Не медлилъ онъ слѣдовать на оный, и по великимъ затрудненіямъ достигъ почти невосходимой горы, составленной изъ утесовъ, пропастей и крутыхъ скалъ; видѣнный имъ огнь сіялъ съ верху оной. Онъ громостился на гору около двухъ часовъ, то верьхомъ, то сходя съ коня своего, и тащивъ онаго за собою за поводъ. Наконецъ приближился онъ къ великой пещерѣ, въ отверзтіе которыя исходилъ видѣнный имъ огонь. Онъ размышлялъ, остановясь, входить ли ему въ оную; не можно было считать мѣсто сіе, опричь убѣжища разбойниковъ, коимъ показаться нельзя было безъ опасности Но понеже души Монарховъ имѣютъ въ себѣ предъ обыкновенными человѣками нѣчто благороднѣйшее и возвышенное, то вошелъ онъ безъ ужасу въ пещеру, держа въ рукѣ обнаженную саблю въ предосторожность отъ нападенія. Едва ступилъ онъ нѣсколько шаговъ, объялъ былъ такою стужею, что занимало ему дыханіе.

На шорохъ его шествія выступила изъ внутренности пещеры старуха, коея сѣдые волосы и морщиноватое лице являло глубокія лѣта; она, взглянувъ на него съ вели-

 жимъ

кимъ удивленіемъ, сказала: ты первый смертный, котораго вижу я въ семъ мѣстѣ! знаешь ли ты, кто здѣсь обитаетъ? Нѣтъ, отвѣчалъ *Медорсусанъ*; я не вѣдаю и того, гдѣ я нахожусь. Это жилище, подхватила она, *Позвиста*, бога вѣтровъ: сюда приходитъ онъ успокоиться со всѣми дѣтьми своими; я оныхъ мать, и ты находишь меня здѣсь одну по той причинѣ, что всѣ они въ разныхъ частяхъ свѣта заняты особливыми упражненіями, дѣлать добро и зло въ мірѣ. Но ты, продолжала она, иззябъ и обмокъ; я разведу огонь для твоего обогрѣнія и осушенія одеждъ. Жаль мнѣ лишь того, что ты будешь имѣть худой ужинъ: господа вѣтры довольствуются самою легкою пищею; а для человѣковъ потребно что нибудь посвязнѣе. Князь благодарилъ ее за привѣтствіе; онъ приближился къ огню, которой разгорѣлся въ одно мгновеніе ока отъ того, что возвращающійся домой Западной вѣтръ поддувалъ оной. Не успѣлъ еще вступить сей вѣтръ въ пещеру, какъ слѣдовали за нимъ вѣтры Сѣверовосточный и нѣсколько Аквилоновъ; Борей, Югозападный и Сѣверный также не замѣшкались; самъ *Позвистъ* вступилъ въ ихъ препровожденіи. Они всѣ были съ ногъ до головы мокры, имѣли щеки надутыя, волосы всклокоченные: поступки ихъ не имѣли въ себѣ никакой вѣжливости; и когда начали они говорить

съ

съ *Медорсусаномъ*, едва не заморозили его своимъ дыханіемъ. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ, что онъ разнесъ врозь военные корабли; другой, что онъ потопилъ нѣсколько судовъ; трешій, что благопріятствовалъ нѣкоторымъ плавателямъ, и погубилъ гнавшихся за оными разбойниковъ. Другіе хвастали, что порвали много деревьевъ изъ кореня, опровергали зданія, обрушили стѣны; словомъ сказать, всякъ изъ нихъ щеголялъ своимъ подвигомъ. Старуха слушала ихъ со вниманіемъ; но вдругъ оказала на лицѣ своемъ великое безпокойство: ахъ! вскричала она, да гдѣжь дѣлся маленькой Зефиръ? не видали вы его? Уже очень поздно; я боюсь, чтобъ не приключилось ему какого нещастія. Всѣ отвѣчали ей, что нигдѣ съ нимъ не встрѣчались. Въ самое то время *Медорсусанъ* увидѣлъ входящаго въ пещеру прекраснаго юношу, столь лѣпообразнаго, какъ изображаютъ *Леля*, бога любви. Перья крылъ его были бѣлыя, перемѣшанныя съ алымъ, и столь нѣжныя и тонкія, что казались быть въ безпрестанномъ движеніи; свѣтлые его волосы, свиваясь въ тысячу кудрей, разсыпались по плечамъ его; на головѣ онъ имѣлъ вѣнокъ изъ розъ и жасминовъ; и взглядъ его сопровождался прелестною усмѣшкою. Гдѣ ты засовался, маленькой своевольникъ?

закричала на него грозно старуха. Уже в(ъ
твои братья здѣсь, а тебѣ бы и давно
быть издлежало. Развѣ не знаешь ты сво-
ей поры? ты не думаешь о томъ, что я
объ тебѣ безпокоюсь. Матушка, сударыня!
отвѣчалъ онъ, я старался не замедлить,
вѣдая, что вирочемъ могу заслужить ваше
неудовольствіе; но я находился въ садахъ
Княжны Щастливаго острова: оная прогули-
валась со всѣми своими дѣвицами. Однѣ изъ
нихъ плели цѣпи изъ цвѣтовъ, прочія лежа-
ли на муравѣ, разпахнувши грудь свою для
свободнаго мнѣ достиженія и лобзанія ихъ.
Нѣкоторыя изъ нихъ увеселялись плясаніемъ
подъ пѣніе своихъ подругъ. Прекрасная Княж-
на находилась въ скрытой померанцовой до-
рожкѣ: дыханіе мое простиралось до усть
ея, и я полегоньку колебалъ на ней покры-
вало. „Зефиръ! сказала она, я нахожу те-
„бя пріятнымъ! ты меня утѣшаешь! Въ
„все время, когда ты здѣсь присутствуешь,
не оставляю я прогуливанія въ садахъ.„
Признаюсь, что ласки, произносимыя столь
прелестною особою, меня обворожили; я не
могъ владѣть собою, и не разстался бы съ
нею, естьлибъ не поопасся васъ прогнѣвать.

Медорсусанъ слушалъ повѣствованіе сіе
съ такимъ удовольствіемъ, что жалѣлъ, ко-
гда Зефиръ оное кончилъ. Позволь, любви до-
стойный Зефиръ, сказалъ онъ, спросить. въ

какой

какой странѣ владычествуетъ Княжна, о которой вы упоминали? Я сказалъ уже, что въ Щастливомъ островѣ, отвѣчалъ Зефиръ: но никто изъ смертныхъ на оный взойти не можетъ. Между тѣмъ не пропускаютъ они искать онаго, хотя старанія тѣ безплодны. Разъѣзжаютъ безпрестанно вокругъ онаго; многіе льстили себѣ сысканіемъ пристани его, но были то другіе маленькіе островка, на коихъ находятся нѣкоторыя утѣхи, съ которыми обрѣтающіеся въ радости обитать оставались. Но блаженство въ тѣхъ островкахъ весьма далеко различествуетъ отъ находящагося на островѣ Княжны *Прелѣпы* (такъ оная называется). Всѣ искатели теряютъ островъ сей изъ виду, и бодрствующая при входахъ къ оному Зависть, прогоняетъ ихъ отъ онаго. Видалъ я тамъ ежедневно погибающихъ людей рѣдкихъ достоинствъ. *Медорсусанъ* сдѣлалъ ему еще множество вопросовъ, на которые Вѣтерокъ отвѣчалъ съ великимъ остроуміемъ и ревностію.

Уже было очень поздно, когда престарѣлая богиня повелѣла своимъ дѣтямъ удалиться въ ихъ опочивальни. Зефиръ предложилъ свою маленькую постель *Медорсусану*; оная находилась въ мѣстечкѣ опрятно прибранномъ, и не столько холодномъ, какъ прочихъ поселянъ сей пещеры. Ком-

ната Зефирова была устлана мягкими и благовонными травами, и распещрена цвѣтами. *Медорсусанъ* легъ, и препроводилъ остатокъ ночи съ Зефиромъ, занимаясь безпрестанно разговорами о Княжнѣ Щастливаго острова. Ахъ! сколько горю я нетерпѣливостію, сказалъ онъ, ее увидѣть! Вещь эта невозможная, и щастіе мое зависитъ отъ вашей помощи. Зефиръ представлялъ ему, что предпріятіе его довольно опасно; но естьли имѣетъ онъ въ себѣ столько неустрашимости, чтобъ предаться его водительству, то выдумалъ я, говорилъ онъ, къ тому средство. Надлежитъ вамъ сѣсть между моихъ крылъ, и лѣтѣть со мною чрезъ пространство воздуха. Я дамъ вамъ, продолжалъ онъ, мою епанчу; когда вы надѣнете оную зеленою стороною вверьхъ, будете отъ всѣхъ невидимы, и сіе обстоятельство необходимо нужно къ сохраненію вашей жизни; ибо когда стражи острова, кои суть страшныя чудовищи, усмотрятъ васъ, нападутъ на васъ, и сколько бы ни храбры вы были, трудно вамъ отъ нихъ защититься, и должно вамъ опасаться крайняго бѣдствія. *Медорсусанъ* имѣлъ такое непреодолимое желаніе достигнуть конца сего похожденія, что хотя бы Зефиръ представлялъ ему стократно опаснѣйшія встрѣчи, подвергся бы онъ имъ безъ размышленія.

Едва только Зимцерла начала показываться въ своей жемчужной колесницѣ, нетерпѣливый Князь разбудилъ утомленнаго Зефира: я не даю вамъ покою, говорилъ онъ, обнимая его; но великодушной мой угоститель, мнѣ кажется, что уже время къ отправленію нашему въ путь. Полетимъ, сказалъ онъ; я вмѣсто досады за пробужденіе мое остаюсь вамъ благодаренъ; ибо надлежитъ признаться вамъ, что я влюбленъ въ Розу, столь строгую и хлопотливую, которая тотчасъ разгнѣвается, ежели не явлюсь я къ ней при самомъ началѣ дня. Она обитаетъ въ цвѣтникахъ Княжны Щастливаго острова. Кончая слова сіи, подалъ онъ *Медорсусану* епанчу свою, и хотѣлъ нести его на плечахъ своихъ; но нашелъ способъ этотъ нѣсколько безпокойнымъ. Я подхвачу и понесу васъ такъ, сказалъ онъ, какъ несъ я прекрасную *Психу* въ палаты, для нее построенныя. Тогда схватилъ онъ его въ свои объятія, и вскоча на верьхъ невосходимаго каменнаго утеса, началъ раскачиваться равнымъ движеніемъ, распростеръ крылья свои, и полетѣлъ по пространству воздуха. Сколько ни отваженъ былъ Князь сей, но не могъ не имѣть ужасу, видя себя несомаго руками слабаго юноши: онъ помышлялъ для своего ободренія, что былъ то Богъ, и что *Леля*, коего изображаютъ слабѣйшимъ

мла-

младенцемъ, есть сильнѣйшее и опаснѣйшее существо на свѣтѣ. И такъ предавши себя во власть своей участи, началъ приходить въ смѣлость, и съ прилѣжаніемъ разсматривать мѣста, надъ коими они летѣли. Но было ли средство исчислить всѣ мѣста? Сколько видѣлъ онъ городовъ, царствъ, морей, рѣкъ, полей, пустынь, лѣсовъ и земель не извѣстныхъ, равно и различныхъ народовъ! все сіе повергало его въ удивленіе, лишавшее его употребленія словъ. Зефиръ разсказывалъ ему объ названіяхъ, и нравахъ обитателей всѣхъ оныхъ Земель. Они летѣли тихо, и отдыхали на невосходимыхъ верьхахъ горъ Гифейскихъ, Тавра, и прочихъ встрѣтившихся имъ на пути. Естьлибъ прекрасная обожаемая мною Роза, говорилъ онъ, почасту колола меня своими иглами, не могъ бы я перенести васъ чрезъ таковое пространство безъ того, чтобъ не опускать васъ для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ изъ Земель сихъ. *Медорсусанъ* приносилъ ему благодарность за таковую къ нему благосклонность; изъявлялъ притомъ безпокойство свое о томъ, что Княжна *Прелѣпа*, можетъ быть не разумѣетъ языка его, и онъ не въ состояніи будетъ объяснить себя предъ нею. Не безпокойтесь о томъ, опивѣчалъ Зефиръ; Княжна говоритъ всѣми нарѣчіями, и вы тотчасъ уразумѣете природный ея языкъ.

Они

Они летѣли до тѣхъ поръ, что наконецъ столько желаемый островъ предсталъ глазамъ ихъ, и *Медорсусанъ*, вразсужденіи всѣхъ красотъ, оный составляющихъ, имѣлъ причину почесть его очарованнымъ. Весь воздухъ, оный окружающій, наполненъ былъ ароматнымъ уханіемъ розъ, жасминовъ и прочихъ благовоній, приносимыхъ щастливою Аравіею; дождь тамъ падалъ въ капляхъ пахнущихъ гвоздиками; водометы били почти до облаковъ; рощи составлялись изъ рѣдкихъ и отборныхъ древесъ, а цвѣтники наполнены были невообразимо прелестными цвѣтами; ручьи прозрачной воды капили повсюду, производя усыпляющее журчаніе. Пѣніе птицъ составляло согласіе, превозходящее концерты лучшихъ сочинителей; плоды родились сами собою безъ всякаго прилѣжанія, и по всему острову видимы были готовые и уставленные отборными яствами и напитками столы для всякаго желающаго кушать. Но дворецъ Княжны превозходилъ всякое описаніе: стѣны въ немъ были алмазныя, полы и потолоки изъ смѣси другихъ дорогихъ камней; золото считалось тамъ послѣднею вещію; уборы казались быть сдѣланными руками волшебницъ, и притомъ самыхъ скошнѣйшихъ; ибо все было такъ распоряжено, что трудно было отдать преимущество богатству предъ искусствомъ. Зефиръ опу-

опустилъ Князя на красивомъ холмѣ. Я сдержалъ мое слово, сказалъ онъ ему; о прочемъ старайтесь сами. Они обнялись и разстались. *Медорсусанъ* благодарилъ его изъ всѣхъ силъ; но *Зефиръ* удалился на свиданіе къ своей любовницѣ.

Медорсусанъ, проходя множество мѣстъ въ саду, видѣлъ прекрасные гроты, сдѣланные для утѣхъ и прохлажденія. Въ одномъ изъ оныхъ нашелъ онъ истуканъ бога любви, изваянный изъ бѣлаго мрамору въ таковомъ совершенствѣ, что казался сный быть одушевленнымъ; оный держалъ въ рукѣ пламенникъ брата своего *Полеля*, изъ коего вмѣсто огня била вода. Представленъ онъ былъ опершимся на камень и какъ бы читающимъ высѣченную предъ нимъ на лазуревомъ камнѣ слѣдующую надпись:

Кто утѣхъ любви не знаетъ,
Сладостей еще прямыхъ,
Тотъ на свѣтѣ не вкушаетъ,
Чувствъ не вѣдаетъ своихъ.
Къ нимъ желанья всѣ стремятся,
И блаженство наше въ нихъ;
Всѣ богатства учинятся
Скучной тягостью безъ нихъ.

Медорсусанъ вошелъ по томъ въ зеленую бесѣду, въ которой лучи солнца не раз-

разгоняли никогда прелестной мрачности. Мѣсто это, окружаемое водометами, и устланное естественною муравою, привлекало къ пріятному успокоенію. Глаза *Медорсусановы* нечувствительно смыкались; онъ легъ и проводилъ нѣсколько часовъ въ сладкомъ снѣ, столько нужномъ послѣ трудовъ путешественныхъ.

Оставимъ его почивать до слѣдующаго вечера, сказалъ *Славомиръ* своему Государю; уже время и намъ взять успокоеніе. *Изборъ*, довольный повѣствованіемъ вельможи своего, не охотно принялъ сію отсрочку; но ожидая, что онъ впредь можетъ разсказать ему и нѣсколько другихъ повѣстей, выученныхъ отъ искусной Сказочницы, его бабушки, не хотѣлъ обременить его на первый разъ понужденіемъ, и отложилъ любопытство свое до другаго дня.

ВЕЧЕРЪ XII.

Колесница *Свѣтовидова* катилась уже на половинѣ небесъ, или, не по стихотворчески сказать, были полдни, когда *Медорсусанъ* проснулся. Онъ жалѣлъ, что потерялъ столько времяни безполезно; и для утѣшенія своего спѣшилъ приближиться ко Дворцу.

Подступивъ къ оному, удивлялся онъ красотамъ его, разсматривая оныя на свободѣ. Казалось ему, что всѣ художества стеклись для усовершенства въ великолѣпіи и прелестяхъ сего зданія. Онъ имѣлъ на себѣ епанчу всегда на верьхъ зеленою стороною; почему все видѣлъ, не бывъ самъ ни отъ кого примѣченъ. Долго искалъ онъ мѣста, гдѣ бы ему войти, но либо сѣни были заперты, или входы находились съ другой стороны палатъ, что не могъ онъ сыскать входу; какъ усмотрѣлъ красавицу, отворяющую окно. Въ то мгновеніе ока подбѣжала маленькая садовница, и подала къ ней кошницу, сплетенную изъ золотой проволоки, наполненную цвѣтовъ, связанныхъ въ пуки дорогими лентами. Она приказала ей нарвать цвѣтовъ для Княжны, которые садовница не замедливъ представила. *Медорсусанъ* въ тотъ мигъ вскочилъ въ корзину, и дѣвица приняла его съ цвѣтами. Онъ понялъ, что епанча, дѣлающая его невидимымъ, учиняетъ и легкимъ; безъ сего обстоятельства трудно бы ему подняшься до окна на рукахъ нѣжной красавицы. Онъ выскочилъ изъ кошницы въ залъ, котораго обширность, богатство и красоты трудно описать. *Медорсусанъ* увидѣлъ тутъ множество дѣвицъ, изъ коихъ старшей не было еще восьмнатцати лѣтъ, а прочія всѣ моложе.

Ка-

Какое зрѣлище прелестей! онъ видѣлъ красавицъ всѣхъ родовъ: темноволосыхъ, русыхъ и бѣлокурыхъ, во всѣхъ живѣйшихъ краскахъ, правильныхъ чертахъ лица, прелестныхъ окладахъ тѣла, такъ что каждую изъ нихъ можно было считать совокупляющею въ себѣ всѣ красоты на свѣтѣ. Онъ пробылъ бы весь день неподвижнымъ въ разсматриваніи оныхъ прелестей, еже-либъ согласіе сладостнаго пѣнія съ разными музыкальными звуками, проявшееся къ нему изъ побочной комнаты зала, не принудило его оный оставить. Онъ вошелъ въ покой, гдѣ находилась оная пріятная музыка, въ самое то время, когда пѣли тамъ слѣдующія слова:

Вѣрность въ страсти сохраняя,
Ты любовникъ нѣженъ будь;
Отъ несклонныя страдая,
Можешь наконецъ тронуть.
Вся судьбы къ тебѣ суровость
Премѣнится для любви:
Строгость женщины не новость,
Льзя вспалить ей жаръ въ крови.
Постоянство одолѣетъ
Саму каменную грудь;
Время проложить умѣетъ
Въ сердцѣ всякой гордой путь.

Медорсусанъ, находясь въ залѣ, чаялъ, что нѣтъ ничего подобнаго съ видѣнными

имъ тамъ прелестьми; но онъ обманулся въ томъ пріятнѣйшимъ образомъ: пѣвицы и играющія на музыкальныхъ орудіяхъ далеко превышали прежнихъ въ красотѣ. Онъ какъ бы чрезъ нѣкое чудо разумѣлъ языкъ, употребляемый въ сихъ палатахъ, и стоялъ позади прелестнѣйшей изъ оныхъ Нимфъ, когда упало съ нее покрывало, которое онъ поднявъ, подалъ ей. Дѣвица, не видѣвъ оказывающаго ей услугу, подняла крикъ, и было то въ первый разъ, что въ жилищѣ семъ чувствованъ ужасъ. Всѣ подруги ея сбѣжались къ ней, и спрашивали, что ей приключилось? Вы сочтете меня за сумасшедшую, отвѣчала она; но правда и то, что свалившееся съ меня покрывало поднято и подано мнѣ невидимою рукою. Всѣ подняли громкой смѣхъ, и многія бѣжали въ опочивальню Княжны *Прелѣпы*, для увѣдомленія оной о шаковой забавной баснѣ. *Медорсусанъ* слѣдовалъ за ними, и приближился къ ней съ помощію зеленой епанчи, прошедъ прежде множество комнатъ и переходовъ. Княжна сидѣла на престолѣ, сдѣланномъ изъ цѣльнаго яхонта, блистающаго какъ солнце; но глаза ея помрачали блескъ сей. Красота ея была столько совершенна, что являла ее божествомъ: видъ молодости и величества внушали любовь и почтеніе во всѣхъ на нее взирающихъ. Одѣта она была больше щего-

ле-

левато, нежели великолѣпно: свѣтлые волосы ея украшены были цвѣтами; легкой золотой штофъ составлялъ ея одежду, сдержущую поясомъ. Вокругъ ея видимо было множество порхающихъ крылатыхъ младенцевъ, которые играли разными забавами. Одни хватали за руки ея, и лобзали оныя: другіе съ помощію товарищей своихъ громостились на ступени престола, становились по сторонамъ у ней, и вѣнчали голову ея короною. Утѣхи также шутили съ нею; словомъ сказать, все, что только можно вообразить прелестнѣйшаго, не равняется съ тѣмъ, что представилось взорамъ *Медорсусановымъ*. Онъ смолялъ подобно обвороженному, и съ трудомъ сносилъ видъ красотъ Княжны сея. Во время сего замѣшательства, не помышляя ни о чемъ, кромѣ обожения достойнаго предмета, нечаянно сронилъ онъ съ плечъ епанчу свою. Княжна увидѣла его, и изумилась, взирая впервые въ жизни своей на мущину. *Медорсусанъ*, ставъ открытъ таковымъ образомъ, повергся почтительно предъ ея престоломъ: Великая Монархиня! сказалъ онъ, я прошелъ всю вселенную, дабы удивляться божественной красотѣ вашей; я жертвую вамъ моимъ сердцемъ и моими желаніями, естьли оныя заслуживаютъ ваше вниманіе. — Сколько ни жива была Княжна сія, но пришла въ замѣ-

шательство и осталась безмолвна: глаза ея доколѣ не находили еще достойнѣйшаго любви предмета, и она сочла стоящее предъ нею созданіе единственнымъ во всемъ свѣтѣ. Мысль сія предувѣрила ее, что былъ то Финиксъ, столько прославляемый и столь рѣдкій. Утвердясь въ таковомъ заблужденіи, сказала она: Прекрасный Финиксъ! я не уповаю, чтобъ были вы нѣчто иное; по тому что вы столько совершенны, и что нѣтъ вамъ подобнаго во всемъ моемъ островѣ, я очень утѣшаюсь удовольствіемъ васъ видѣть. Весьма жаль, что вы одни только во всей вселенной, хотя много другихъ птицъ наполняютъ садки въ садахъ моихъ. *Медорсусанъ* улыбнулся при словахъ ея, которыя произнесла она съ удивительною пріятностію и чистосердечіемъ: между тѣмъ онъ не желалъ лучшаго въ особѣ, къ которой возчувствовалъ жесточайшую любовь; но не хотѣлъ оставить ее въ неизвѣстности. Онъ началъ свои наставленія, и никакая ученица на свѣтѣ не понимала съ таковою удобностію уроковъ. Врожденное ея проницаніе упреждало то, что *Медорсусанъ* начиналъ ей разсказывать: онъ полюбилъ ее больше своей жизни; а она полюбила его больше самой себя. Все, что ни имѣетъ любовь въ себѣ сладчайшаго, все, что разумъ содержитъ живѣйшаго и прекраснаго, что ни имѣетъ се-

сердце нѣжнѣйшаго, безпрестанно повторялось посреди сихъ любовниковъ. Ничто не возмущало спокойства ихъ, но все споспѣшествовало ихъ утѣхамъ. Они не подвержены были болѣзнямъ, не имѣли ни малѣйшихъ огорченій; молодость ихъ не нарушалась теченіемъ многихъ годовъ. Въ семъ-то прелестномъ островѣ испивали протяжными глотками воду изъ источника вѣчной юности: ни заботы любовныя, ни подозрѣнія ревнивости, ни самыя мѣлкія ссоры, возмущающія иногда спокойство любящихся, не появлялись тамъ: они пребывали въ упоеніи утѣхъ, и до самаго того времяни еще ни одинъ изъ смертныхъ не имѣлъ столь постояннаго щастія, каковое вкушалъ *Медорсусанъ*. Однако свойства смертнаго влекли за собою печальныя послѣдства: ихъ благо не можетъ быть вѣчное.

Медорсусанъ, сидѣвъ въ нѣкоторый день съ своею Княжною, вздумалъ спросить, сколько прошло времяни съ тѣхъ поръ, какъ онъ у нее обитаетъ. Часы, продолжалъ онъ, для взирающаго на васъ текутъ столь быстро, что не можно замѣтить, какъ давно я тѣмъ наслаждаюсь. Я скажу вамъ, отвѣчала *Прелѣпа*, когда вы мнѣ признаетесь, какъ вамъ то кажется. Онъ началъ размышлять, и собравъ свою память, сказалъ ей: ежели можно вѣрить моему сердцу и вкушаемому мною наслаж-

денію, то не кажется мнѣ больше, какъ нахожусь я у васъ только недѣлю; но нѣкоторыя обстоятельства, о коихъ приходитъ мнѣ въ мысль, кажется, что были здѣсь мѣсяца за три. Княжна, услышавъ то, подняла громкой смѣхъ. Знай, *Медорсусанъ*, сказала она, что уже три ста лѣтъ прошло, какъ ты гостишь у меня. --- О! естьли бы вѣдала она, чего ей слова сіи будутъ стоить, ни когда бы ихъ не произносила. Три ста лѣтъ! вскричалъ Князь; въ какомъ же свѣтѣ находится положеніи? Что въ немъ произходило? Кто узнаетъ меня по возвращеніи, и кого могу узнать я? Области мои безъ сомнѣнія впали въ руки какого нибудь чужестраннаго; нѣтъ надежды, чтобъ остался кто изъ моихъ родственниковъ. Я учинился Государемъ безъ государства; на меня будутъ взирать какъ на привидѣніе, я не буду знать ни нравовъ, ни обычаевъ людей, съ коими мнѣ жить будетъ должно. --- *Прелѣпа*, пришедъ въ досаду отъ словъ его, прервала оныя. О чемъ тужишь ты *Медорсусанъ*? сказала она. Тѣмъ ли ты платишь за толикую любовь и благосклонность мою къ тебѣ? Я приняла васъ на мой островъ; вы учинились надъ онымъ Государемъ; я сохранила жизнь вашу болѣе, нежели чрезъ три вѣка, вы не состарѣлись, и до сего часа не видали здѣсь ни малаго неудовольствія: но коликимъ под-

вер-

вергаетесь, предпріемля разлучиться со мою? — Я не хочу быть неблагодаренъ, прекрасная Княжна, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ; я знаю, и чувствую все то, чемъ я вамъ долженъ: но ежели бы я умеръ до сего времяни въ моемъ отечествѣ, я умеръ бы конечно, соверша столько похвальныхъ дѣлъ, которыя учинили бы память мою безсмертною; но днесь вижу я добродѣтель мою внѣ дѣйствіи и имя мое безъ славы. Таковъ былъ храбрый *Германъ* (*), но славолюбіе изторгло его изъ объятій сто *Амофалы*. — Такъ славолюбіе изторгаетъ тебя варваръ изъ моихъ! вскричала она, проливая потоки слезъ. Ты хочешь меня оставить? . . . Ты не заслуживаешь проницающей меня горести. Кончая слова сіи, упала она въ обморокъ. *Медорсусанъ* былъ чувствительно тѣмъ тронутъ; онъ любилъ ее несказанно: но онъ укорялъ себя въ томъ, что провелъ столько времяни съ своею любовницею, и не могъ чрезъ отличныя дѣла помѣстить имяни своего въ рядъ великихъ героевъ. Тщетно старался онъ преодолѣть себя и скрывать свое неудовольствіе; онъ впалъ въ уныніе, и тѣмъ скоро открылъ внутреннее состоянie души своей: считая пре-

(*) Славяне, заимствуя отъ древнихъ Нѣмцовъ подъ имянемъ *Германа*, почитали *Геркулеса*.

жде вѣки за мѣсяцы, считалъ тогда уже дни за оные. Княжна, примѣтившая то, поражена была крайнею горестію; она не могла сносить, чтобъ онъ въ угодность ей оставался съ нею, терпя мучительную печаль. Она открыла ему, что учиняетъ его властелиномъ судьбы его, что онъ можетъ отъѣхать, когда ему угодно; но что она опасается о могущемъ встрѣтиться съ нимъ великомъ злоключеніи. Послѣднія слова ея гораздо меньше сдѣлали въ немъ впечатлѣнія, нежели первыя; и хотя единая мысль о разлукѣ съ *Прелѣпою* его поражала, но надлежало ему покориться своей участи, и наконецъ простился онъ съ особою имъ обожаемою и которую любилъ столь нѣжно. Онъ увѣрялъ ее разставаясь, что коль скоро совершитъ нѣсколько подвиговъ къ своей славѣ, и учинитъ себя достойнѣе той любви ея, кою пріобрѣлъ изъ единой только благосклонности, немедленно возвратится къ ней, признаетъ ее единственною своею повелительницею и единственнымъ своимъ блаженствомъ. Природное его краснорѣчіе дополняло недостатки любви: но Княжна была проницательнѣе, чтобъ можно было обмануть ее, и имѣла печальное предчувствованіе, что навѣки тратитъ предметъ столько ей драгоцѣнной.

Сколько ни стараясь побѣдить себя, чувствовала она неизъяснимое страданіе. Она по-

подарила великолѣпное вооруженіе, и прекраснѣйшаго на свѣтѣ коня своему равнодушному *Медорсусану*. — *Бирхарь* (такъ назывался конь сей), сказала она, будетъ водитель вашъ во всѣ тѣ мѣста, гдѣ вы можете сражаясь щастливо оставаться побѣдителемъ. Но не сходите . . . заклинаю васъ! . . . не сходите нигдѣ на землю до прибытія вашего въ отечество; ибо по волшебному вдохновенію, сообщенному мнѣ отъ безсмертныхъ, предчувствую я, что въ противномъ случаѣ *Бирхарь* не защититъ васъ отъ бѣдственнаго пути, въ который вы вступите. *Медорсусанъ* обѣщался послѣдовать всѣмъ ея совѣтамъ; онъ облобызавъ тысячекратно прелестныя ея руки, и отъ нетерпѣливости къ отъѣзду забылъ въ томъ прекрасномъ островѣ свою зеленостороннную епанчу.

Быстрый конь помчалъ его; приближась къ морю, плылъ чрезъ оное подобно стрѣлѣ; онъ скакалъ чрезъ горы, лѣса, поля и долы съ такою бодростію, что казался быть крылатымъ. Но въ одинъ вечеръ слѣдуя узкою стезею по мѣсту, наполненному камней и кремней, и окруженному терніемъ, наѣхалъ онъ впереди себя телѣгу, занявшую всю стежку и препятствующую ему въ проѣздѣ. Телѣга оная была навьючена старыми изветшавшими крыльями различныхъ видовъ,

довЪ, и опрокинувшись лежала на старикѢ глубокихЪ лѣтЪ. КакЪ снѣгЪ бѣлая онаго голова, и тягость бремяни его гнѣтущаго, привели въ жалость *Медорсусана*. *Бирхаръ* хотѣлъ повернуть въ сторону и перескочить чрезъ терніе, какъ старикъ тотъ началъ кричать: ахЪ, милостивой господинЪ! сжалься надЪ состояніемЪ, въ которомЪ ты меня видишь; естьли ты лишишь меня своей помощи, я скоро задохнусь! — *Медорсусанъ* не могъ противиться великодушному желанію подать помощь старику сему; онЪ сскочилъ на землю, подшелъ и своротилъ съ него телѣгу: но увы! чрезмѣрно онЪ изумился, увидѣвъ, что старикъ безъ всякой помощи вспрыгнулъ на ноги, и бросился на него съ такимъ рвеніемъ, что онъ не успѣлъ оборонятьсся. НаконецЪ, Князь Руской! вскричалъ онЪ страшнымЪ и грозящимЪ голосомЪ: наконецЪ я нахожу тебя! Я называюсь *Время*, и искало тебя уже чрезЪ цѣлые три вѣка. Я изветощило всѣ сіи крылья, коими, какЪ ты зришь, навьючена моя телѣга, пролетая по вселенной для сысканія тебя; но сколько ты ни скрывался, вѣдай, что ничто отЪ меня не избѣгаетЪ. Произнося послѣднія слова, захватилЪ онЪ ему рошЪ рукою съ такою жестокостію, что змигЪ, пресѣкши дыханіе, умертвилЪ его.

ВЪ сію плачевную минуту Зефиръ пролетая, съ чувствительнымЪ огорченіемЪ былЪ

былъ свидѣтелемъ нещастной участи своего друга. Когда сей немилосердой старикъ оставилъ его тѣло, приближился онъ, и старался сладостнымъ своимъ дыханіемъ возвратить его къ жизни; но попеченія его были тщетны: онъ схватилъ тѣло его въ свои объятія, и проливая горестныя слезы, отнесъ въ садъ Княжны Щастливаго острова. Онъ положилъ его въ гротѣ, на плоскомъ каменномъ подножіи; снялъ его оружіе, и повѣсилъ надъ нимъ, такъ какъ дѣлаютъ со трофеями; покрылъ и окружилъ тѣло цвѣтами; и воздвигнувъ яшмовую пирамиду въ головахъ его, надписавъ на оной слѣдующее.

Время въ свѣтѣ всемъ владѣетъ,
Всяку вещь къ концу ведетъ:
Красота предъ нимъ слабѣетъ,
Сильныхъ крѣпость упадетъ.
Хоть желанья разновидны
Возмущаютъ смертныхъ вѣкъ:
Суеты коль незавидны,
Зри съ печалью человѣкъ!
Постоянства нѣтъ въ забавѣ,
Ни въ любви, ни въ чести, славѣ;
Въ мірѣ здѣшнемъ все минетъ.
Времяни сильнѣе нѣтъ.

Сей гротъ былъ то мѣсто, въ которое огорченная Княжна съ отъѣзду своего любовника

ника ежедневно ходила проливать слезы, и сказываютъ, что токъ оныхъ пріумножилъ близь текущій ручей. Но съ какою радостію узрѣла она его возвращеніе тогда, какъ считала его въ удаленіи! Она чаяла, что онъ спитъ, утрудясь отъ пути своего. Долго не рѣшилась она пробудить его, но напослѣдокъ предавшись побужденіямъ своей нѣжности, разпростерла объятія -- -- Увы! приближившись, познала она свое нещастіе. Она наполнила окрестности жалостнымъ воплемъ, удобнымъ и безчувственные камни привести въ состраданіе. Послѣ того повелѣла она навѣки запереть свои палаты. Съ сего злочастнаго дня никто не можетъ сказать, чтобъ гдѣ нибудь ее видѣлъ. Печаль ея того причиною, что она показывается рѣдко, и никто не находитъ Княжну сію, не встрѣтившись съ сопровождающими ее горестью и унынiемъ; многіе человѣки о томъ свидѣтельствуютъ, и со времяни сего плачевнаго приключенія во всемъ свѣтѣ вошло въ пословицу: что *Время надъ всемъ владѣетъ, и нѣтъ уже на свѣтѣ Щастливаго острова.* —

Вотъ, преизрядная Сказка! вскричалъ *Изборъ*, когда *Славомiръ* оную кончилъ. Такъ, Ваше Величество, говорилъ *Уклонъ*, мнѣ очень понравился Зефиръ и его зеленосторонная епанча. -.-- Другъ мой! сказалъ

ему

ему престарѣлый вельможа: для придворнаго оная весьма нужна; но нынѣ уже нѣтъ дороги въ Щастливой островъ. Сказка сія, продолжалъ онъ, обратясь къ *Избору*, изображаетъ намъ, что время течетъ безостановочно; что потому надлежитъ онымъ пользоваться, и не тратить онаго въ дѣйствіяхъ безполезныхъ; а особливо Монарху, отъ коего зависитъ блаженство милліоновъ народу. Въ *Медорсусанѣ* видите вы добраго Государя, которой началъ теченіе царствованія своего съ пользою для своихъ подданныхъ; онъ защитилъ ихъ отъ сильнаго пріятеля. но теченіе сего славнаго подвига остановило суетное любопытство, вовлекшее его въ сѣти любовныя, изъ коихъ онъ уже поздно выпутался. Добродѣтель его наконецъ возторжествовала: онъ вспомнилъ о томъ, чемъ долженъ онъ своимъ подданнымъ и своему отечеству; но жаль, что ослѣпленіе его разрушилось уже тогда, какъ теченіе дней его достигло предопредѣленія Ахъ! сколько есть Государей, подобныхъ *Медорсусану*! . . . Но я не сомнѣваюсь, что *Изборъ* наконецъ возчувствуетъ смыслъ сей Сказки, и употребитъ оный къ пользѣ собственной и для щастія своего народа. ---- *Изборъ* задумался, и не отвѣчая *Славоміру*, пошелъ во внутреннія чертоги. Съ того вре-

мя-

мяни иногда допускалъ онъ къ себѣ *Славомі-ра*, и выслушивалъ наставленія его безъ ропшанія. По крайней мѣрѣ вечернія собранія не возмущались отъ его прихода.

КОНЕЦЪ I ЧАСТИ.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
31369-0 КП-310548